Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№11

2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Сейяд АРАН. **Дороги, ведущие в Иреван.** Повесть 7
Олег НАМАЗОВ. **Освобождение Шуши. Кино-эссе** 73
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. *Два эссе* 80
Рахман БАДАЛОВ. **Ахилл и Джейк: эссе об уязвимости** 85
Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ. *Воспоминания.* 116
ЛАЧИН. **Последний танец Яны Тамаренко.** *Рассказ* 130

ПОЭЗИЯ

НИЗАМИ. *Касыды* 3
Ислам САДЫХ. *Стихи* 56
Юрий МИХАЙЛИК. *Стихи* 84

ПУБЛИЦИСТИКА

Валерий СЛУЦКИЙ. **К переводу касыд Низами** 6
Низами ДЖАФАРОВ. **Ислам Садых или арена словесного героизма** 48
Аяз МАМЕДОВ. **Полет в вечность** 62
Марк ВЕРХОВСКИЙ. **Сказание о танкисте** 77

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ**

Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**

Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА**

Литсотрудники – **Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ**
https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474
https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg

Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: **Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Тофик Меликли, Эльчин ШЫХЛЫ**

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 23.10. 2023 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2023г.

НИЗАМИ

КАСЫДЫ

Перевод Валерия СЛУЦКОГО

1

**Умудренность меня в царстве Смысла на трон возвела,
Где пространство и время покорны движенью жезла,
Громогласные строки – царям приговор и награда,
Словно знамя, перо окрыляет людские дела.
Голова моих помыслов выше венца Кей-Кубада,
И для стана величья одежда Гурхана мала.**

**Над простершимся миром я солнце, чей дом – небеса,
Животворная плоть, воскрешающий мертвых Иса,
Повелитель над словом, которое первым прорвется
К совершенной победе, дорогой творя чудеса.
Направляет мой разум посыльных в чертог полководца,
Образованность – щит, обороны моей полоса.**

**Так же слово творю, как творит благородство борца,
Порождаю искусство, как юность – живые сердца,
И в газелях моих, что подобны органным аккордам,
К смыслам, точно к вину, прикасаются губы чтеца.
Я поэтов к столу допускаю движением гордым,
Наполняя стихами протянутый кубок певца.**

**Лишь открою уста – начинается свадебный пир,
Под рукой барабан сладкозвучней тимпанов и лир,
Тезис, брошенный вскользь, для философов служит законом
И основой наук, постигающих плоть и эфир.
Перед стилем моим, новизной языка озаренным,
Изобилие новшеств покажется древним, как мир.**

**Расточитель шарад – состязаюсь с несметной казной,
Я – колодезь софизмов, который влечет глубиной,
Даже Ибн-Мукла восхитился бы почерком статным,
Даже Ибн-Хани растерялся бы, споря со мной.
Я – на небе поэзии свет, не подверженный пятнам,
Я – жемчужина та, что не будет больна рябиной.**

**Если нужен бальзам – от недуга врачует строка,
Песнопенная речь, как целительный финик, сладка.
И на двери души, что подобна святилищу храма,
Отпечатано вечностью: «Дар, завершивший века».
Как пророк Магомет вознесен над врагами Ислама –
Мой язык превзошел всё, что сходит у них с языка.**

От сияния уст, одолживших у солнца права,
Раскрываются души, как нежной весною – листва,
Как цветки базилика, вдохнувшие воздух осенний.
Многолюдная площадь была бы, как в полночь, мертва,
Не текло бы вино без прекрасных моих песнопений,
Что ласкают дыханьем и плавно возносят слова.

Так дыханье мое – океан, и уста – берега.
Опускаясь на дно, где из капель растут жемчуга,
В добродетельный дождь превращается вдох мой, а выдох
Выплывает наверх, и добыча его дорога.
Чист рожденьем, как жемчуг – тону в ежечасных обидах,
Что наносят мне два незаконно рожденных врага.

Порождение блуда – завистники трутся везде.
Их терзает мой дар, в воровском уличая труде.
Хоть слова Низами – тот скакун, что летел бы, как птица,
Им препятствуют беды, и горести держат в узде.
Сам себя восхвалив, я раскаялся. Как не стыдиться?
Лишь бездарность себя превозносит, забыв о стыде.

Словно дверь тайника, пусть закроется эта страница,
Но жемчужина слова сияет, подобно звезде.

2

Но в казне у меня и агата не сыщется, мне ли
При пустом кошельке добиваться, чтоб рифмы звенели?
Не в компании кубка – я бодрствую в обществе слез
Вместе с сердцем моим в изголовье несмятой постели.
За насущные крохи, которые труд мой принес, –
Принял больше пинков, чем у вора отметин на теле.

Разуверенный в жизни, я грежу о славе. Хоть сам
В непотребных лохмотьях – к державным горазд словесам.
Для чего я из бездны пытаюсь подняться над миром?
Отказавшись быть якорем, я не чета парусам,
Не подобен искусством поддельщикам или факирам,
Чтобы выжелтить щеки и пурпур подбавить к слезам.

Лгу, что знамя – перо, а стихи – приговор и награда.
Я сравним болтовней с бубенцом, замыкающим стадо.
Паутину плету, порешив, что она – полотно.
Словно кости скелета, бездушно бряцает тирада.
Как бездомного пса, волокут меня силою, но...
Но куда? – норовистость влечет меня к пропасти ада.

На монетном дворе похваляться ли мне медяком?
Если двинется слон, то арба полетит кувырком.
Что такое стихи? – облеченная в ложь небылица.
Не смешон ли поэт, стихотворным гордясь языком?

Содержанье наук в пересказе любом сохранится,
Неизменную суть подпоясав другим кушаком.

Но когда подменить кружева стихотворного слова,
Остается одна потерявшая душу основа.
Для прочтения стих, изменив оболочку, негож.
Сам себя не пойму. То гляжу по-судейски сурово,
То, подобно свече, приведен дуновением в дрожь,
Подгибаются ноги, и выпрыгнуть сердце готово.

На весах этой жизни, как видно, не стою гроша,
Хоть в загробной дирхема была бы достойна душа.
О, Господь мой, взгляни, без глотка добродетели – стражду.
К чаше блага припав, я отныне бы жил не греша
И уста мудрецов, ощутивших духовную жажду,
Утолял бы вином из дарящего силы ковша.

Презирая богатство, мечтаю о жизни, в которой,
Защитив от людей, Ты единственной стал бы опорой,
На моем рукаве вышивая небесный узор,
Чтобы мудрость веков оставалась, как звезды, за шторой,
И в алтарь моих чувств не вторгался завистливый взор.
Разве ангелы могут соседствовать с дьявольской сворой?

Не смотри, что ничтожен, что вера моя не тверда.
Исцели от двуличья, в котором источник вреда.
Вычитая грехи, поддержи непорочный остаток,
Награждая за то, что мне ведомо чувство стыда.
Опечатанный гибелью век человеческий краток.
Преходящее сгинет. А Ты пребываешь всегда.

Я хочу лицезреть хоть единую черточку Бога.
Нет, кощунствую. Что я увидел бы, кроме подлога?
Бескорыстным служеньем душа человека жива.
Без Тебя я – ничто. Смертный разум изъела тревога.
Сам себя пригвождаю к кресту моего естества.
Помоги мне спастись, ибо сам я себе не подмога.

Небо ранит меня, и земля обжигает ступни.
Состраданием скрась испещренные бедами дни
И прости Низами за невольную тяжесть проступка,
Ибо нет от соблазнов спасающей душу брони.
Ниспослав ему жизнь, как вино из небесного кубка,
Чашу смерти ему, как спасительный дар, протяни.

К ПЕРЕВОДУ КАСЫД НИЗАМИ

Касыда относится к жанру одической поэзии.

Размер, которым обыкновенно переводят касыды – сдвоенный четырехстопный хорей, – воспроизводит транскрипцию, но не воссоздает адекватного впечатления, поскольку в нашем восприятии скорее ассоциируется с частушкой, чем с одой. Поэтому я выбрал размер, соответствующий, с моей точки зрения, одическому жанру.

Касыда – монорим. Однозвучное рифмование через нерифмующуюся строку (по схеме: АА БА ВА ГА и т.д. на всем протяжении многострочной формы) органично связано с культурным контекстом, лексическими и мелодическими возможностями языка оригинала и являлось показателем изощренности, в которой поэты состязались друг с другом. Монорифмичность касыды может быть воспроизведена и в русском переводе. Вполне реально подобрать и 40, и 80, и 150 однозвучных рифм. Вопрос только в том, что будет выражать подобная форма. А свидетельствовать она будет не о художественных достоинствах оригинала, не об изощренности и раскованности восточного поэта-импровизатора, а об ограниченности монорифмических возможностей русского языка и усилиях переводчика делать хорошую мину при плохой игре. В результате форма воспроизведена, но с неизбежной печатью компромиссности, поскольку предполагает, во-первых, обращение к глагольным, причастным, прилагательным и всякого рода другим ослабленным рифмам, а во-вторых, навязчивую выпяченность формального задания по отношению к художественно-содержательной стороне. Искусность превращается в искусственность. Принцип копируется, а цель не достигается.

Я искал возможность сохранить, так скачать, след монорифмичности, представить ее в той мере, которая была бы органична и художественно функциональна и выражала бы формальную изощренность оригинала соответственно нашим понятиям об изощренности формы. Поэтому сквозную однозвучность рифм я заменил шестистрочными монорифмическими периодами – (АА БА ВА), т.е. окнами, открытыми в оригинал и в то же время позволяющими русскоязычной форме всякий раз обновлять дыхание. Одновременно на возможность шестистиший натолкнуло меня наблюдение, что в переводимых мной касыдах последняя строка каждого третьего бейта, т.е. каждая шестая строка, завершает смысловой период.

Что касается художественно-содержательной стороны, то мне не хотелось следовать существующей тенденции «перевосточивать» восток. У Низами (что вполне естественно) отсутствуют какие бы то ни было рефлексии на своей «восточности», которая является лишь средой, но не содержанием его творчества. Тогда как в переводах культивирование «экзотичности» сводит художественно функциональные образы к выставке восточных реалий, живую мысль – к декоративной мудрости, сквозную, стремительно разворачивающуюся идею – к бесцельному перебиранию бусин-бейтов. При таком подходе, выражающем внешнее отношение, взамен актуализации явления в нашей культуре сгущаются краски мнимого различения, а вместо подлинной различенности, т.е. индивидуального лица, возникает усредненно-эстетизированный стереотип восточного поэта.

Работая над переводом касыд, я следовал за смысловой и художественной направленностью образов, не прибавлял и не убавлял красок и старался не мешать Низами быть актуальным настолько, насколько всегда актуальна живая мысль.

От переводчика
1985г.

СЕЙЯД АРАН

ДОРОГИ, ВЕДУЩИЕ В ИРЕВАН

Повесть

Плоские, серые, желтые холмы, бурые овраги тянулись друг за другом и уходили вдаль, словно застывшие морские волны. Холмы были покрыты зарослями утесника, полыни, чертополоха, кустами дикого орешника, черной смородины и ежевики. Солдаты, сельские ребята, глядя на все это, каждый раз тяжело вздыхали: «Какие отличные пастбища».

На равнине за холмами были видны дороги, поросшие сорной травой. Они переплетались между собой, словно беспорядочно наброшенные друг на друга ремни. Так как дома были разрушены до основания, тропинки между соседями тоже стерлись. Дороги, часто прерываясь, вели в никуда. Не прожив отведенную им жизнь, дороги умирали. Большинство людей, которые ежедневно по праздникам и будням спешили по этим дорогам, после вторжения армянской армии и 366-го советско-российского полка, бежали, спасая свои жизни. Армяне разрушили их крепкие дома, полные фруктовыми деревьями плодоносящие сады и райские дворики. Дороги, земли, поля остались без хозяев. Азербайджанцы, которые были здесь истинными владельцами, некогда засеивали, возделывали и орошали эти земли. Но сейчас у этих земель не было хозяев, земля на пастбищах и лугах растрескалась, покрывшись сетью мелких трещинок. Их лёгкие выгорали без воды, и прямо на глазах они умирали. Природа погрузилась в траур, ветры выли от тоски, тучи проливали слёзы. Страдание осиротевшей земли причиняло всем душевную боль, стон народный вздымался до небес.

Когда-то эти дороги соединяли между собой сёла и районы. По этим дорогам проходили свадебные шествия, звуки музыки и песен наполняли мир. Немало любящих сердец соединили эти пути.

Увы, теперь это все в прошлом. Жизнь в этих местах давно угасла.

Ни в одном доме не горел очаг, не тлели огоньки в лампах. Даже колодцы как будто пересохли. Ни в одном дворе не было слышно ни детских голосов, ни лепета младенцев, ни мерного стука нард. Не было ни движений, ни каких-либо проблесков жизни. Изредка ветер нехотя, осторожно, словно лаская осиротевшие детские головы, поглаживал высокий чертополох, дикие травы и редкие листья на ветках еще не совсем зачахших деревьев. Эти мелкие благоволения природы были бесполезны, потому как не слышно было даже шороха хранителей очагов. Повсюду воцарилась зловещая тишина. Это была не ночная или предрассветная тишина. Это была пугающая, кроваво-горькая тишина. Это знали поля и обитающие там в постоянной тревоге дикие звери, птицы, травы и даже цветы. Все живое пребывало в страхе и не знало, когда наступит избавление от этого страха.

Только по военным можно было догадаться, что здесь есть жизнь, и она продолжается. Тишину часто нарушали управляемые ими бронетранспортеры и звуки выстрелов из разнокалиберных оружий. В это время летающие в небе и ползающие по земле в панике искали, куда бы спрятаться. Птицы взмывали все выше в небо. Нарушалась спокойная жизнь природы, ужасно сотрясалась земля, почва была развороченa от взрывов бомб и снарядов. Подземные воды меняли свое направление, растения в недрах земли разрывались от желания выйти на солнечный свет. Несмотря на то, что находились под землей, они всё равно чувствовали жизнь, знали, что если

выйдут из-под земли, то увидят солнце, землю, освещенную его лучами, небо, воздух, появятся росточки, и они начнут расти. Они почувствуют любовь и заботу людей. Но у цветов, деревьев и даже у самых маленьких растений отняли право на жизнь, они задыхались в своей скорлупе. Природа протестовала, но война не позволяла услышать её голос. Безусловно, потом месть природы была бы беспощадной. Люди поплатились бы за это в будущем, но они, похоже, пока еще не были способны понять это. Стоящие друг против друга вооруженные люди каждый день нарушали порядок природы, уничтожали мир в ущерб человечеству. А в этих местах еще худо-бедно, напряженно продолжалась бесконечная, обеспокоенная будущим, тревожная жизнь.

***

Только недавно закончились празднества Новруза. В тумбочках у солдат еще можно было найти шекербуру и пахлаву. Родители, увидев своих детей, а солдаты своих матерей и отцов, немного успокоились. Настроение у всех было на высоте. Холодная погода, морозные ветры, испугавшись приближения весны, отступили на вершины гор. Всё стремилось к весне. У всех бойцов распрямлялись плечи, светлели лица.

Днём с гор поднимался пар. Земля прогревалась. Вокруг все зеленело. Солдаты пробовали на вкус молодой гречишник и овсяной корень. Повсюду росли кресс-салат, мокрица, горная кинза, шпинат. Порой бойцы собирали их пучками и, принеся поварам, просили приготовить им довгу. Те с удовольствием выполняли просьбу солдат. Молодые бойцы, накрошив хлеба в довгу, съедали иногда по две-три тарелки. В такие дни к другой еде никто даже не притрагивался. Часто готовящаяся в сезонную пору довга напоминала им о доме и семье. Бывало, у солдат на глаза наворачивались слезы, тыльной стороной руки они смахивали их, и в этот момент никто из них не испытывал стыда. Это было естественным чувством, которое испытывали все они.

Стояла райская погода. В этой тишине и умиротворении, в этой красоте всё напоминало мирное время. На миг все позабыв, солдаты вспоминали счастливые и спокойные годы. Те годы, когда не было войны, не было смертей и потерь.

К несчастью, эти солдаты были детьми военного времени.

А река жизни продолжала свое тихое течение.

***

В конце 80-х – начале 90-х годов азербайджанский народ подвергся беспощадному насилию, набегам и зверствам вероломных сил, которые не желали видеть его прогресс и развитие. После обретения независимости этой мусульманско-тюркской восточной страны ученые-экономисты с восхищением и в то же время с ревностью писали о её благополучном будущем и счастливом настоящем. И это не давало спокойно спать завистливым соседям.

Армяне, в очередной раз воспользовавшись историческими обстоятельствами, ворвались темной ночью в соседние азербайджанские деревни и учинили беспощадную расправу – они не пощадили ни детей, ни женщин, ни стариков. Хуже фашистов, они зверски убивали всех, кто попадался им на глаза, с неслыханной жестокостью устроили резню, отрезая у людей части тел. Азербайджанцы были не в силах оказать сопротивление, потому что даже имеющиеся в каждом пятом доме старые, в большинстве своем бесполезные охотничьи ружья у них давно отобрали.

Устроить взрыв среди бела дня на принадлежащих Азербайджану международных автобусных рейсах, в пассажирских поездах, направляющихся в Россию, на кораблях, выходящих в плавание из Каспийского моря, а также на станциях Бакинского метро для армян стало обычным делом. Расправы над мирным населением были беспредельно жестоки, зверствам, совершаемым ночами, и беспощадным убийствам потеряли счет.

***

В армейских палатках по утрам и по ночам было немного холодно, но это было терпимо. Разве они не военные? Разве они не мужчины? Да и власть зимы уже подходила к концу. Тёплое дыхание наступающей весны вселяло в их сердца надежду. Иногда раздавались звуки выстрелов. Это охотились на фазана, куропатку, дрофу, турача. Армяне хорошо поживились и фауной Азербайджана…

В соответствии с планом были проведены боевые и общественно-политические учения, особое внимание уделялось физической подготовке личного состава. В то же время тщательно отслеживались передвижения противника, сопоставлялось и анализировалось время смены солдат на армянских боевых позициях. Обе стороны тщательно следили друг за другом. Армяне чувствовали себя очень уверенно на занимаемых позициях на высоте Лелетепе[1].

Здесь линия соприкосновения с противником. Наверху – высота Лелетепе и вокруг нее тянулись и тянулись полосы траншей. Сёла вдоль всего Араза просматривались оттуда. Автодорога, ведущая в село Джоджуг Мерджанлы, была полностью под контролем. Несмотря на то, что территория была на азербайджанской стороне, там, можно сказать, никто не обитал. Лишь Октай-муаллим, бывший родом из Джебраильского района, время от времени копошился в тех местах. В основном передвигаясь ночью, он ухаживал за домашней скотиной и немного возделывал землю, сажал огород. Днем он легко мог стать жертвой снайпера, и жизнь его закончилась бы на месте. Враг был очень беспощадным. Ему не простили бы даже простого появления в своей деревне. Иногда он приносил бойцам молока и катыка. И, несмотря на то, что его маленьких гостинцев хватало не всем, в батальоне его встречали с радостью.

Постоянно подвергались обстрелу не только Джоджуг Мерджанлы, но и оккупированные земли, вынужденно покинутые азербайджанским населением, и поселения Мирзанагыллы, Газахлар, город Горадиз[2], в которых еще осталось немного живущих, а на самом деле прятавшихся там, как в убежищах, людей. Никто не хотел покидать свои дома. Куда они могли уйти, оставив с таким трудом обустроенную жизнь, построенные дома, вырытые колодцы и выращенные сады? Разве Аллах примет такую несправедливость?

Базы азербайджанских солдат были расположены за холмами, напротив основных позиций армян. Природный рельеф не позволял армянам, наблюдающим с Лелетепе, обнаружить укрытия азербайджанских бойцов, но они точно знали, что их позиции расположены за этими холмами. И хотя враги не могли видеть базы азербайджанцев, противоположная сторона была у них, как на ладони. Даже малейшее движение на этой территории не могло ускользнуть от них. Звук снайперской пули, подобно шипению змеи, внушал панический ужас. Днем невозможно было даже рукой шевельнуть. Наемные стрелки из разных стран, в основном девушки, под прикрытием от солнца попивая чай, кофе, воду, безжалостно убивали каждого солдата, вышедшего на секунду, или гражданских, случайно попавших на мушку.

А азербайджанцы со своих позиций, направляя камеры наблюдения на Лелетепе, постоянно держали под контролем всю территорию. Они так спрятали точки наблюдения за кустами ежевики и небольшими холмиками, что их укрытия были неотличимы от окружающей местности. Хотя эти камеры и находились прямо перед армянскими солдатами, те ни о чем не догадывались. Ну, подумаешь, кусты – растут, где придется. Азербайджанские бойцы сумели очень искусно укрыться.

Начиная с подножия Лелетепе и вдоль всего фронта проходила полоса заминированной территории, которую армяне называли «стена Оганяна».

---

[1] Высота Лелетепе – стратегическая высота, холм высотой 271,1 м, расположенный на расстоянии 2,9 км к северо-западу от села Джоджуг Мерджанлы Джебраильского района Азербайджана.
[2] Горадиз – город в Физулинском районе Азербайджана, расположенный на левом берегу реки Араз.

Вдоль всей линии соприкосновения были выкопаны глубокие рвы, насыпаны искусственные холмы. Это была многоуровневая линия обороны. На первый взгляд казалось, что, как говорили бойцы, человек высокого роста может руками достать до вершины Лелетепе. Однако так казалось только с первого взгляда. Каждая пядь земли была заминирована. Сапёры, несколько раз выйдя на разведку, проверили в разных местах и выяснили, что и пяди земли не оставлено. Предстояло провести широкий и комплексный поиск, пригласить опытных специалистов, подготовить и реализовать эффективный план операции. Неосторожность в дневное время, непродуманное нападение откуда придется погубило бы и рядовых, и группу разведки. Да и ночью, разбудив бдительность врага, можно было нарваться на ураганный обстрел и значит потерять людей. Атака требовала большой осторожности. Нужно было не сто, а тысячу раз отмерить и один раз отрезать. Армянские воинские части с высоты Лелетепе достаточно ясно и четко видели окрестности.

***

Сегодня в казарме должны были пройти занятия для личного состава по общественно-политической подготовке, которые вел заместитель командира части по идеологической работе и морально-психологической подготовке майор Сафаров. Он должен был вот-вот подойти.

Обычно рядовые обращались к офицерам – «господин командир!» К майору Сафарову обращались «муаллим»[1], что было связано с тем, что он вел общественно-политические занятия.

Некоторые старшие по возрасту, имеющие высшее образование рядовые и офицеры ради шутки обращались к нему на одном дыхании: «Господин майор командир Джафар-муаллим!» Джафар-муаллим не обижался. Посмеиваясь в усы, говорил: «Обращайтесь по уставу! Хотите получить наряд?»

Но Джафар-муаллим никогда не поступил бы так. Солдаты чувствовали, что его отношение к ним – это скорее отцовская забота, чем власть заместителя командира. У всех с майором были искренние и дружеские отношения. Его на самом деле воспринимали как любимого учителя.

Аудитория, как всегда, с нетерпением ждала майора Сафарова и собиралась в очередной раз с удовольствием понаблюдать за спором между ним и Шаиром[2].

Сержант Рауф, педагог с высшим образованием – окончил факультет истории Педагогического университета – разговаривал жестикулируя, эмоционально, с высоким пафосом, постоянно задавая вопросы. За то, что он в разговоре часто цитировал стихи и приводил цитаты, все прозвали его Шаиром. Ему и впрямь очень подходила эта кличка. Он и сейчас был в своем амплуа – что-то эмоционально объяснял товарищам.

– Мужики, клянусь Аллахом, так нельзя! Мы молчим, а эти сукины дети все больше наглеют! Да буду я жертвой твоего Аллаха, Главнокомандующий, прикажи, мы перейдем в атаку и покрошим их… Сколько ж можно ждать? Эта линия Оганяна ведь не Китайская стена, черт бы ее побрал, маячит перед нами! Неужели там нет какой-нибудь лазейки, чтобы мы могли проникнуть туда? Неужели у нас нет нормального сапёра, чтобы он проложил нам дорогу, и мы оттуда попали бы прямо на высоту Лелетепе?..

Разговор мог бы затянуться.

– Замполит пришел! Стройся! – громко объявил дежурный.

Джафар-муаллим вошел в казарму.

– Вольно! – скомандовал он.

[1] Муаллим – учитель; обращение к авторитетному, уважаемому человеку в Азербайджане.
[2] Шаир – в переводе с азербайджанского означает «поэт».

Солдаты звали его коротко по-русски «замполит». И, кажется, по пути сюда он услышал слова Шаира.

– Ну, иди давай, проводи занятия вместо меня! Какая у тебя сегодня тема?

Джафар-муаллим с иронией хотел указать молодому бойцу его место, дать понять, что не надо прыгать выше головы, но столкнулся совсем с другой реакцией. Рауф как будто ждал приглашения. Поднявшись с места, он прошел вперед. Посмотрев на своих армейских товарищей, он встал по стойке «смирно». Джафар-муаллим с достоинством сел на его место. Сидел, будто на иголках, даже ватник не снял. Лучи солнца еще не так прогревали казарму, и, как и все, он не мог согреться. Да и выглядел он почему-то усталым. Это почувствовалось сразу, как он вошел.

– Моя сегодняшняя тема… – Шаир замер…

Все смотрели на него. «Ага!.. Ну, давай, говори…»

– У каждого народа есть право на освобождение своей земли военным путем…

Джафар-муаллим, широко раскрыв глаза, с головы до ног смерил Рауфа взглядом. Нет, это что-то новое. Кажется, это не будет похоже на их обычные споры. Обернувшись, он посмотрел на солдат. Они тоже глядели на Рауфа с изумлением. Его слова стали неожиданностью и для друзей. Этого они от него не слышали даже в обычных беседах. «Что он сказал? Право на освобождение своих земель?»

Бойцы отвели взгляд от подавленного и напряженного лица Джафар-муаллима и снова повернулись к Рауфу. «Он что, говорит о войне? А ты не так прост, Шаир! Смотри, как озадачил аксакала».

Растерянный Джафар-муаллим, прочесав пятерней тронутые сединой волосы, сказал:

– Аргументируй.

Офицеры и рядовые, пришедшие на занятие, снова резко повернулись к Рауфу. «Ну, вот, давай теперь, отвечай». Но на самом деле, услышав название темы, а затем и фразу, напичканную политическими терминами, они поняли, что вопрос принимает серьезное направление.

– Статья 51 Устава ООН.

– И что там говорится?

Майор Сафаров и вправду был уставшим. Он не таскал камни, не копал окопы, не стоял ночью на дежурстве… Но так бывает. Может, какой-то нюанс в полученном из дома письме, или какое-то указание от начальства, или тоска по детям… Столько есть моментов, которые портят настроение, приводят в уныние… Все уже это поняли. И заметили, что он нехотя задал вопрос, однако и растерянность его не ускользнула от них.

Рауф сдержанно ответил:

– Наизусть сказать?

– Говори…

Майор Сафаров, сам слегка сбитый с толку неожиданным поворотом темы, произнёс это онемевшими губами так, что бойцы не разобрали, что именно он сказал, «говори» или «повтори»… «Что такое с ним происходит?»

Стоявший по стойке «смирно» Рауф рубанул правой рукой воздух и на одном дыхании выдал:

– «Настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации, до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности».

Рауф закончил говорить и, словно скинув камень с плеч, тяжело вздохнул и посмотрел на майора. Да, так с ходу эти слова не запомнишь, да и не повторишь с первого раза. Для того, чтобы повторить их в этом порядке, нужны образование и хорошая память. «Поди запомни наизусть такое длинное предложение!»

…Однако фраза «не затрагивает неотъемлемого права на самооборону» была достаточно понятна. Суть цитаты, сказанной на одном дыхании, была для аудитории сложной, но в общем понятной. Последнее предложение оставляло очень внушительную лазейку. Наступило полнейшее замешательство. То есть все так просто? Тогда чего же мы ждем?

Все почувствовали первое дуновение прохладного ветерка и принесенный им аромат трав и цветов. Конечно, это было дыхание весны. Поля, луга, весь мир вокруг просыпались от зимнего сна. Многообразие ярких цветов радовало глаз. В природе ничего не изменилось. Как всегда, все шло своим чередом. Тогда что же было не на месте, что же было не ко времени?..

Тишину нарушали божьи твари, шмели, птицы, издали был слышен шум проезжающих автомобилей. А совсем близко раздавался стук солдатских сердец. «Тук-тук, тук-тук, тук-тук». О, Аллах, как же громко стучат сердца! Почему же мы раньше этого не слышали?

Все застыли на своих местах, как статуи. От этого Рауфа можно было ожидать чего угодно. Но не до такой же степени… Словно депутат выступал.

Вдруг все стали искать майора Сафарова. Он сидел на своем месте. Ссутулившись, он будто уменьшился в росте и теперь не особо выделялся среди бойцов. Но сейчас это был не тот майор, который недавно, зайдя в удрученном состоянии, елеле разговаривал. Сейчас он сидел, выпрямившись, как струна. Широко раскрытыми глазами смотрел на Рауфа.

– Откуда ты это знаешь?

– Читал…

– Хорошо вызубрил.

– Вы, господин майор, лучше скажите, прав я или нет?

Майор Сафаров упрямо молчал.

Тема «Почему мы не начинаем войну? Мы же сильнее их» была не нова. Давно уже военные, да и сам народ хотели знать, почему азербайджанская армия не перейдет в нападение и не преподаст урок армянам. Что нас связывает по рукам и ногам? Чего мы ждем, если у нас даже есть юридическое основание международного уровня освободить оккупированные земли и Устав ООН нам это позволяет? Почему тогда говорят, что карабахский конфликт невозможно разрешить военным путем? Слепые что ли, читать не умеют, не знают, что есть такая статья в уставе самой большой организации в мире? Ещё ни разу в их воинской части этот вопрос не поднимался в таком политическом ключе.

– Понимаешь… Есть некоторые вопросы, которые легко решаются только на словах. Есть международное право… Государства не сами по себе. Вернее, такие государства, как наше. Мы не Америка, Россия или Китай… При необходимости они, не спрашивая ни у кого разрешения, делают, что хотят, сами пишут новые законы, делают поправки, нападая, захватывают территорию какого-нибудь государства. Сколько бы ни настаивали международное сообщество, малые и средние государства, они оттуда не выходят – одним словом, держат в страхе весь мир. Мы восстановили свою независимость всего несколько лет назад. Однако вести независимую политику нам не дают. Как только мы делаем самостоятельный шаг, государство и народ сразу наказывают разными способами. В стране совершают такие дела, что диву даешься! Как такое могло случиться? Даже если виновник из своих у всех на виду, всем понятно, кто дергает за ниточки из-за кулис. Но открыто сказать ты это не можешь. Сейчас в мире главное не закон, а сила. Это уже всем ясно. В особенности уже упомянутым мною государствам. Они вообще не считаются с международным правом.

Шаир, не сдержавшись, прервал Сафарова:

– Международное право гласит, что захвати чужую землю, обоснуйся там и ни за что не выходи?

– Сынок, сперва надо подготовить мир. Вы же знаете, что никто не воспринимает внезапное нападение на противоположную сторону, а уничтожение мирного населения вообще считают за зверство. В таком случае мы подвергнемся эмбарго и серьезным санкциям. То, что Азербайджан самостоятельно экспортирует свои углеводородные ресурсы в Европу, поверх головы соседней сверхдержавы, совсем ей не нравится. Гениальный Гейдар Алиев это осуществлял с таким мастерством, что всякий раз, когда они спохватывались, обнаруживали, что поезд уже ушел. Ни соседняя великая держава, ни недолюбливающие нас ближние и дальние страны, которые имели экономические и политические интересы в Азербайджане, не осмелились нарушить заключенные в 1994 году нефтяные контракты. Они избегали противостояния с миром. Как я только что сказал, даже если ты независимое государство, есть проблемы, с которыми ты не сможешь справиться.

– Значит, получается, мы еще долго будем ждать?

– Мы должны дождаться благоприятных условий.

– То есть дядю Лазыма[1]?

В казарме засмеялись. Майор Сафаров тоже улыбнулся. Бойцы получали удовольствие от этой перепалки. Рауф говорил то, что у всех было на душе. Только у Шаира была такая открытая, дерзкая, остроумная манера говорить.

Майор продолжил:

– Ситуация в Армении становится все более напряженной. Можно сказать, что население беспрерывно покидает страну. Военно-политический кризис нарастает день ото дня. Конфликт между правящим карабахским кланом и ереванскими армянами обостряется с каждым днем. Терпение народа достигло предела. По сравнению с Азербайджаном в Армении жизнь стоит на месте. Мы в регионе – ведущая страна. Мы являемся важнейшим со стратегической и географической точек зрения регионом, соединяющим Восток и Запад. Это не слова из газеты. Без участия Азербайджана здесь ни один проект не найдет решения. Мы центр всех нефтегазовых проектов, Шелкового пути, связей Востока и Запада. Баку стал местом, где собираются важные международные собрания. Вы видели, как развивается наша страна, наша столица? Для азербайджанской армии, которая уже стала самой сильной армией в регионе, перейти в наступление и освободить наши земли – не трудная задача. Нам нужно время.

– Ещё 23 года? – опять не сдержался Шаир.

– Нет… На этот раз не столько.

Рауф, взглянув на солдат, затем на майора Сафарова, с яростью стукнул кулаком по стене:

– Я знаю только одно, что, просто сказав «кыш», невозможно выгнать свинью из амбара. Надо хорошенько наподдать ей пинка, чтобы она убралась восвояси.

Все задумались. И даже майор Сафаров. Истина лежала на поверхности. Майор Сафаров тоже это понимал. Только что ему оставалось делать, он говорил то, что должен был говорить… Рауф продолжил:

– Господин майор! Меня злит то, что в конфликте с армянами все события, которые происходили на протяжении всей истории, происходили в ущерб нам. Далеко ходить не надо! Когда в 1918 году создавалась Республика Армения, мы им как столицу подарили наш древний город Иреван.

Сафаров сперва нахмурился, а потом скривил лицо. Рауф немного смягчил свои слова.

– … пошли на компромисс.

– Ты забываешь исторические условия и время. В те времена от Камчатки до Кавказа, от Средней Азии до Сахалина все было территорией нового гигантского государства, возникшего после Октябрьской социалистической революции.

[1] Лазым – по-азербайджански означает «надо». Выражение «ждать дядю Лазыма» используют, когда имеется в виду «дождаться, пока это будет нужно всем».

– Хорошо, пусть пока так… А что на это скажете? Каждый раз любым путем, воспользовавшись историческими и политическими ситуациями, они присваивали наши земли. При помощи большевиков они из ничего создали себе государство. Утверждение Зангезура и Карабаха территорией Советской Армении на собрании, состоявшемся 30 ноября 1920 года, заложило основу для присваивания Арменией нашей древней земли. Хотя Зангезур до того времени всегда был азербайджанской землей. А Карабах и вовсе…

– Все верно… – задумчиво подтвердил Сафаров и расправил плечи.

– А ещё переселение после Великой Отечественной войны… Депортация 1948-50-х годов.

– Да, это… переселение было непростительной ошибкой тогдашнего руководства Азербайджана. Багиров должен был оказать серьезное сопротивление. И со Сталиным у него были хорошие отношения. Они знали друг друга еще до революции, со времен большевистского движения в Баку.

– Гореть Сталину в аду! Помните, что он говорил в 20-м году? «Я против независимости Азербайджана».

Майор Сафаров просто слушал. Он знал, что если возразит, то собравшиеся его не поймут, наоборот, он будет дискредитирован в их глазах. И сейчас не прокатит, даже если он, как раньше, воспользовавшись офицерской властью, скажет: «Замолчите, займитесь своими делами, солдату запрещено вмешиваться в политику». Тем более, что разговор идет о судьбе Родины, а это касается всех, от мала до велика. И поэтому он не стал возражать.

– В 1929 году первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Азербайджана Левон Мирзоян, ни с кем не посоветовавшись, подарил Мехри и Зангезур Армении. Ты посмотри, что творилось, во главе Азербайджана стоял армянин, и он просто отдал наши земли, как будто они принадлежали его проклятым предкам. Дашнакский сукин сын!

Джафар-муаллим тяжело вздохнул. Он не знал, что сказать.

– Когда создавалась Армянская Республика, территория её составляла 9 тысяч квадратных километров, а территория Азербайджана была 114 тысяч квадратных километров. А сейчас площадь Армении около 30-ти тысяч квадратных километров. Все эти земли были урваны от Азербайджана с помощью армян, занимавших в Москве высокие должности и имевших с Кремлем тесные связи.

Джафар-муаллим молчал. Сказанные Рауфом слова, приведенные аргументы, цифры были настолько точны, что возразить было невозможно.

– В 1933 году в Армении создали новую территориально-административную область. Знаете, что было целью? Это сейчас даже школьнику ясно, как день: отделить Азербайджан от Нахчывана. И её, как кол длиной в 42,7 километра, вбили между ними. Если бы не было этой проклятой области, мы бы соединились с Нахчываном, оттуда легко по сухопутной дороге – с Турцией, а затем бы вышли к Европе и ко всему миру. Вот что с нами сделал коварный армянин! Вековечная часть нашей земли – Нахчыван попал в блокаду. А потом, чтобы истребить народ, они воспользовались вот каким удобным моментом: из-за слов проклятого Ленина «нужно всячески развивать хлопководство на Муганьской равнине», в 1948 году наши соотечественники были насильственно депортированы из мест, где они жили тысячи лет. Стоящие в то время во главе нашей республики опять промолчали. Азербайджанские тюрки, жившие в горах, на прекрасных лугах, у истоков родников, были брошены в кишащие змеями Муганьскую и Мильскую степи, то есть были посланы на верную смерть. Люди, привыкшие к родниковой воде, пили грязную воду из канала или артезианскую соленую воду и мерли, как мухи. От голода у детей распухали животы. Эпидемии, с одной стороны, да еще и сильная жара, которую было тяжело переносить, привели к массовой гибели людей.

– В действительности это был геноцид азербайджанцев, – майор, тяжело вздохнув, положил руку на сердце.

– Некоторые семьи через какое-то время вернулись обратно, но на родной земле они стали жить, как беглецы. В дневное время на земле, где веками жили их отцы и деды, они от страха не показывались на глаза. Потому что, если бы их поймали, то, посадив в тюрьму, избили бы до смерти. А если бы поймав, вернули обратно, то тут убили бы уже свои. Армения все время, как избалованный ребёнок, жила на дотации. Мы за счет нефти, газа и хлопка вносили в бюджет Союза миллионы. А экономические ресурсы армян были равны нулю. Разве коньяком, абрикосами, медью можно было пополнить бюджет? Задурив головы населению идеей «Великой Армении», они готовились к сегодняшним дням. Мы не жили в соответствии с вложенной в бюджет СССР прибылью. В действительности, мы должны были вести более зажиточную жизнь, не должны были стоять в очередях за мясом и маслом. Однако в Армении уровень жизни был всегда выше, чем у нас. За наш счет соседи устраняли свои недочеты. Почему каждый не жил в соответствии со своим заработком? Ну почему так все было?

Сафаров глубоко задумался. Он хотел что-то сказать, но не мог.

– Помню, в Москве шла сессия Верховного Совета СССР. Тогдашний президент СССР Горбачёв вкратце сказал так: «Грузинские товарищи у меня попросили, чтобы в Грузии отменили чрезвычайное положение. Конечно, я хорошо понимаю грузин. Грузины – гордый народ. Они не привыкли жить в таком положении. Я встречусь с товарищами, поговорю и решу этот вопрос».

– Политическое коварство Горбачёва известно всем, – тихо промолвил майор Сафаров, молча опустив голову.

– Он решил тот вопрос, как и говорил, в короткие сроки. Но про Азербайджан не было сказано ни слова. Чрезвычайное положение у нас не отменяли еще очень долго. У нашего народа есть прекрасные слова: «Видимо, ты себя представил не так, как надо».

– Да, в тот период мы не смогли показать свою силу.

– Вот еще что я вспомнил. Известные деятели искусства и культуры бывшего Советского Союза и даже из некоторых зарубежных стран часто приезжают в Карабах, в Ханкенди, который армяне называют Степанакертом, дают концерты и проводят встречи. Даже сегодня!.. – он, словно разрезая воздух, взмахнул кулаками. Потом он зажал рот руками, не позволяя ругани сорваться с языка. – Не получая разрешения у соответствующих органов Азербайджана, не проходя через нашу территорию. А потом, как говорится, незаконными путями – через территорию Армении! – возвращаются и пишут с восхищением огромные статьи в своей прессе о якобы самоотверженной борьбе трудящихся Нагорно-Карабахской Республики, и эти статьи читают миллионы людей. А когда наше Министерство иностранных дел запрещает им въезд в Азербайджан, они начинают причитать: «ой, мы не знали, извините, больше так не будем». Министерство иностранных дел Азербайджана каждый раз спускает им это с рук. Тогда как этим людям нужно навечно запретить приезжать в Азербайджан, чтобы другим неповадно было. Вот так мы должны себя всем представлять. В таких вопросах не должно быть поблажек и прощений. Нельзя спускать им это с рук, мол, «ну, совершили ошибку, больше не будут». Армяне в Москве взрывают то отель, то метро, и притом где – в больших городах, включая саму столицу. Так им хоть слово кто-то сказал? Им как народу, как стране накладывают эмбарго, запреты? Наоборот, избегают, опасаются, не особо предают огласке. Не то армяне из Москвы, Ленинграда, больших городов России во главе с кремлевскими «янами[1]»поднимут такой шум-гам, что отголоски будут слышны в Вашингтоне, Париже, Лондоне, Берлине.

[1] «ян» – имеется в виду окончание армянских фамилий.

Джафар-муаллим не перебивал Рауфа. Возразить ему, «нет, ты знаешь, вопрос стоит немного по-другому…» он не мог – это прозвучало бы как оскорбление. Все сказанное Джафар-муаллим и сам хорошо знал.

Злость, ненависть, гнев переполняли всех. У всех бойцов глаза пылали яростным огнем. Их кулаки были сжаты от гнева так, что в этот момент любого человека, выступившего против, одним ударом такого кулака можно было спокойно отправить на тот свет. А разгневанного Шаира сегодня невозможно было унять. Он кипел от возмущения. Не мог остановиться. Вспомнил всю историю.

– А в советское время, в 60-70-е годы? И тогда все земельные споры решались в пользу армян! Помните, отданные земли села Кемерли Газахского района? Ровно 400 гектаров! Я еще не говорю об отнятых землях Нижней Аскипара, Верхней Аскипара, Нахчывана, Гядабея. «Да ладно, жалко их, кругом одни камни, скалы, нормальных мест для земледелия нет. Дадим им немного земли, пусть возделывают, чтобы не подохли с голоду».

– Чаще всего принуждали сверху.

– О, Аллах! На территории Гядабея, среди сел было одно, где в основном проживали армяне – Башкенд. Даже название на нашем языке. С Арменией не имеет сухопутной границы. Тем не менее, оно было отдано под руководство Армении. Только потому, что большая часть населения армяне. Исходя из той логики, все места в мире, где армяне живут общинами, должны быть подарены Армении!

– Ну, история знает немало примеров их вопиющей наглости, – горько вздохнул майор.

– Вот вам и результат! Чем больше их жалеешь, тем выше они забираются нам на голову! Прямо, как в поговорке: «Дай мне только обосноваться, и я тебе устрою сладкую жизнь». К врагу нельзя проявлять снисхождения! «Даже если враг клянется жизнью, все равно останется врагом». Голова змеи должна быть раздавлена. Иначе она извернется и укусит тебя. И даже не вспомнит, что ты нашел её раненую, пожалел, лечил, спас ей жизнь. На протяжении всей истории они примыкали к самым могущественным странам, подлизывались, стелились перед ними, как могли. А потом всех предавали. Взять хотя бы турок. Те называли их «Верный народ». А они в Первую мировую войну объединились с царской Россией и ударили туркам в спину. Всему миру внушили, что пострадали от геноцида. А про то, что совершили предательство по отношению к Турции, стране, в которой жили веками, хоть бы заикнулись! До сих пор поют ту же песню. Подговаривая христианский мир, готовят себе союзников. Не дают им возможности увидеть реальную действительность. Представляют нас, как дикарей и варваров.

Многое из сказанного было известно всем. Только они не могли изложить это, как Шаир – логично, последовательно и точно. На самом деле, ничего удивительного в этом не было, Рауф говорил, как специалист в этой области.

Дежурный, зайдя в комнату, протянул майору Сафарову конверт. Сафаров открыл его. Прочитав первые строчки, он тотчас же встал. Обратившись к солдатам, сказал: «Я сейчас вернусь».

Догадавшись, что происходит что-то важное, никто не промолвил ни слова. Рауф с еще большим воодушевлением продолжил свою речь:

– Братья! Всю жизнь мы давали армянам работу, в Карабахе они рыли наши колодцы, строили нам дома, работали в садах, огородах. Когда им приходилось туго, то мы всегда, думая «это наши соседи, жалко их», помогали деньгами, жильем… Начиная с времен Сахль ибн Сумбата и до сегодняшнего дня они предавали нас, а мы снова доверились им. Правду говорят: слеп тот, кто два раза на одном месте падает! Это поговорка просто сводит меня с ума. Мы уже в двухтысячный раз падаем на одном и том же месте… Что же мы никак не сделаем выводы? Когда мы очнемся?

Вдалеке послышались шаги майора Сафарова. Кажется, он возвращался.

– Ладно Карабах, на нашем Аране – да простят меня жители тех мест, но я должен сказать: жарясь на солнцепёке, они выполняли любую черную работу. Сил у них хватало только приговаривать: «будь оно все проклято». Мы всё время думали, что эти работы со времен наших прадедов выполняли армяне, пусть так будет и дальше… Мы хотели, чтобы и они имели пропитание, хотели помочь им содержать свои семьи. Мы как бы благородство проявляли, черт бы его побрал. И вот результат…

От негодования у него потемнело в глазах, закружилась голова. Сидевшие в первых рядах, вскочив, подхватили его под руки. Посадили на стул, предназначенный для майора Сафарова. Во время эмоциональных выступлений с Рауфом нередко случалось такое. Он говорил с искренним негодованием оттого, что более точно и детально, чем остальные, знал исторические события. «О, Аллах, как же мы были простодушны, сколько наделали ошибок…»

Ему дали воды. Выпив, он немного успокоился. Обведя взглядом лица своих товарищей, он продолжил:

– Потому, что в своей стране им работы не было, они скитались от безработицы, умирали с голоду. Живя вместе с нами, работая на наших хозяйствах, они учились вставать на ноги и заодно узнавали наши слабые стороны, определяли, с какой стороны нам можно нанести удар. Понаехав в Баку, в нашу столицу, хныкая, плача и жалуясь, очень хорошо устроились. Объединились в общину, стали сильнее и увереннее. Обосновали себе большой поселок, назвав его «Арменикенд», с красивой панорамой прямо на Каспийское море. Получили высокие посты: министр, секретарь райкома, прокурор, директор, высокие офицерские чины в КГБ. Только при первой же возможности все время притесняли нашу интеллигенцию. «Ну, ладно, армяне, что с них взять… Пусть живут, зарабатывают на жизнь. От нас не убудет, если они займут несколько должностей» … Однако в Армении наших назначали на должность очень редко и с превеликим трудом.

В этот момент в комнату вошел Джафар-муаллим. Настроение у него было хорошее. Он не выглядел, как до этого, уставшим и задумчивым. И в таком же настроении он от души поддержал слова Рауфа:

– Да, долгое время мы проявляли уступчивость, великодушие. Нашему интернационализму не было предела.

Рауф, потирая рукой грудь, глубоко вздохнул. Что-то пробормотал под нос. Можно было расслышать только слово «Аллах…».

Майор Сафаров, заметив напряженность личного состава, насторожился. Побледневший Рауф сидел на стуле майора. Даже любимчики майора не проявили бы такого неуважения. Значит, случилось что-то серьезное. Взглянув на лучшего друга Рауфа Ягуба, он взглядом спросил: «Что случилось?!»

– Он себя плохо почувствовал. Чуть не упал. Мы усадили его на ваше место.

Майор Сафаров, взяв Рауфа под руку, вышел с ним на воздух.

– Не будь таким эмоциональным. Это слабость. Я уже жалею, что вышел на пару минут. Не делай так…

Солнце слепило глаза. Стояла отличная погода – ни жарко, ни холодно. Хотелось жить, радоваться, быть рядом с друзьями и близкими людьми. Солдаты мучились от нервного напряжения, подавленного гнева.

Цветы, словно обнимаясь друг с другом, покачивались от легкого дуновения ветерка. Бойцы, раскрыв рты, жадно дышали воздухом, успокаивались, глядя на склоны гор, на цветы, похожие на невест.

Солдатам было жаль рвать цветы. На склонах они смотрелись краше. Они уже убедились, что через несколько минут после срывания цветы начинали увядать, умирать. И сорвавший их начинал сожалеть о содеянном. Ведь в земле – в своем доме они оставались свежими…

На высоте Лелетепе, на стороне армян, стали заметны незначительные движения. Наступило время смены часовых на посту. Слышны были разговоры на армянском. Видно было, что у них хорошее настроение. У Рауфа от злости перекосило лицо. Было не понять – он то ли ворчал, то ли матерился сквозь зубы …

– Возьми себя в руки, ты же не ребенок! – уже на самом деле стал волноваться майор Сафаров.

– Господин майор! Из того, что я читал и учил, я помню, что Советская власть всегда шла навстречу армянам, все время их поддерживала. Скрывая факты, говорящие в нашу пользу, они выпячивали те, что против нас. В чем секрет?

Все стояли перед казармой. В душе, в мыслях они разбирали, переосмысливали услышанное. А разговор Рауфа с майором Сафаровым ещё продолжался. Никто никуда не расходился. Ждали окончания темы обсуждения. Все молча слушали. На сей раз Рауф продолжил уже более спокойно:

– Сумгайытские события спровоцировали сами армяне, и погромы сами совершили. Однако постановлением Верховного Суда СССР признали виновником Ахмеда Ахмедова, патриота, приговорив его к смертной казни, и обвинили азербайджанцев в сумгайытских событиях. Тогда как во главе всех этих преступлений стоял армянин, родом из Сумгайыта, – Эдуард Григорян по кличке «Паша». Ахмедова расстреляли, а Григоряна отправили сначала в московскую тюрьму, а затем в Ереван. И через 2 года армяне его выпустили. Вот она какая – их справедливость!

Джафар-муаллим снова провел рукой по волосам.

Рауф так хорошо все излагал, казалось, проливал свет на все темные, двусмысленные вопросы. Как же все стало ясно. О некоторых проблемах Джафар-муаллим и сам давно размышлял. Но он не мог объяснить их столь эмоционально, как Рауф. Может, будь на его месте кто-то другой, он накричал бы на Рауфа, заставил бы взять свои слова обратно или вообще не дал бы говорить. «Не нарушай Устав!»

На счастье Шаира, ему попался добродушный командир.

– В Карабахе собрали все, даже проржавевшие, совсем непригодные охотничьи ружья. Допустим, председатели сельсовета знали, у кого из азербайджанцев, проживающих в армянских селах, есть оружие. А кто знал, у кого именно есть оружие в азербайджанских сёлах? Наши знали! Заранее всё собрали и сдали властям. Показали себя законопослушными и честными. Оставили народ безоружным. У нас не было даже ружей, когда они напали на нас с автоматами и пулеметами. Вот как все было!

Рауф ударил рукой о руку. Потом, схватившись за голову, взъерошил волосы. Он горел в пламени гнева, только дыма не было. Не зная, что делать, он замолчал. Кажется, что в душе он потихоньку закручивал фитилек огня…

– Но ни союзное правительство, ни власть в Армении ни разу не остановили вооружавшихся армян, сделали вид, что ничего не видят и ничего не знают. А после того, как руководство Нагорным Карабахом поручили Аркадию Вольскому, наши земли официально вышли из-под контроля. Видите, сколько было принято решений, и все в пользу армян.

Напряжение достигло предела. Если бы сейчас солдаты, взявшись за оружие, без какого-либо приказа бросились на высоту Лелетепе, ни Джафар-муаллим, ни какой-то другой офицер не смогли бы их остановить. Даже генерал не смог бы устоять перед этой яростью. Шаир воодушевил солдат до крайней степени. Молчание Джафар-муаллима, неспособность дать вразумительный ответ на сказанные аргументы, опущенный в пол задумчивый взгляд и во многих моментах косвенная поддержка Шаиру свидетельствовали о полной правоте Рауфа. Он был очевидным героем этого дня.

– Якобы для решения конфликта была создана Минская группа. На самом деле, целью было, продолжая конфликт, заставить Азербайджан согласиться на капитулянтский мир. Вот им, вот это увидят, – Рауф сложил из пальцев кукиш.

Все одобрительно захлопали. От шума заложило в ушах, но майор Сафаров никому не сделал замечания.

– Страны, которые они представляли, абсолютно не были заинтересованы в решении конфликта, приезжали, как туристы, гуляли, ели, пили и уезжали. Был один депутат Агабек Аскеров, ничего не могу сказать о его депутатстве, но двумя руками поддерживаю его слова о Минской группе, что «ОБСЕ – импотентная организация». Правильно сказал, что можно ждать от этой «импотентной» организации? Цель ОБСЕ и цель армян абсолютно одинаковые, и притом они открыто демонстрируют христианское единство. Сохраняя статус-кво, тянут и тянут решение проблемы, чтобы в конце замять это дело. Азербайджан должен отказаться от Минской группы ОБСЕ. Что это за организация такая, ни толку от нее, ни проку. Ни разу в нашу пользу ни слова не сказали, постоянно поддерживают армян. Разве такой бывает объективная миротворческая организация?

Общественно-политическое занятие началось в казарме, а закончилось на улице. Все задумались. Все искали ответа на очевидный вопрос. В действительности, на него не так уж было трудно ответить. Все было понятно. Кажется, как говорил Шаир, все ждали дядю Лазыма. Это ожидание, гадание слишком долго продлилось. Настало время окончательного решения.

Они разошлись по двое, по трое. Отправились – кто за оружием для боевого дежурства, кто на стрельбу, а кто выполнять другие поручения. Друзья Шаира с гордостью похлопывали его по спине. Победителем сегодняшнего дня, конечно, был он!

– Ты молодец! – сказал кто-то, хлопнув его по спине.

А он, шутя, сказал, уворачиваясь от очередных шлепков:

– Ладно вам, у меня сейчас сердце оборвется.

***

В последнее время режим прекращения огня часто нарушался армянскими вооруженными формированиями. Постоянные обстрелы даже по населенным пунктам из крупнокалиберного оружия и минометов утомляли людей. Несмотря на бесчинства армян и их обстрелы, те, кто остался на границе лицом к лицу с врагом – на своей родной земле, не покинули свои дома. Но жить им было очень трудно. На пашнях, полях невозможно было выполнять повседневные работы. Посевные задерживались. Люди не могли даже рукой пошевелить. Будучи в безвыходном положении, чтобы вспахать свои участки, они вынуждены были выходить на поля затемно. И тогда, попав на мушку затаившихся в засаде снайперов, они или умирали на месте, или же раненые, истекая кровью, возвращались обратно. Никто не собирался больше мириться с этим невыносимым положением.

Дело шло к ночи. Когда служебная машина командира корпуса Маиса Бархударова подъехала к позиции, его, кроме часового на посту, никто не увидел. Грунтовую дорогу провели так, что, как ни вглядывайся, а за цепью холмов все равно ничего не видно.

Командир корпуса еще до того, как машина остановилась, открыл дверь и выскочил на ходу. Прервав доклад встречающего его заместителя, он спросил: «Всех созвал?»

– Весь личный состав, собранный по вашему приказу, ждет вас! – ответил заместитель.

– Очень хорошо.

Когда Бархударов вошел в казарму, все встали по стойке «смирно». Кто-то хотел отрапортовать. Но он прервал на полуслове: «Вольно! Садитесь».

По знаку командира подразделения заместитель начальника штаба повесил на стену карту боевых действий. Бархударов внимательно обвел взглядом личный состав. Выглядел он серьезно, решительно и уверенно.

Все поняли, что задание будет важным. Не спеша он начал свою речь.

– Мы получили донесение, что на рассвете армяне собираются напасть на нас. Мы должны их опередить. Перед атакой их всех хорошо накормят и напоят так, чтобы они были смелее. Это нам на пользу, они будут пьяными и отупевшими. Мы должны раньше них перейти в наступление и непременно захватить высоту Лелетепе. Днем они опять обстреляли наши деревни. Один человек погиб, четверо ранены. В сёлах равнинного Карабаха люди опять не смогли вспахать землю. Сроки посева запаздывают. В результате мы не сможем собрать осенью урожай. А этого больше нельзя допустить.

Офицеры личного состава, затаив дыхание, слушали командира подразделения. Все были взволнованы. «Наконец-то…!»

В тишине было слышно поскрипывание карандаша, которым полковник Бархударов водил по карте.

– Вот отсюда будем атаковать. Наши длительные наблюдения показали, что когда армяне спускаются вниз, то они это делают сначала в виде треугольника, а затем вот так зигзагом подходят к своим последним постам, – он прочертил на карте траекторию движения армян.

Командиры разведывательной группы и саперной роты делали заметки. На самом деле они пытались воссоздать эти места у себя в памяти. Все детали ландшафта четко вставали у них перед глазами. Бархударов еще раз повторил траекторию движения армянских военных. Ход боя, который начнется через несколько часов, отмечался на карте, пути подготовительных групп указывались стрелками. Визуальная разведка местности была проведена очень точно и успешно. В авангарде атаки должны были быть спецназовцы и сверхсрочники. Определенные направления ударов были рассчитаны до мельчайших деталей. Если все пойдет по плану, то атака увенчается полным успехом. Никакого «ЧП» не ожидалось, конечно же, уповая на милость Аллаха и умение воинов.

Боевые машины пехоты, танки, тяжелые артиллерийские установки, отдельная артиллерия Агамира Султанова были умело расставлены в местах, не доступных для наблюдения с вершины Лелетепе. Когда начнется бой, они своевременно придут на помощь и скажут свое слово.

– Восемь групп единовременно пойдут в атаку. То есть на каждый пост одна группа. Главное условие атаки – внезапность. В одну и ту же минуту на все восемь постов должно быть совершено внезапное нападение. Враг не должен успеть даже рукой пошевелить. Насколько можно – бесшумно, как бабочки, стремительно, как молнии. У кого не выдержат нервы, я говорю прямо, пусть остается…

Никто из личного состава, офицеров даже не заикнулся в ответ. Бархударов этого и ожидал. С удовлетворением он продолжил:

– По возможности, мы должны выйти из этой битвы с малыми потерями. Во-первых, начнем с «Китайского поста». Капитан Агаев, это задание поручается вам. По рации говорить конкретно, ясно, коротко. Соблюдайте конспирацию. Ещё раз уточните условные знаки и выражения. Саперы должны очистить местность около «Гурд дили». Утром должен быть открыт путь танкам для атаки. Гусейнов, – он повернулся к командиру инженерно-саперной роты, – вся техника должна проходить через одну и ту же очищенную зону. Ни на сантиметр вправо или влево. По мере подъема будет легче. Потому что они не установят мины в местах, близких к ним.

Агаев с Гусейновым, переглянувшись, улыбнулись. «То есть все настолько точно?» Почувствовав это, командир корпуса объяснил:

– Конечно, если саперы очистят больше территории, то обойдемся без сантиметров.

Бархударов еще раз посмотрел на командира инженерно-саперной роты Гусейнова.

Гусейнов встал. Сразу ответил:

– Мы уже уточнили, откуда будем пробивать их оборону. Можете не беспокоиться.

– Очень хорошо. Все командиры должны быть очень внимательными и осторожными на своих местах, на своих позициях. Время атаки будет отдельно сообщено. Должна соблюдаться секретность. Если вдруг возникнет проблема, всем дадут знать. И да поможет нам Аллах!

У всех от волнения колотились сердца. «Неужели этот день настал?!»

Они не могли поверить. Но все это говорил командир корпуса Бархударов! А он никогда еще не бросал слов на ветер. Командиры посекундно сверили свои наручные часы с часами Бархударова. Оставалось еще много времени. Одна минута сейчас тянулась, как год. Рауф подошел к командиру разведки Агаева:

– Как мы проведем столько времени?

– Пойдем, еще раз проверим территорию…

Личный состав мотострелкового взвода, командиром которого был Рауф, с беспокойством ожидал его, собравшись недалеко от места, где шло совещание. Они уже давно искали его. Ни на спортивной площадке, ни на полигоне, ни на стрельбище его не было. Он понимал друзей. И чтобы не мучить их, успокоил:

– Не волнуйтесь, идите, хорошенько отдохните.

Никто не сдвинулся с места. Его столько времени не было, только появился и то говорит: «Идите, отдохните». Видя сомнение боевых товарищей, он поднял кверху большой палец правой руки:

– Все будет хорошо! – и, многозначительно подмигнув, сказал, – я сам вам сообщу.

Увидев, что у командира хорошее настроение, бойцы, похлопывая друг друга по спине, оставили его одного. «Не будем мешать».

Другие командиры тоже разошлись в разные стороны, чтобы ещё раз понаблюдать за местностью, где они будут атаковать.

***

На армянских постах время от времени зажигались огни. Ввиду того, что эти посты располагались на высоте, врагу все было видно, как на ладони. Если бы произошло внезапное нападение, они узнали бы еще до того, как бойцы добрались до их постов, и сразу же сгруппировались бы. С военно-стратегической точки зрения, положение бойцов азербайджанской армии было очень сложным. Помимо сложности, того, что надо было карабкаться, взбираться наверх, они еще были открытой мишенью перед взором врага. Нужно было быть предельно осторожным, гибким и хитрым, чтобы не попасться на глаза врагу.

Темнота сгущалась. На армянской стороне особого движения больше не было. Кажется, армяне даже не думали, что азербайджанцы могут напасть. Все равно не смогут перейти линию Оганяна. Если бы такое было возможно, то это уже произошло бы. Не случилось, значит, можно спать спокойно. Они были уверены, что при прохождении через заминированные участки от малейшей неосторожности будет взрыв. Тогда сразу же, взяв на прицел нападавших, они уничтожат их. И поэтому они беззаботно дремали на своих постах. До рассвета ещё оставалось много времени.

Атаку должны были начать с «Китайского поста». Это был самый близкий к ним пост. Армяне покрыли кусками красной черепицы навес боевого поста так, что издалека он напоминал крышу китайского дома. И поэтому обе стороны между собой называли это место по-русски: «Китайским постом». В азербайджанской армии большинство военных терминов по традиции использовалось на русском языке. И мы в своем повествовании вынуждены следовать этой традиции.

***

Прямо посреди ночи командир саперной роты Гусейнов тихо приказал: «Готовьтесь». Весь отряд ответил: «Готовы!» Рации были включены, так что все слышали друг друга. Все последовательно отрапортовали о готовности. Во мраке ночи штурмовые группы, бесшумно выйдя из заранее определенных мест, двинулись на армянские посты. Сапёры, тоже взяв свое снаряжение, встали наготове. Стали ждать своей очереди. Несмотря на непроглядную темноту, они отлично очистили путь, по которому направлялись солдаты. Старались, чтобы под ногами не осталось камней, которые, скатившись, могли издать шум. В противном случае, если враг что-то услышит и откроет стрельбу, планы не осуществятся. Нужно было быть максимально осторожными. Все были одеты в удобную амуницию. Другие штурмовые группы следовали за ними след в след. Ещё раз проверив свой отряд, Гусейнов сказал: «О, Аллах» и начал читать молитву. Члены отряда, тоже помолившись про себя, полностью сконцентрировались. Сперва они ползком подобрались к «Китайскому посту». Разведчики смело, бесстрашно, внимательно и осторожно шли впереди. Азербайджанские воины давно ждали этого дня. Скользя в темноте по расщелинам лощин и оврагов, раскрываясь, как сжатые пружины, они взбирались наверх. Точно, как сказал командир корпуса: бесшумно, как бабочки, стремительно, как молнии.

Получившая после них задание большая группа саперов тоже начала операцию в другом направлении, чтобы с раннего утра танки смогли беспрепятственно проехать. Большую дорогу должны были открыть они. За день до этого командир корпуса Маис Бархударов и его первый заместитель, начальник штаба Бекир Оруджев, вместе осмотрев территорию, провели между собой совещание и наметили этот промежуточный участок местности. Все процессы были просчитаны до минуты.

Штабные офицеры корпуса и командиры частей, участвующие в штурме, исследовали территорию сантиметр за сантиметром. Провели своего рода наглядный урок. Только ученики не сидели за партой, все слушали стоя.

Ровшан, иногда кидая мелкие камушки в Акифа, который был мозгом, «золотым компьютером» саперов, давал понять: «Что ты стоишь, давай побыстрей, скоро утро. Что ты там копошишься?» А тот в ответ грозил кулаком, мол, подожди, дай только закончить, потом я тебе покажу, где раки зимуют. «Я здесь что, шашлык ем, что ли… Вдруг армяне почуют что-то, тогда вся операция сорвется. Что мы потом скажем командиру… не отвлекай меня, я же работаю…»

Узеир вздрогнул оттого, что ему на руку упала капля. Он посмотрел наверх. Нет, это не дождь… Вынув свой платок, он вытер со лба Акифа капли пота.

– Боишься?

– Нееет… Однажды родился, однажды и умру… Кто же живет до конца света? Только смерть тоже должна быть почетной. Хотя бы на поле боя. Но не из-за маленькой ошибки же? Ответственности боюсь. Я же путь прокладываю. Все будут проходить отсюда. Ошибок не должно быть. Ты же знаешь, в нашем деле ошибаются один раз. Эту ошибку я, может быть, могу сделать, когда буду искать мину в другом месте. Но не сегодня, не здесь. Если я ошибусь, дело не получится, я себя даже на том свете не прощу. В могиле буду гореть синим пламенем, даже земля меня не примет. Мы же столько времени ждали этого дня.

Высота Лелетепе, с военно-стратегической точки зрения, – очень важная точка.

С этой высоты можно было увидеть остальную территорию Физули, даже виднелись контуры Бейлягана. Армяне построили такие крепкие оборонительные, железобетонные конструкции, что пройти через них казалось очень трудным и невозможным. Работа армянских военных была формальной и заключалась в том, чтобы прохаживаться туда-сюда по охраняемой ими территории. То есть, чтобы азербайджанцы видели, что на посту кто-то есть. И заодно, чтобы их командиры не были спокойны.

На «Китайском посту» стояли два армянских солдата. Иногда, идя друг другу навстречу, они менялись местами.

– Когда будет очередная смена, мы должны схватить обоих. Тогда они растеряются, – командир разведгруппы Агаев обратился к прапорщику Рустамову. – Тот, что подальше, твой.

Рустамов понял. Он поудобнее стиснул в руках острый нож. Рауф и Селим, повернувшись к идущему обратно армянскому солдату, неожиданно набросились на него и повалили на землю, не дав ему даже выдохнуть. Другой солдат, услышав шум борьбы, повернулся и вскинул автомат. Нож Рустама вонзился ему в грудь прежде, чем он начал стрелять. Первый штурм прошел успешно. Без лишнего шума, словно все оставалось, как есть. Будто бы и не было этого маленького нападения.

Агаев поднёс рацию к губам, чтобы передать сообщение. К нему быстро подошел Рауф и тихо прошептал:

– Господин командир, скажите: «Чин[1] у нас!» Если скажете название поста на русском, то армяне могут понять.

Агаев замер. Есть военные правила. Операция – не место для шуток. Все должно быть четко и конкретно… Однако Шаир тоже прав… Ладно, пусть будет, как говорит Шаир. Если не поймут, то тогда скажет всем известное название.

Командир корпуса Бархударов, услышав сигнал капитана Агаева, с нетерпением сказал:

– Да, да, слушаю.

– Чин у нас…

В окопе все почувствовали, что командир части не может понять сообщение. Он явно стал тяжело дышать. Это могло быть и от волнения. Он о чем-то думал. Открыто говорить он не мог и не хотел задавать вопрос, чтобы что-то выяснить. Наконец, раздался голос.

– Шаир с тобой?

– Так точно!

– Ты выражаешься его языком?

– Так точно!

– То есть мы имеем в виду…? Чинский регион у нас?

– Так точно!

– Значит, все нормально?

– Так и есть!

– Тогда удачи!

Всё шло по плану. После коротких схваток, следующих друг за другом, армянские солдаты на постах были ликвидированы. Азербайджанские воины не дали им возможности притронуться к оружию. Было приказано по возможности не стрелять. В первые минуты сонные армяне не могли понять, что происходит. С одного удара их уложили на казарменный пол. Наблюдения, которые велись долгое время, давали свои плоды. Как и было велено, внезапно напав на врага, они ликвидировали его. Они проделывали это с такой скоростью, что враги не успевали даже открыть глаза. Сначала они не поняли, в чем дело. Думали, что дежурный командир мутузит заснувших ночью постовых.

В центре восьми постов, находящихся у подножия Лелетепе, на самой высоте размещался большой пост. Армяне называли его между собой Главный штаб. Здесь сидело руководство. Они перехватили недавний разговор по рации. Пожилой армянин, хлопнув в ладоши, расхохотался:

– Ара, кажется, эти азербайджанцы все передохли. Уже с джиннами водятся. Ах, вашу… – выругался он.

[1] Чин – на азерб. означает Китай.

– Выпьем за храбрых армянских солдат! Даже если придут все джинны и черти мира, с нами никто не справится.

Их начальник, полковник-лейтенант Максим Григорян, залпом выпил полный стакан. Вздрогнул, крякнув «Ваах!», и подпрыгнул на месте. Поделив сосиску пополам, сожрал ее прямо с кожурой. Жуя, он снова ахал: «Ваах! Ваах!». Кажется, у него все горело внутри. Он хотел порисоваться перед всеми, только тутовая водка его хорошенько скрутила.

Сидящие рядом тоже опрокинули стаканы и только, фыркая и кряхтя, собирались накинуться на еду, как услышали второй рапорт:

– Второй Чин тоже у нас!

И снова в Главном штабе раздался хохот. Некоторые, повалившись на стоящие в беспорядке лавки, хохотали, как безумные. Тот же пожилой армянин торжественно объявил:

– Завтра я лично попрошу генерала разрешить мне одному захватить Горадиз. Чем я хуже того Мубариза? Вай, эти азербайджанцы до чего дошли, ара, людей у них нет, все передохли. Я вас заверяю, что, если джинны увидят наше нападение, от страха и они направят свои автоматы на азербайджанцев. Чтобы выжить, они подчинятся отважным армянским воинам и прольют кровь мусульман. Вот увидите.

У Главного штаба что-то пошло не так. Сходивший справить нужду к траншеям армянин увидел азербайджанских бойцов и, крича во всю мочь, забежал внутрь:

– Тюрки на пороге!

Бойцы с занятых позиций подвергли пост шквальному огню. Однако они столкнулись с очень сильным сопротивлением. «Кажется, будет нелегко». Позиция армян была крепкая.

Майор Эльнур Алиев предложил:

– Ребята, давайте все вместе войдем на пост.

Все, как один, бросились в наступление. Вдруг перед отрядом упала граната. Эльнур, чтобы спасти товарищей, схватил лежащую под ногами доску, прижал к груди и бросился на гранату.

– Живите, ребята!

От ударной волны всех отбросило в разные стороны. Все бойцы получили лёгкие ранения. Только майор Алиев погиб на месте. Тело его было разорвано на куски. Слезы душили его товарищей…

В этот момент раздался голос командира:

– Почему мешкаешь?

Командир батальона доложил сложившуюся ситуацию:

– Господин полковник, они оказывают сильное сопротивление, их много… Эльнур Алиев погиб…

… стало понятно, что командир корпуса потрясен. Последовала долгая пауза…

Бойцы не поверили услышанным словам:

– Потерпите немного, я сейчас буду!

…Максим Григорян, не переставая, подбадривал своих солдат:

– Не бойтесь! Сейчас наши подойдут на подмогу и покажут им!

Огонь был открыт с самых разных точек. Армяне в своих укрытиях занимали крепкую позицию, к тому же превосходили численностью. Захватить штаб было невозможно. Даже близко подступиться было трудно. Они хорошо просматривали подступы к штабу. А азербайджанские солдаты из-за погашенного света в штабе их не видели.

Узеир с Ровшаном были немного впереди. Посовещавшись, они кинули две гранаты в казарму, дверь которой была накрыта железной решеткой. Обе, попав в решетку, откатились чуть назад. Всё вокруг обволокло пыльным туманом.

Подлый Григорян вышел к дверям казармы, ища солдат, находящихся поблизости. Когда рассеялись дым и пыль, он вдруг увидел Узеира. Узеир спрятался в углублении, которое было посреди траншеи. Вскинув автомат, Григорян прицелился ему в грудь. Он целился очень спокойно, будучи уверен, что брошенная до этого граната убила всех, находящихся вблизи штаба. Узеир, почувствовав, что ему не выжить, в секунду собрался со всеми силами и резко вскочил на ноги. Автоматные пули попали ему ниже пояса.

– Ровшан, меня подстрелили!

Ровшан был поблизости. Он увидел стрелявшего в Узеира. Григорян, не заметивший Ровшана, был спокоен. Он был еще под влиянием тутовой водки. Из своего укрытия Ровшан, пронзив темноту, выпустил всю обойму. От полученных в голову пуль Григоряна зашатало. Он упал лицом вниз и в последний раз нажал на спусковой крючок. Пули вошли в стены траншеи.

В ту же минуту подоспел командир корпуса полковник Бархударов с двумя бойцами. Сидящие в окопах словно превратились в разъяренных львов.

Прибывший с Бархударовым гранатометчик, поудобнее разместив свое оружие на плече, выстрелил и разнес железную решетку. Внутри началась суматоха. Командир корпуса приказал:

– Мы должны поймать живым хотя бы одного человека, будьте внимательными и осторожными.

Были слышны жалобные причитания армянина, который собирался взять Горадиз.

– Ара, мы в чем виноваты? Мы же не сами пришли! Нас привели! Сжальтесь! Смотрите, мы оставляем оружие и выходим!

Командир корпуса, подав знак «Отставить!», сказал:

– Выходите! Никого не тронем.

Потом повернулся к Ровшану и сказал:

– Проверь все хорошенько внутри!

***

Шел второй день боя. Армяне, оставив Лелетепе, которую они охраняли, как зеницу ока и сидели там очень уверенно, убежали довольно далеко. Они оказывали очень слабое сопротивление. Одной из причин было то, что отважная артиллерия Агамира, подбив во время боя одиннадцать танков армян, в прямом смысле слова шокировала их. Они вообще не могли понять, как азербайджанские солдаты могли с такой точностью подбить их танки.

Командир корпуса полковник Бархударов на танке был в авангарде наступления. Бойцы с гордостью и бесстрашно шли за ним. Все хотели отличиться, проявить геройство. Никто не думал о смерти. Раненые, истекая кровью, кидались в атаку. Враги были растеряны. И поэтому открыто отказывались от боя; оставшиеся в живых, бросая танки, в беспорядке убегали.

Армянские командиры не могли остановить своих солдат. Сейчас среди них были более заметны гражданские лица. Скорее всего, их в спешном порядке собрали из районов, где жили армяне. И сразу было видно, что они новобранцы. В бою они, сразу попав под пули, погибали. Было понятно, что их призвали насильно. Умирая, они проклинали тех, кто их привел.

По рации передали, что на передовой от снарядов погибли майор Самед Насибов, любимец батальона Рухин Пириев и один прапорщик.

Враг не давал возможности забрать их тела. Наверно, сами хотели забрать, чтобы потом поменять на какого-нибудь армянина.

Старший лейтенант разведгруппы Эльшан сказал:

– Я пойду за ними!

Все посмотрели на него с надеждой и беспокойством. Тела погибших находились под градом пуль. Может, и в самом деле кто-то из них еще оставался в живых. Усердие армян могло быть связано и с этим… Капитан Мирзоев благословил Эльшана и его группу:

– Идите. Да хранит вас Аллах!

На находившейся поблизости машине скорой помощи они отправились туда, где лежали товарищи. А бойцы, отвлекая врага, не давая ему пройти вперед, прикрыли это направление плотным огнем. Когда погружали в машину погибших бойцов, то увидели, что Рухин жив. Облизнув потрескавшиеся губы, он проговорил:

– Шахин, брат, ты пришел?

Эльшан сообщил по рации, что Рухин тяжело ранен и хочет видеть брата. Сразу же было приказано уточнить, где именно сражается Шахин, и доставить его на высоту Лелетепе. Это задание поручили капитану Агаеву, а он дал указание Рауфу.

При возвращении Эльшан крепко-накрепко поручил водителю:

– Постарайся не сходить с колеи, наши саперы эту дорогу проверили, она чистая, вези помедленнее, не волнуйся.

Снаряды падали то справа, то слева, то спереди, а то позади машины скорой помощи. Взорвавшийся поблизости снаряд крепко задел машину. Водитель, как ни старался, не смог удержать машину. И членов группы, и раненых, и тела погибших разбросало в разные стороны. Передняя часть машины скорой помощи была разворочена. Случилось чудо. Никто не получил серьезных повреждений.

Мирзоев, внимательно следящий за происходящим, послал новый автомобиль. Не обращая ни на что внимания, водитель мчался по кочкам. Ему было не до сломанной рессоры и развалившегося мотора.

Эльшан не мог двигать левой ногой из-за свежей раны; он, волоча ногу, пошел навстречу машине.

– Возьмите раненых!

Собрав всех, он увел их из опасной зоны.

Кровь, текущая из раны ниже колена, не останавливалась. Открыв «инпакет», он вытащил жгут и сильно перевязал им колено выше раны. К счастью, кость у Эльшана не была задета. Была разворочена голень. Быстро перевязав рану, он остановил кровотечение.

***

Совсем близко был слышен голос Рауфа – Шаира.

Удальцы, нынче битва начаться должна.
Быть разгромлены эти убийцы должны!
Узнается по ранам тяжелым игид.
Струи вражеской крови пролиться должны.

Кероглу знает привкус враждебной крови.
Эй, храбрец, на ристалище всех созови!
Бей визирей нещадно и ханов лови –
И тела на тела громоздиться должны!

От слов Шаира Шахин воодушевился. Он вскричал: «И тела на тела громоздиться должны!» Армяне бросали технику, оружие и убегали, чтобы побыстрее сбежать с поля боя и не попасть в плен.

Рауф сдавленным голосом произнес:

– Шахин! Твой брат ранен. Наверно, нужно будет его отвезти вниз, в госпиталь. Хорошо, если ты будешь рядом.

Шахин воспринял сказанное, как обычные слова. Сейчас первое, что приходило на ум, так это ранение. Это же война… всех могут ранить. Лучше быть раненым, лишь бы смерти не было. У Шаира тоже всё лицо было в крови. Лоб, лицо, шея, все было в ссадинах. «Да, наверно, ничего страшного. Не стоит из-за этого терять время».

Яростно крича, он кинулся вперед:

– Разве можно оставить такое удовольствие?

Шахин, словно танцуя под градом пуль то влево, то вправо, перебегал из одного рва в другой и шёл прямо на врага. Рауф, поняв, что не сможет отвлечь его от боя, наконец сказал:

– Он тяжело ранен. Зовет тебя … Говорит, что хочет что-то сказать.

Только сейчас, кажется, дошел до него истинный смысл этих слов. «Обычно же так и намекают…» Рука Шахина замерла на спусковом крючке. А Шаир, уже отвернувшись, бросился далеко вперед. Он опять цитировал стихи из «Кёроглу»:

Э-гей, храбрецы, э-гей!
В блистанье клинков летите!
Как соколы в небесах,
На алую кровь летите!

– Иди, вернешься потом! Оставлю на твою долю тоже. Шевелись! – крикнул Рауф.

Шахин пополз назад, продираясь между кустами ежевики. Тыловики несли раненых. Они действовали быстро и организованно. Кроме пули-дуры, их ничто не остановило бы. Враги были заняты бегством. Армяне спасали свои шкуры.

***

…За три месяца до битвы Рухин окончил курсы. Он был худощавым парнем. Его брат Шахин, шутя, просил своих товарищей позаботиться о нем:

– Ради Аллаха, присмотрите за ним, а то мы даже не узнаем, если его ветер унесет.

Несмотря на слова Шахина, Рухин был очень умным и ловким. В мгновение ока он разбирал и собирал автомат. Даже офицеры не были такими проворными, как он. Такой худой юноша отжимался 60-70 раз, а на турнике подтягивался раз 30-40. Многие, завидуя, говорили, что это из-за его веса. Рухин улыбался, отвечал только одно:

– Ну, ладно, а сборка автомата тоже из-за худобы?

Автомат он разбирал за 9, а собирал за 18-19 секунд.

Рухин был первым на курсе. В отличие от самодовольных парней он всегда перевыполнял армейские нормативы. В быстром и успешном прохождении профессиональной подготовки на военных учениях ему не было равных. Шахин и здесь не переставал шутить:

– Ты посмотри, родного брата от одного отца, от одной матери я, оказывается, не очень-то хорошо знал.

Рухин косил армянских солдат, как траву. Этот худой, щуплый, хилый на вид боец прямо на глазах у армян убивал их по одному, а они не могли его подбить, все пули пролетали мимо него. Враги и сами был растеряны от того, что пули не берут Рухина. В конце концов они решили уничтожить его гранатой. Одновременно в него метнули кинули три гранаты. Одна из них упала прямо ему под ноги. Раскалённые осколки вонзились в тело. Даже падая, он открыл огонь и смертельно ранил тех, кто хотел приблизиться, чтобы взять его в плен.

При виде Шахина ему стали махать руками. Увидев беспокойство на их лицах, он бросился к ним. Приблизившись к Рухину, он увидел, что брат весь в крови. Внутри у него все перевернулось.

– Братишка, брат! – он обнял его за голову. Слёзы потекли рекой. – Браат! – крикнув еще, он с силой сжал его в объятиях.

– Осторожнее, больно… – застонал Рухин.

Шахин сразу же ослабил руки.

– Как это произошло? – он не произнес слово «ранили». Это было лишним...

– Граната взорвалась прямо у меня под боком. Как будто меня подбросили и швырнули о землю.

Вдали шли бои, на равнине по направлению к селу Нузгяр тыловики без устали таскали раненых.

Наконец, подошли и к ним. Шахин помог уложить Рухина на носилки. Они быстро побежали вниз, к автомобилю. Шахин не отходил от брата:

– Я тоже поеду!

Никто из медперсонала не произнёс ни слова…

***

В госпитале Ахмедбейли, после удаления большой части осколков и перевязки ран Рухин немного пришел в себя. Тяжело дыша, словно ему не хватало воздуха, он еле говорил и не отпускал руку брата. После настойчивой просьбы Шахина врачи дали им пять минут для встречи.

– Брат, если я умру…

Шахин сразу же прервал его:

– Не приведи, Аллах, не говори так. Нас все ждут, и отец, и мать, и сестры.

– Внутри словно огнем горит, наверно, я умру.

– Хватит…

– Братишка, – Шахин напряженно слушал, – помнишь, у учителя Гасана дочка была… Гюльнара… Я её любил. Я ей даже признался. Только… когда она услышала мои слова, почему-то сделала вид, что не поняла. Сдвинув брови, задумалась. Может быть, впереди люди шли… поэтому… Кажется, я покину этот мир с тоской по ней.

Шахин потом часто спрашивал себя, как в комнате с нормальной температурой, скорее даже очень теплой, его охватил озноб, обмякло тело, отнялись руки и ноги…

Однажды вечером, еще до призыва в армию, Шахин случайно встретил по пути Гюльнару, несущую воду из недавно пробуренного артезианского колодца. Спустя некоторое время они, по деревенским обычаям, дали друг другу клятву верности и любви. Тогда девушка ему сказала:

– Возвращайся живым и здоровым – это самое главное! Я буду ждать.

Как Рухин сказал: «Почему-то сделала вид, что не поняла».

«Ах, братишка, она ведь меня любит, а тебя ранить не хотела».

Одеревеневшего Шахина вывели из палаты. Он ничего не слышал, не понимал, застыл, как ледяная статуя. Главный врач, увидев его ужасное состояние, знаками распорядился разместить Шахина в другой палате. Шахин был в полном шоке. Как из-за состояния брата, так и из-за его последнего признания.

Почему брат сказал это именно сейчас? Неужто и вправду он почувствовал, что умирает! О, Аллах, смилуйся!

Шахин ничего не осознавал. Он даже не почувствовал, как ему сделали укол.

– Пусть часок-другой побудет здесь, отойдет от стресса, – сказал главврач, – потом посмотрим. Про брата же ничего не говорите. Скажите, что проходит лечение.

***

В ночь со среды на четверг пришло сообщение, что у въезда в село Нузгяр остались наши БМП и еще один солдат по имени Орхан, потерявший ногу. Если Орхана оттуда не вывести, он истечет кровью, и мы потеряем еще одного бойца. Его срочно нужно вывезти оттуда.

Командир роты Гасымов раздумывал, кого послать. Это было очень рискованно. И он решил, что, как и другие командиры, возьмет ответственность на себя, пойдет сам. Поступок Бархударова стал всем примером.

Расстояние до того места было 1500 метров. С большим трудом он доехал туда на БМП и забрал раненых бойцов. Посадив их в машину, отправил назад. На этой территории оставались еще новобранцы, которые выполнили задание, но, не зная дороги, потерялись на местности. На подоспевшем на помощь КамАЗе он вывел другой дорогой и этих бойцов. Правда, немного окружным путем, но зато в целости и сохранности доставил их к своим. Он старался быть очень осторожным, но все равно не смог уберечь себя от взрыва мины, которая была зарыта чуть в стороне от него. Его тяжело ранило в ногу. Осколки попали также в брюшную полость. Не успев убежать, он упал лицом вниз… Чуть позже он пришел в себя и начал ползти.

Иногда бывает трудно точно определить заминированные места. После того, как мина зарыта, спустя некоторое время она утапливается на глубину более 45 сантиметров, уходит в землю. Вот тогда найти, определить ее место становится очень трудной задачей. Почва над ней покрывается травой, и человеку кажется, что это место чистое. Как назло, при таком раскладе даже аппарат не может определить её, потому что сигнал не ловит. Настоящий сапёр чувствует это интуицией, можно сказать, душой. И конечно же, для этого нужна многолетняя практика.

Солдаты, увидев, что командира ранило, вернулись и поспешили к нему на помощь.

Но Гасымов, настойчиво жестикулируя, приказывал не подходить близко и возвращаться целыми и невредимыми – он потом догонит их. Однако бойцы не ушли.

Поняв, что таким путем их не остановить, он так закричал «Стойте!», что все застыли на месте. Вражеский обстрел немного поутих. Они знали, где он. И приближающихся к нему тоже видели. Может быть, армяне специально ждали, чтобы солдаты подошли к командиру, чтобы выстрелить в них из гранатомета и покончить со всеми разом. Гасымов как профессиональный военный это очень хорошо понимал. Нельзя было допустить безрассудства. Ну и что, что командир ранен. Эмоциональность могла бы всех погубить.

Он перетянул ногу жгутом чуть выше кровоточащей раны. Внимательно оценив расстояние между ними, подсказал им, как подойти. Один сапер вышел вперед. Остальным Гасымов приказал ждать. Солдаты укрылись за каменными валунами. С помощью аппарата проверили траекторию движения. Он не чувствовал боли. В голове шумело. Он беспокоился о бойцах. Ответственность за то, чтобы они вышли живыми из этого лабиринта смерти, была только на нем. Потому что и перед Аллахом, и перед командующим корпусом у него была обязанность доставить личный состав в целости и сохранности в безопасное место. Конечно же, это было из-за ответственности и преданности своему командиру. Ведь он тоже недавно поступил по отношению к своему бойцу точно так же.

Сапёр взвалил Гасымова на спину и тем же путем вернулся обратно. Занявшие позиции за кустами и валунами солдаты, отвлекая вражескую сторону обстрелом, обеспечивали благополучный отход бойца с командиром на спине.

Потом боец рассказывал: «Вот ведь как, я даже тяжесть такого здорового командира не почувствовал».

Солдаты, сложив автоматы друг на друга, сделали «носилки». Уложив раненого на «носилки», они с осторожностью прошли овраги и ущелья и доставили его к машине скорой помощи. Как только он перестал беспокоится за жизнь своих бойцов, сразу же почувствовал боль. Медработники, чтобы остановить кровотечение и боль, сделали ему уколы. Что было с ним потом, он уже не знал. Даже смерть уже не волновала его… Из личного состава никто не погиб.

***

Бои поутихли. То там, то тут были слышны выстрелы. Разгромленный враг отступил.

Все были очень воодушевлены. Со всех концов Азербайджана люди стекались к Лелетепе. Народ был счастлив. Его храбрые сыны не оставили от врага «камня на камне». В честь героев закололи баранов, поэты слагали стихи, певцы воспевали их в песнях. Был большой народный праздник. Бесконечная радость объяла людей, воинов, овраги, ущелья, холмы, всю Лелетепе. Все были на пике счастья и радости. Кроме одного Шахина…

На следующее утро после возвращения из больницы товарищи по взводу торжественно встретили его. С разрешения командира, с условием «не переходить грань», солдаты устроили маленькое застолье. Но мыслями Шахин был рядом с братом, его слова не давали ему покоя. Оставшиеся в живых друзья – большинство из них были ранены, почти все были с повязками – веселились. Бойцы, ещё не выпив ни капли, опьянели от победы и гордости. Первые бокалы были выпиты, не чокаясь, до последней капли в полной тишине, в память о наших шехидах, чьи тела уже были погребены в родной земле.

Рауф произнес:

– Да упокоит Аллах души всех наших шехидов!

Все повторили за ним. Сели.

Друзья сразу заметили задумчивость Шахина. Конечно же, это было из-за брата… Один только Шахин знал, отчего ноет его сердце. Рядом кто-то поддержал его:

– Поешь что-нибудь, Аллах велик – не допустит смерти такого парня.

«Боже, как же это случилось, что я даже не знал? Что бы я делал, что бы говорил после возвращения из армии, когда все раскрылось бы?»

***

После утренней зарядки сказали, что его вызывает командир взвода. Приведя себя в порядок, он направился в штаб. Сказал дежурному:

– Сообщите, сержант Пириев прибыл по вашему приказу! – и стал ждать.

В скором времени командир принял его. Раскрыв руки, по-отцовски крепко обнял его, прослезился:

– Это жизнь. У войны свои правила, законы. Объяснять это тебе считаю лишним. И ты, и брат представлены к награде. Вы дрались, как настоящие мужчины… Значит так… Было решено лечение твоего брата продолжить дома… Сейчас они выезжают из больницы. Ты тоже приготовься, поедешь за ними. Я даю тебе десятидневный отпуск. Знаю, ты до сих пор еще не был дома. Всё равно твой срок службы подходит к концу. А дальше сам решай. Захочешь вернуться, мы тебе всегда рады. Мы всегда нуждаемся в таких опытных бойцах, как ты.

Мысли Шахина немного прояснились. А ведь командир прав. За время несения службы он ни разу не был дома. Раньше он мечтал об этом. Но почему-то не получалось. А сейчас прямо к месту. С другой стороны, он очень хотел увидеть Гюльнару. Вчера он ходил к брату, но его не пустили, сказали, что он в реанимации. «Очень хорошо, раз так, пусть дома полечится как следует!»

К нему подошел водитель воинской части:

– «Скорая помощь» из больницы уже в дороге. Мы тоже должны двинуться в путь.

Шахин быстро собрался и сел в поджидавшую его «Ниву». От подножия Лелетепе они рванули по скрытым дорогам и вышли на асфальт. Дальше, слава Аллаху, можно было ехать спокойно. Они порядочно отдалились от фронтовой линии.

Дыхание весны чувствовалось повсюду. Поля и луга были покрыты яркими цветами. На ветках большинства фруктовых деревьев набухали почки. Всё вокруг по-настоящему оживало, цвело. Жизнь была прекрасной. Если бы еще брат встал на ноги… Боже, помоги ему!

Водитель по дороге наскоро отвечал на телефонные звонки и иногда вслух отмечал названия мест, которые они проезжали. Когда выезжали из поселка Дашбурун, он ответил по телефону командиру:

– Так точно, господин командир, едем в сторону Имишли, – затем коротко отвечая «да, нет», закончил разговор. Потом повернулся к Шахину: – Командир передал тебе привет. Вспомнил еще раз, как ты воевал. Сказал, чтобы ты всегда оставался таким отважным и непоколебимым.

Шахин поблагодарил и опять задумался. Они уже въехали в Имишли. Везде была та же картина. На полях работали тракторы. Начинались посевные. Люди были заняты весенними полевыми работами.

Шахин спросил:

– Мы же должны были ехать друг за другом, а где же машина с Рухином?

– Они на «Скорой помощи». Впереди нас.

– Ну, давай, подожми, догоним…

– Мало осталось.

Догнали их в Бахрамтепе.

– Может, мне выйти, навестить братишку… – проговорил Шахин тихо.

– Да мы почти доехали. Вот скоро уже Билясувар! – проворчал водитель.

Шахин не стал перечить. Водитель был прав.

***

Их дом находился в самом последнем ряду домов нового, благоустроенного городка, построенного на месте старого II-го Палаточного городка на дороге Имишли-Билясувар. Названия у улицы не было. Вообще в палаточных городках улицы не имели названий. Место жительства определялось по направлениям, слева-справа или же сверху-снизу от дома известной всем личности или семьи.

Машина с Шахином только что свернула на дорогу, которая поворачивала к их дому. Люди по двое, по трое собирались в верхней части аккуратного городка. Он не особо обратил на это внимания. Ну, подумаешь, люди… может, они идут куда-то по делам – в магазин, на базар, в исполком.

Проехав чуть дальше, он заметил, что людей стало больше, везде было много флагов. «Что это, митинг?» Однако не было видно каких-то лозунгов, люди были сдержанными и чем-то обеспокоенными. Приближаясь к дому, из-за толпы, машина стала еле ползти. Перед машиной скорой помощи народ расступался. А на машину, где он находился, никто не обращал внимания.

Вдруг до него донесся плач. Он испугался. «Что же там случилось?» Ведь так не должно было быть. Он же вернулся целый и невредимый. И брат, хоть и ранен, тоже вернулся живым. Почему люди такие печальные?

Вдруг кто-то увидел его через окно машины. Изумленно показывая на него, люди что-то говорили. Одна женщина закрыла лицо руками. (Потом ему объяснили, что людей смутило то, что он сидел в машине со спокойным выражением лица. Они не знали, что он находился в неведении о смерти брата). Быстро освободив дорогу, его машине тоже обеспечили проезд к дому.

Первым, кого он увидел у дома, был командир Рухина. Потом портреты Рухина, которые держали в руках молодые парни, видимо, одноклассники… Глава исполнительной власти, рядом с ним, кажется, руководство района… все в костюмах, в галстуках, не известный ему военный – полковник… (он был из военкомата).

… Он только сейчас узнал голоса матери и сестер. А они почему плачут?..

Городок беженцев был для Шахина очень родным. Он, как и многие другие жители, родился в палаточном городке. Здесь он пошел в школу, рос, тайно помолвился с Гюльнарой… Ушёл в армию…

На него никто не обращал внимания. Всё внимание людей было на машине скорой помощи, из которой спускали… что? Гроб?! Чей он? Это же машина скорой помощи, которая ехала прямо перед ними. Там же находился раненый Рухин… Он должен был продолжить лечение дома… О, Аллах!... Неужели?..

У матери лицо было расцарапано в кровь. Да и сестры были в том же состоянии. Его тетки, родственники – все оплакивали погибшего. Мать, обняв голову завернутого в знамя тела сына, рыдая, безостановочно повторяла:

– Боже, всё в твоих руках, обменяй наши жизни. Возьми мою жизнь, верни моего ребёнка. Ведь сказали же, что он ранен!

Мать тщетно пытались успокоить соседи. Женщина страшно убивалась. Никто не мог подойти к ней. Изливая свое горе, она проклинала весь свет. Только одно говорила: «Возьми меня вместо него, Господи! Ведь все в твоих руках…»

Шахин окаменел на месте. Ведь командир его очень сердечно принял, а потом, обнадежив, отправил домой. Как же так случилось? Он что, по дороге скончался?

На онемевших ногах он подошел к шатру, где оплакивали брата. К тому месту, где мать и сестры, обезумев от горя, рвали на себе волосы, раздирали себе лица до крови. Вдруг кто-то увидел его:

– Шахин, Шахин, Шахин!..

Все вокруг были потрясены. Что это? Один из братьев жив. Слава богу! Тело Рухина привез Шахин? Почему он не сообщил об этом? Мать, ничего не поняв от увиденного, упала в обморок. Соседки успели подхватить её. Даже пытались как-то обрадовать её:

– Смотри, новость хорошая, Шахин живым вернулся! Не убивайся так. Да будем все мы жертвами Аллаха, одного Он тебе, по милости своей, подарил.

Мать, ничего не понимая, на негнущихся ногах пошла к старшему сыну: «Шахин, Шахин». И снова потеряла сознание. Сестры кинулись обнимать Шахина, не зная, плакать или радоваться.

***

В этом переполохе не было только одного человека – отца. «Он же должен быть здесь. Если все так случилось, то официальные лица должны были обязательно сообщить ему».

– А где отец?

– Он вчера поехал за вами в Лелетепе.

– Что? Его же не пустили бы туда!

– Я не знаю!

Это была правда. Беспокоясь о сыновьях, Ашраф киши, сев на свой старенький «жигулёнок», ни свет ни заря отправился на фронт.

Военные действия закончились уже как несколько дней. А от сыновей не было вестей. Ни у одного из них не отвечал телефон. Волнующийся отец, чтобы избавиться от терзающих душу сомнений, решил поехать в Лелетепе. Оба его сына служили в воинской части около Лелетепе. «Почему от них до сих пор нет новостей?»

Еще задолго до Физули дорога была преграждена, и было запрещено приближаться к фронтовой линии. Там был не только Ашраф киши, но и сотни людей из ближних районов, Баку, Гянджи. Все, в особенности молодежь, рвались в бой, к высоте Лелетепе. Буквально споря с полицейскими, а иногда и кидаясь на них с кулаками, они требовали пропустить их на фронт. «Дайте и нам оружие. Мы тоже хотим воевать». Увидев, что полицейские не справляются, сюда подтянули группу из резервных частей армии. Они встали цепью позади полицейских.

Только после этого молодежь, поняв, что они не смогут подойти ближе к Лелетепе, немного поутихла. «Нет, эту цепь нельзя прорвать и пройти». Люди подчинились закону. Но все равно осталось много недовольных, и никто не думал возвращаться. Все хотели на поле боя. «А что мы зря такую дорогу ехали? Мы тоже хотим подняться на Лелетепе, увидеть места, где проходят бои».

… В Палаточном городке все понимали, что оплакивание еще не закончилось, скоро все повторится заново. Вторая горькая часть поминок осталась до возвращения Ашрафа киши из Физули. И кто-то сейчас должен был сообщить ему эту весть. Никто из братьев Ашрафа не взялся сделать это. А братья матери тоже отказались, сказали: «Не можем взять на себя такую ношу, пусть кто-нибудь из родных братьев скажет».

Надежда была только на директора школы Джалал-муаллима. А когда он попытался отказаться, все накинулись на него, мол, ты старейшина нашего городка, если не ты, то кто? Пора уже, позвони, пусть приедет. Пусть хоть к вечеру приезжает, чтобы снова люди не собирались. Да и покойник не должен долго оставаться непогребённым. Джалал-муаллим нехотя согласился, ворча: «Всегда в таких сложных делах меня вперед выдвигаете». Однако под давлением народа он уже набирал номер Ашраф-киши.

– Ну, и где ты, твои дети домой вернулись, а тебя нет!

Ашраф не поверил ему.

– Не морочь мне голову. Или может случилось что?

– Да что может случиться, слава Аллаху! Вот и Шахин рядом со мной.

– Ну, тогда передай-ка ему телефон.

Шахин, собравшись, поднес телефон к уху. С трудом удерживая телефон в руке, услышал беспокойный и хриплый голос отца.

– Отец…

– Джан! Шахин, это ты?

– Я, отец. Ты где?

– Скажи мне, Рухин тоже с тобой?

– Мы оба… вернулись, отец!

Шахин с трудом сдерживал подступившие слёзы. Если бы не неожиданная радость отца, заплакал бы. Отец как будто услышал самую хорошую весть за всю свою жизнь.

– Ждите, я сейчас вернусь.

Шахин, быстро нажав на кнопку, зарыдал так, что у всех, кто находился рядом, сердца разрывались от горя. Чем все это закончится? Сын обманул отца. Это правда, что оба сына вернулись в село. Но один… Когда отец вернется и увидит одного из сыновей мертвым, кто ответит ему за весь этот ужас?

Джалал-муаллим про себя размышлял, что, если потом Ашраф прижмет меня к стенке и станет обвинять в обмане, скажу, что твой сын Шахин сообщил, что вернулся вместе с братом. А Шахин решил ответить, что, мол, это Джалал-муаллим позвонил, а я вынужден был так сказать.

Домашние тоже узнали о звонке. Мать снова стала причитать про больное сердце Ашрафа, что он не вынесет, что Рухина больше нет.

– Людиии, заклинаю вас, ради всего святого, поддержите Ашрафа. Не дайте, чтобы с ним что-то случилось.

Второй раз она начала кричать и плакать еще до появления Ашрафа. Все смешалось. Девушки опять стали голосить. Старейшины не выдержали, призвали:

– Успокойте их, люди, не видите, что ли, они так изведут себя до смерти.

Хуже всех было жене Ашрафа. Несколько раз она теряла сознание. И каждый раз ее с трудом откачивали.

Медсестра Чеменгюль, которая всегда всем помогала – как хорошо, что ее послал Аллах! – сделав несколько уколов и дав выпить капли, кое-как привела ее в чувство. Да и дочери были в ужасном состоянии.

– Ой, Джалал-муаллим, заклинаю тебя небесами, Всевышним, не уходи никуда, будь поблизости. Ты же наш аксакал, кроме тебя, у нас никого нет.

– Да здесь я, здесь, никуда не уйду, – торопливо ответил Джалал-муаллим.

Людей пригласили в поминальный шатер. И вправду говорят: народная сила, как стихия. В одно мгновение люди соорудили шатер для траурной церемонии. Никто не остался в стороне. Все понимали тяжесть трагедии. Со всеми могло такое случиться.

Главной задачей сейчас было встретить Ашрафа и по возможности осторожно вывести его из первоначального шока. Джалал-муаллим в голове проговаривал слова, которые он должен был сказать Ашрафу:

– Нас всех смерть поджидает. Никто не вечен. Твой сын погиб, защищая Родину. Сражался как настоящий мужчина! Он же не умер от несчастного случая или тяжелой болезни. Погиб, отдавая свой долг Отчизне. Будь сдержанным! Ты будь сдержаннее, тогда твоя жена, дочери, все родственники тоже возьмут себя в руки. И слава Аллаху, Шахин живой, стоит перед тобой.

***

День подходил к концу, солнце уже заходило за горизонт, подчеркивая его алой полосой. До вечера оставалось совсем немного. Яркие лучи его уже не слепили глаз. И стало уже не так жарко. Хотя река Араз протекала не очень близко, прохладный ветерок с её берегов достигал и здешних мест. В новом городке еще не было высоких, больших деревьев. В основном здесь были молодые саженцы. Под ними невозможно было укрыться в тени. От солнца можно было спрятаться только в тени некоторых домов. Поэтому народ собрался в тех местах, где была хоть какая-то тень.

Когда на дороге, поворачивающей в городок, появилась машина Ашрафа, все замерли в ожидании. Те, кто был в поминальном шатре, тоже вышли наружу.

У Ашрафа при виде поминального шатра засосало под ложечкой. «Как много людей. Зачем они все пришли? Кто-то умер в селе? Почему шатер стоит прямо перед моим домом?»

У него закружилась голова. Он не мог найти ответов на свои вопросы. Сильно сжалось сердце.

Вдруг все увидели, что машину Ашрафа киши заносит то направо, то налево. Молодые парни кинулись и преградили машине дорогу. Вытащив Ашрафа киши из кабины, взяли его под руки. Кто-то, сев за руль, пригнал машину к дому. Джалал-муаллим обернулся к Шахину:

– Стой около меня, сынок. Слава Аллаху, ты уже взрослый мужчина, прошел через огонь и воду. Знаешь, что такое война, что такое смерть. Может, мы вместе сможем поддержать Ашрафа…

Джалал-муаллим, как ни старался стойко держаться, не выдержал. Бросившись к несчастному односельчанину, крепко обнял его.

– Бедный мой Ашраф, твой сын сейчас стал славой нашего села. Перед народом и всей страной мы гордимся... И ты гордись им! Слава Аллаху, что Шахин невредимый…

Ашраф увидел Шахина. Тот стоял рядом с Джалал-муаллимом. «И когда он успел вырасти, смотри-ка, уже перерос Джалала».

Шахин выглядел серьезным и гораздо старше своих лет.

Ашраф, то ли из-за того, что хотел выкинуть дурные мысли из головы, то ли из-за того, что не хотел верить в случившуюся трагедию, тупо смотрел на окружающих. Как будто он разом перестал соображать. Сколько ни старался, ничего понять не мог.

Он тоже, как и Шахин, увидев фотографию Рухина в руках школьников, испугался. «А это по какому поводу?» Повернулся к Джалал-муаллиму.

– Джалал-муаллим, это ты придумал увеличить? Знаю, он был твоим любимчиком… Но зачем, я бы сам…

Джалал-муаллим, раскрыв руки, обнял товарища:

– Брат, Рухин погиб за Родину. Покрыл свое имя вечной славой. Держи высоко голову. Он сейчас и наш сын тоже. Сын народа. Крепись…

Джалал-муаллим почувствовал, как человек в его объятиях теряет сознание. У него не хватило сил удержать его. Сельчане кинулись и поддержали Ашрафа с двух сторон. Шахин тоже схватил отца под руку. Затем подхватил его на руки, взяв на себя всю тяжесть. Друзья с гордостью смотрели на него. Он стал настоящим мужчиной. Держался стойко. Не чувствовал никакой тяжести. Знакомый запах отца растрогал Шахина. «Джан, отец! Да буду я жертвой за тебя!»

Во дворе Ашрафа уложили на шероховатую лавку, которую он сделал своими руками.

– Да расступитесь вы, дайте ему дышать.

Под голову положили принесенную из дома подушку. Несчастный отец растерянно вглядывался в каждое лицо. Но как он не мог ничего понять, так и пришедшие на поминки не знали, что сказать ему в утешение. Даже женщины притихли. Все хотели помочь Ашрафу пережить этот кошмар. Жена его говорила, что сердце у него больное, не дай Аллах, получит инфаркт. Взгляд Ашрафа киши снова остановился на портрете Рухина. Плачущими глазами он посмотрел на старшего сына.

– Почему ты не смог уберечь брата? Я же тебе его поручил.

Здесь уже выдержки не хватило ни Шахину, ни присутствующим. Независимо от возраста, все так зарыдали, что и в соседних дворах, находящихся на порядочном расстоянии, поняв, что происходит, не сдержали слез. Даже живущие в самом дальнем уголке нового городка догадались, что Ашраф киши вернулся с Физулинского участка фронта, где шли бои.

Тело Рухина снова погрузили в машину и отвезли в другой район Азербайджана, на новое кладбище для жителей Джебраила. Женщин не пустили поехать на кладбище… Таковы обычаи.

Траурный митинг открыл глава Исполнительного комитета. Он подчеркнул, что именно такие сыны, как Рухин, павшие смертью храбрых, ценою своей жизни возвеличивают Родину. Полковник Азербайджанской армии Абдулла Гурбани особо отметил Рухина как пример для всей молодежи. А Джалал-муаллим сказал, что они всегда будут помнить его как трудолюбивого, воспитанного, умного ученика. Сосед Габиль киши вспомнил, что на их улице Рухин был самым спокойным, воспитанным, проявлявшим уважение к старшим молодым человеком: «Бывало, я его три раза за день посылал в магазин у въезда в городок. И он ни разу не сказал мне, мол, хватит, напиши сразу все на бумаге, что надо купить. Что я бегаю туда-сюда?..»

Это были традиционные выступления. Но все, что говорили, было правдой. На самом деле так все и было, все знали Рухина именно таким.

***

Спустя три дня после смерти Рухина тяжелая атмосфера в доме немного рассеялась. Число людей, пришедших выразить свои соболезнования, значительно уменьшилось. Да и женщины в доме – мать, сестры, родственницы, – немного успокоившись, перестали так убиваться. Оставался еще один тяжелый день поминок – седьмой день. После этого должно было наступить хоть какое-то успокоение. Однако время от времени всё равно кто-то приходил: из соседних районов, Баку, других палаточных городков…

***

Завтрак проходил в тяжелой и унылой обстановке. Никто не разговаривал. Все было понятно по выражениям лиц.

Отодвинув стакан с недопитым чаем в сторонку, Ашраф, разглядывая скатерть, сказал:

– Сынок, твой срок службы закончился.

Шахин, поняв, что может воспользоваться моментом, чтобы скинуть с плеч груз, который уже несколько дней мучил его, глубоко вздохнул. Встав на колени, он подтвердил слова отца: «Да, отец».

– Чем ты хочешь заняться при возвращении?

Каждый отец, каждая мать хотели бы, чтобы дети были всегда рядом с ними – и в радости, и в печали. Для помощи по хозяйству – овец пасти, сено косить. И по двору есть много работы, которая требует мужской руки.

Сыновья – ведь не только «стена, защищающая от врага», они опора, помощь и благополучие. Выходишь в люди, а за тобой вот они, смотришь с гордостью! – это дорогого стоит. Все видят, что ты не одинок, у тебя есть опора и защита!

А что? Ведь есть и завтрашний день, есть соседи, есть друзья и недруги…

Это все уже знал и Шахин, самое главное, очень хорошо осознавал. Ну и что, что ему только 20 лет, вернее скоро уже 21. Армейская жизнь его многому научила. Однако он уже принял решение. И как бы трудно ему ни было – именно потому, что понимал! – он не скрыл своего желания.

– Отец, я хочу остаться в армии. Мы не до конца отомстили за брата и друзей. Я знаю, что и Рухин меня не простил бы. Наша победа осталась неполной.

Сестры перепугались. «Что он болтает? Кто с тобой будет считаться, если ты не будешь участвовать в семейных событиях, не женишься, не будешь жить, как все нормальные люди? Воинская служба – дело такое, что сегодня здесь, завтра там, а послезавтра совсем в другом месте».

Младшая сестра была совсем ошарашена: «А как же Гюльнара?»

Мать, поправляя соскользнувший на плечи платок, сказала такие слова, что на его глазах опять выступили слезы:

– Ну так и скажи, что похороню вас рядом с Рухином и уйду… Остались мы совсем без сыновей. Так ты нас утешил, сынок?

«Да, мама, абсолютно права». У обеих сестер промелькнула одна и та же мысль.

Ашраф, обратно придвинув к себе стакан, глотнул остывшего чая:

– А как же мы?

– Отец, я не вижу себя в этом придорожном городке. У нас у всех одна цель: освободить наши земли и вернуться в родные края. Мы все дали слово, что станем MAXE[1] и, пока не освободим остальные земли, не сложим оружия.

У Ашрафа от удивления расширились глаза:

– Что?..

Шахин и сам понял, что сказал слишком заумно. И поэтому ему пришлось объяснять:

– То есть быть военнослужащим, который служит сверх положенного срока.

Замолчал. Пристально обвел взглядом каждого члена семьи. И мать, и сестры не смотрели ему в глаза. Они явно были против: даже слышать ничего не хотели. Шахин прибегнул к последнему средству:

– Вы сами разве этого не хотите?.. Оставим врагу наш дом с прохладной верандой, цветущим садом, холодным колодцем, ледяным родником? Тогда какие из нас получатся защитники Отечества? – в сердцах он тысячу раз помолился за Шаира.

[1] MAXE (Müddətdən Artıq Xidmət Edən) – аббревиатура на азерб. языке, т.е. сверхсрочник.

Это были фразы, которые тот часто повторял.

Нет, это не тот Шахин, который уходил в армию. Этот парень, за два года службы абсолютно изменившись, стал другим человеком. Сейчас он говорит, как обладающий житейским опытом мужчина. По крайней мере, в словах Шахина было немало истины. Вернуться к родному очагу было самым большим их желанием, только вот… У них было два сына. Одного Аллах забрал. А другой… сам уходит. Что же им делать?..

В доме воцарилась тяжелая и угнетающая тишина. С другой стороны, и Шахин тоже был не совсем прав. Семья нуждалась в нем. Дело было не в том, что он должен как-то помогать семье зарабатывать. Пусть просто утром уходит и вечером возвращается обратно – им хватит и этого! Они же многого не требуют… Что люди скажут, друзья, недруги? Да и отец уже стареет. После Рухина спина у него сгорбилась еще сильнее. Впервые все увидели резко постаревшего отца. Как же мать будет жить после всего этого кошмара? У несчастной женщины так ослабело сердце, что она часто стала падать в обморок. Не дай Аллах, с ней что-нибудь случится… Да и дома всегда есть нужда в мужских руках. Радостные или печальные события, хозяйство, базар, магазин… Как отец один будет справляться со всем этим? Нет, Шахин неправильно поступает.

Ашраф посмотрел на пустой стакан. В горле совсем пересохло. Он бы еще выпил чаю. Кому сказать? К кому-то обращаться сейчас было совсем не к месту. Все были растеряны от неожиданного решения сына. Этого они совсем не ожидали.

«Пока до конца не отомщу за кровь брата…»

Даа… Это тоже важное дело. Пролитая кровь Рухина не должна остаться безнаказанной. Нет… что-то не так. Почему этот парень вдруг выбрал такой путь? Что послужило причиной? Что случилось?.. О, Аллах, сам рассуди нас! Кажется, здесь есть какое-то обстоятельство… Только какое?..

Скрипнула калитка во дворе. Замершая в тишине семья пришла в движение. Ашраф повернулся к дочерям:

– Ставьте самовар. И приготовьте еду. Скоро придут на поминки.

***

Частично решив одну из двух проблем, терзающих его сердце, Шахин ненадолго успокоился и прошел в спальню, чтобы решить второй вопрос:

– Если кто-то придет из моих друзей, дайте знать.

Плотно закрыв за собой дверь – «Не входите сюда!..», – взял карандаш и придвинул к себе тетрадь младшей сестры.

«Гюльнара! Я долго размышлял и решил написать тебе это письмо. Заранее приношу тебе тысячу извинений.

Умирая, Рухин назвал твое имя. Сказал о своей любви к тебе. Оказывается, он не знал, что мы любим друг друга. И еще он сказал, что, когда он тебе признался, ты к его словам отнеслась холодно, нахмурившись. Конечно, я тебя понимаю. Несчастный брат не знал о нашей тайной помолвке.

Гюльнара, прости меня. После этого мы уже не сможем пожениться. Каждый раз, когда я обнимал бы тебя, мне казалось бы, что Рухин смотрит на меня со стороны и обвиняет меня в предательстве. Не осуждай меня. Я не смогу выдержать… Жить не смогу… Чтобы не мучить тебя, оставаясь здесь, я уйду, буду продолжать служить в армии. Еще раз прошу у тебя прощения. Прости меня. Я желаю тебе счастья».

Во дворе уже были люди, которые еще не были на поминках, а также соседи и родственники. Позвав младшую сестру за дом, он дал ей письмо и прошептал на ухо:

– Отдашь Гюльнаре…

Сестра радостно взяла письмо. «Ай, Аллах! Да буду я твоей жертвой, смягчи сердце моего брата. Пусть останется дома, не уезжает».

Поняв, что от Гюльнары тоже много зависит, она стала с нетерпением ее ждать. «Пусть только попробует мне перечить! Скажу, чтобы написала брату хорошие слова. Не пустила его уезжать. А не то она у меня получит!»

***

После того, как пришла весть о смерти Рухина, Гюльнара часто приходила к ним домой. В новом городке – несмотря на новые дома, жители все равно называли его Палаточным городком – среди родственников и соседей близкой подругой девочкам была именно она. И дом их находился неподалёку. Поэтому не было лишних разговоров и сплетен по этому поводу. Она тоже знала о демобилизации Шахина, но понимала, что из-за смерти Рухина, скорее всего, объявление об их помолвке откладывалось на долгое время.

Когда она давеча увидела Шахина, то не поверила своим глазам. Каким же он стал зрелым мужчиной, выглядел старше своего возраста. Несмотря на потемневший цвет лица, он был очень симпатичным, намного отличался от своих ровесников. Она чувствовала, что на ее любимого засматриваются и другие девушки тоже, причем их было немало. «Вот как?!»

Однако сердце её терзалось оттого, что Шахин ни разу не поднял голову и не посмотрел на неё. Однажды она даже специально вышла к нему навстречу. Только Шахин как будто не увидел её. Не замечая, прошел мимо. На самом ли деле не заметил? Но ведь этого не может быть. Но ничего, наверное, он скорбит по брату. Конечно же, скорбит, а как иначе…

Её так качнуло, что она чуть не упала. Схватившись за стену, она с трудом удержала равновесие. «Возьми себя в руки».

Она посмотрела по сторонам. Все были заняты делами. Каждый с усердием выполнял порученную ему работу. Не время было рассматривать кого-то.

Скорбь по брату бывает тяжелой. Сердцем она понимала, что надо потерпеть. Ничего, пусть пройдут поминальные семь дней, после этого можно будет поговорить. К тому времени Шахин придет немного в себя, успокоится.

На седьмой дней поминок тоже было многолюдно. Снова все руководство района посетило их. Командиры приехали с самого утра. Шахин сам их встретил. Поток желающих помянуть Рухина не заканчивался. Уже в шатре не было места. Люди ждали на улице и по очереди заходили внутрь.

Поддержка народа была очень кстати. Семья значительно успокоилась. Сейчас их больше переполняло чувство гордости. Им оказывали уважение и почет на самом высоком уровне. Все оплакивали Рухина как своего родного сына. Часто повторялась известная фраза Джалал-муаллима. «Он наша гордость!»

Однако, видно, правду говорят, что у земли холодные объятия. Все стали потихоньку успокаиваться. Это еще с сотворения мира так… Кто-то приходит, кто-то уходит. Никто не уходит с уходящим. Тогда бы мир опустел…

Назанин, улучив момент, потянула Гюльнару за дом:

– Тут тебе письмо от Шахина, напиши хороший ответ! А не то получишь от меня!

Гюльнара, улыбнувшись, взяла письмо и, рассмотрев его со всех сторон, положила за пазуху. Они разошлись в разные стороны.

***

На следующий день Шахин вышел из дома. Он встретился с ровесниками в более спокойной, привычной обстановке. Поинтересовался об их делах, узнал, кто чем занимается. Одни из них занимались мелкой торговлей, другие работали в Имишли, в гравийных карьерах и каменоломнях, в последние годы ставших одними из прибыльных мест работы.

– Да пошлет Аллах всем достаток, нам есть чем заняться и заодно можем принести домой какой-никакой кусок хлеба. Все хорошо! – говорили они, высказывая довольство.

Самый тяжелый момент для Шахина был, когда задали вопрос: «Почему вы не пошли до конца?» Ответ никого не удовлетворил. Всех бесило упущение такой возможности. Шахину порой казалось, что его лично обвиняют в этом. Хотя он обосновывал, как мог, но не смог объяснить ситуацию собравшимся, особенно молодежи.

– Не надо было вам их слушаться. Попёрли бы на Ханкенди, тогда командиры не смогли бы что-то сказать.

Вот здесь нужен был Шаир. Он бы этой разгорячённой молодежи и объяснил, и все логично разложил бы по полочкам. Шахин был бессилен перед этими молодыми людьми. Не мог им ответить. Несмотря на его аргументы и объяснения, они все равно нападали на Шахина. Всех успокоил вопрос, который задал его друг детства.

– Твой срок службы закончился?

– Закончился. Только я вернусь обратно и подам прошение о дальнейшем продолжении службы. Останусь в армии.

– То есть МАХЕ?

Один из парней решил блеснуть знаниями.

Это подействовало так, словно вылили ушат воды на разгоревшееся пламя. Шахин снова вырос в глазах своих и даже тех ровесников, кто его мало знал. В душе они поняли, одобрили его. Конечно, ведь он хочет отомстить за брата. Да поможет ему Аллах в его желаниях. И нам тоже…

Вернувшись домой, он сразу понял, что младшая сестра Назанин что-то хочет сказать. Прошел в спальню. Сестра зашла следом за ним. Глаза у девчонки смеялись.

– От Гюльнары есть письмо.

Шахин удивился. Он не ждал письма. У такого письма не должно быть ответа. Чтобы не расстраивать сестру, которая вся сияла от радости, сказал ей «Спасибо» и щелкнул по носу. Назанин, охая и ахая, но все равно радостная, вышла из комнаты.

Держа в руке письмо, он задумался. Открывать или нет?.. Ведь он написал такие слова, что не помышлял ни о каком ответе. Наверное, Гюльнара обвиняет его в бессовестности и предательстве. Конечно же, она права!.. Шахин был не прав!.. Боже, что тут можно сказать…

У него уже не было сил решать этот вопрос. Он тоже был ранен в бою. В его теле осталось еще несколько осколков. Ему было строго наказано по возвращении сразу прийти в госпиталь. Врачи его отпустили только потому, что он не чувствовал сильных болей.

– Это ты сейчас не чувствуешь, поэтому так говоришь. Тебе срочно нужна операция. Не относись к этому легкомысленно. Возвращайся побыстрее.

«А ведь они были правы. Боли усилились. Нет, надо уже завтра уезжать. И в Ахмедбейли есть врачи поопытнее, чем в госпиталях Баку».

Письмо Гюльнары он так и не открыл. Он хотел увезти и закопать его в горах, среди цветов. Пусть, кроме неё и Аллаха, никто не будет знать, что написано в этом письме.

Он стал потихоньку собирать свои вещи. Письмо он запрятал под ними в самый дальний угол.

Но мы, учитывая интерес читателей, посчитали необходимым показать, что было в нем написано.

«Ты моя любовь с первого взгляда. С тобой я испытала это чувство – великую любовь. Ты был моей единственной надеждой и опорой в нашей разрушенной жизни беженцев. В этом палаточном городке, в этом бессмысленном существовании я жила только ради тебя. Разве это жизнь? Ты же знаешь, что по сравнению с нашими родными местами жить в этом пекле – это адские муки.

Своим письмом ты заживо похоронил меня. Ведь все знают, что мы любим друг друга. Меня называли твоей девушкой. После этого какой сукин сын захочет назвать меня своей?..

Я твоему брату ничего обнадеживающего не говорила. Ты сам это хорошо знаешь. Зачем же ты так поступаешь со мной?

Ты делаешь это из-за своего самолюбия и эгоизма. Хочешь покрасоваться. Типа ты показываешь настоящее мужество. Слишком выпячиваешь свои личные чувства. У всех нас погибли родные, близкие, братья. Никто, как ты, не отступается от своего слова. Ты поступил бесчестно. Представь, что с одной из твоих сестер произошло бы то же самое. Все знали бы, что одна из них встречается с кем-то, но парень бросает её. Как ты это воспримешь? Разве это по-мужски? Замкнувшись на своих чувствах, ты сделал ошибку. И меня навсегда уничтожил.

Я тебя никогда не прощу».

В письме Гюльнары не было имени адресата, и не известно было, кому именно оно написано. Даже непонятно было, кто писал. Если бы, не дай Аллах, письмо попало бы кому-нибудь в руки, никто бы не понял, кому оно предназначается и от кого. От обиды Гюльнара даже не написала имя Шахина. Было видно, что у девушки разбито сердце. Как она сама сказала, нить, которая ее связывала с жизнью, была навеки оборвана.

Кроме Аллаха и Гюльнары, никто никогда не узнал, что было написано в том письме.

***

… В полдень последнего дня битвы на поле боя воцарилась странная тишина. Грохот пушек и градов больше не сотрясал землю. Армян на несколько километров отбросили назад от Лелетепе. Армия наступала, чтобы освободить другие села Джебраила.

Сафаров подошел сзади и положил руку на плечо Рауфа.

– Ладно, хватит, успокойся…

Рауф ничего не понял. Изменился в лице.

– Что значит успокойся, командир?! Вы что, не видите, они бегут, как куры? Наконец-то мы им показали их место. В Ходжалы они танками давили наших сестер и матерей, безоружных братьев, убивали невинных младенцев… что вы говорите?

– … пришел приказ, что надо остановить бой…

Дуло пулемета было направлено прямо на Джафар-муаллима, в любой момент из-за любой невнимательности, эмоционального состояния Шаира пули могли попасть в замполита и изрешетить его. Джафар-муаллим заметил это. Смерть нисколько не волновала его. Он должен был выполнить приказ командира корпуса. По рации ему было наказано: «Усмири Шаира. Если сможешь его уговорить, других успокоить будет легко».

Рауф несколько раз помотал головой. Слова до него не доходили, или же он не хотел их понимать. «Что значит остановите бой? Война закончилась?» Подойдя, он встал прямо перед лицом Джафар-муаллима.

– Еще раз повторите, я, кажется, толком не расслышал или же не понял.

– … говорю, что сверху пришел приказ остановить бой…

– от Главнокомандующего?

– ...нет…

– Только он имеет право сказать «остановись». И я знаю, что в этих вопросах, кроме него, никто не может это приказать. А он не мог дать такого приказа. И коли это так, то какой сукин сын это сделал?

Джафар-муаллим многозначительно кивнул на север:

– … дело сложное.

– Если мы будем плясать под каждую дудку, то как же «существование моей страны»?

Сознание у него притупилось. Он не мог ничего понять. Впервые лицо Джафар-муаллима не выражало никаких эмоций. И поэтому Шаир тупым взглядом смотрел на замполита.

Джафар-муаллим развел руки в стороны и пожал плечами. Рауф только сейчас заметил, что бой затих.

Солдаты возвращались назад. Командиры шли рядом с бойцами и, словно разнимая подравшихся, успокаивали их, по-отечески похлопывали по плечам, что-то приговаривая при этом. Некоторых даже, взяв под руку, обнимали за шею, словно пытались уговорить.

– Но кто же?

Джафар-муаллим опустил голову.

Рауф снова взял пулемет в руки и кинулся за убегавшими армянскими солдатами.

Э-гей, храбрецы, э-гей!
В блистанье клинков летите!
Как соколы в небесах
На алую кровь летите!
Слыша клич Кероглу живой,
Дрогнут беки, слабы душой.
Я расправлюсь с Аслан-пашой.
Вы ж на ханов его летите!

Вдалеке некоторые армянские солдаты падали навзничь на землю. Потом повернувшись, не вставая, поднимали руки вверх. У них уже не было сил бежать. Они задыхались и предпочитали сдаваться в плен – авось не умрут, останутся живыми. Оставшиеся в живых солдаты из роты Рауфа тоже последовали за ним.

– Я дерусь за свою землю. Я воюю за оккупированные земли моей Родины. Кто мне может это запретить? Вперёд, братья! Тот, кто не погонит этих сукиных детей до их логова, тот не мужик!

Майор бросился за Рауфом. Но его было не догнать. Из-за бойцов, бежавших за Рауфом и встревавших между ними, он отставал. Наконец, догнав его, схватил за руку. Полными слез глазами, он пристально посмотрел на Рауфа и сказал:

– Ты посмотри вокруг! Ведь все уже остановились!

– Господин майор! Мы можем окончательно решить вопрос. Вот же Ханкенди, прямо перед нашим носом. Давайте закончим это дело. Кто нам сможет сказать, что хватит? Почему тогда в Ходжалы никто не сказал «остановитесь»? Почему никто не сказал «остановитесь», когда 20 ноября, подбив наш самолет, пролили кровь таких мужчин, которые были цветом нашей нации? Почему опять нас заставляют сгорать от стыда? Вы знаете, как мы будем оправдываться? Сколько можно ради кого-то притворяться слабым, что мы беспомощны? Это западня для нашей страны, для народа.

Майор осторожно подошел к Рауфу:

– Пойдем, родной.

Рауф совсем сник. Швырнув пулемет на землю, зарыдал, как ребенок. Горько плача, сказал:

– О, Аллах, что это за дела? Почему, когда мы стали летать, как соколы, ты обрываешь нам крылья? Почему ты позволяешь случиться этому всему? Ты же ведь справедливый, праведный. Почему поступаешь так несправедливо?

Схватившись за голову, он то бился ею о землю, то рвал на себе волосы. Громко, рыдая, он проклинал весь белый свет. Он корчился от страдания, когда его боевые товарищи опустошали магазины пулеметов и автоматов вслед за удирающими врагами. Наблюдающие за ними с Лелетепе поняли:

– Кажется, Джафар-муаллим, наконец-то, утихомирил Шаира.

Кажется, так и было. Майор еще раз дотронулся до плеча Рауфа:

– Вставай, пойдем. Нас ждут. Ты обернись, посмотри на наш флаг.

Да, на это стоило посмотреть. Рауф немного пришел в себя. Разве он не ждал столько времени этого дня? Трехцветный флаг Азербайджана развевался парящим орлом на высоте Лелетепе. О, Аллах! Как же может биться от радости человеческое сердце. Как же может от гордости воспрянуть человек, высоко подняв голову, смотреть на небеса. Нет, Аллах видит нас и воздает нам за наши дела, страдания и судьбы. Ничто не проходит даром.

Полковник-лейтенант Шюкюр Гамидов вместе с полковником Маисом Бархударовым стояли под флагом Азербайджана на высоте Лелетепе и наблюдали за бегством армян. Шюкюр Гамидов с недовольным видом рассматривал поле боя. Бархударов обернулся к нему:

– Кажется, ты хочешь что-то сказать…

– Говорю, что, если армяне хоть немного посопротивлялись бы, битва была бы более красивой.

– Ты прямо, как Шаир, заговорил.

Оба, засмеявшись, стали смотреть на видневшихся вдалеке редких солдат рассеявшейся армянской армии.

Пулемет Рауфа подобрали его товарищи. Сафаров держал его под руку. Они не спеша поднимались на Лелетепе. Большой командирский состав ждал их. Они приближались. Оставалось совсем немного, как вдруг раздались рукоплескания. Это было в их честь!

***

… Когда командир увидел Шахина, то покраснел, как человек, сделавший что-то постыдное. Он встал из-за стола. Медленно идя навстречу, он думал, что ему сказать, но солдат опередил его:

– Здравствуйте.

Командир прослезился:

– Мы тогда решили, что скроем от тебя случившееся и заодно отправим тебя домой. Потому что мы знали, что, увидев тебя, твоя семья немного успокоится. Знай, что в лице Рухина мы все потеряли сына.

Шахину не нужны были подробности, он понимал командира. Все равно потерянное не вернёшь. Все знали о тяжелом ранении Рухина. Хотя врачи сделали все, что могли, извлекли осколки, однако органы жизнеобеспечения были сильно повреждены. Днем и ночью они не отходили от него… он знал это лучше всех. Свидетели здесь были не нужны, он сам видел, что врачи сделали все… но спасти его не смогли…

– Я прибыл, чтобы сказать, что решил посвятить свою жизнь армии.

Командир еще раз обнял Шахина. Растрогался. Сказал только:

– Поздравляю.

Не было нужды говорить ещё что-то. Дав подписать некоторые документы, он сообщил ему хорошую новость:

– Прибыли новые призывники. Пойдем, я познакомлю тебя с твоим отрядом.

– Разрешите мне сначала посетить боевые места, через полчаса вернусь.

– Хорошо… Жду тебя здесь. Мы твое оружие тоже оставили за тобой, никому не отдали, если захочешь, можешь прямо сейчас получить его.

Шахин вышел из штаба. Спускаясь вниз, он по дороге здоровался с сослуживцами, отвечал на их вопросы о самочувствии.

Он ушел довольно далеко. Опустив голову, он брел, о чем-то задумавшись. Ему было все равно, куда идти. Казалось, кто-то его подталкивал в спину, а он, подчинившись, совсем не сопротивлялся.

Он довольно-таки далеко скрылся от глаз. С опаской, повернувшись, посмотрел назад. Кажется, за ним никто не следил. Наверное подумали, что он решил посетить места, где воевал его брат, захотел вспомнить что-то. Конечно, ведь рана была еще свежа и глубока. Так быстро этого не забыть, эта рана еще долго будет саднить. Все, кто был в курсе, думали так.

Он остановился в какой-то цветущей низине. Вытащив из кармана нож, стал вырезать из почвы траву в виде квадрата. Он проделывал это спокойно и аккуратно. Осторожно отложил вырезанный кусок травы в сторону. В вырытую ямку положил письмо Гюльнары. Трясущимися руками разровнял поверхность, чтобы ничто не привлекало внимания. Очнулся, почувствовав, что на руку капают слезы. Но он же ведь не плакал.

Как горело у него в груди, знал лишь он и Аллах! Горькие душевные муки, превратившись в слезы, текли прямо из глубины сердца. Сердце его так билось, что он вдруг испугался. «Так и умереть можно». Осмотрелся. Кроме всяких насекомых и ярких цветов, вокруг ничего не было. А солдаты были наверху – на вершине – и каждый занимался своим делом. В сердце защемило, стало трудно дышать, как будто не хватало воздуха. Однако именно здесь было полно чистого, свежего воздуха. Что же с ним такое? Он не знал, насколько верны были его поступки. Правильно ли он сделал? И снова пришел к такому заключению, что ради дорогой памяти брата он не смог бы жениться на Гюльнаре. Иначе как бы он держал ответ на том свете? В брачную ночь под ним «сгорела» бы или постель, или он сам. И девушку бы опозорил. И жизнь обоих была бы хуже смерти.

Он определенно думал, что даже если бы эти слова, сказанные братом, он услышал не от него, а от любого парня из своего села, то все равно поступил бы точно так же. Иначе как можно было бы дальше жить? Каждый раз, заходя в спальню, обнимая Гюльнару, целуя и лаская её, образ брата вставал бы перед глазами. Не обвинят ли его в низости и подлости? И как долго можно было бы так жить? С того дня сто раз, если не больше, он отчитывался перед собой, решал, как поступить, взвешивал, рассматривал и с той, и с этой стороны, но не пришел ни к одному решению. Он попал в такой лабиринт, из которого невозможно было найти выхода.

… Много позже он узнает, что Гюльнара через три дня после его отъезда собралась и уехала к своей тете в Баку. В селе говорили, что она решила не выходить замуж, а поступать в университет. «Замуж можно выйти в любой момент. Самое главное, чтобы у тебя была профессия, диплом, который всегда понадобится. После этого все двери для тебя открыты, и ты сама сможешь крепко стоять на ногах».

По крайней мере, в городке ходили такие разговоры. По-другому людям закрыть рот было невозможно. И правда, Гюльнара в том же году поступила в университет, и спустя некоторое время утихли и эти сплетни. Так всегда бывает. Если случайно кто-нибудь не вспомнит, все забывается…

Он встал. Потихоньку стал подниматься вверх. Взбираться прямо в гору, конечно же, было нельзя. Поэтому он шел наискосок, а не то, он еще больше запыхался бы и обессилел. Ему было очень плохо. В данный момент он чувствовал себя самым несчастным человеком на свете.

При виде солдат он понемногу пришел в себя. Знакомые места, привычная среда успокаивали его… Сейчас он был в своей «тарелке». Командир ждал его под водруженным на вершине Лелетепе флагом.

***

Вся страна, от края и до края, праздновала Апрельскую победу. Был конец месяца. Лица людей светились невиданной радостью, ликованием. Все поздравляли друг друга, шехидов вспоминали с уважением и самыми высокими словами. Народ воспрял. У людей невероятно поднялся моральный дух.

На другой стороне от Лелетепе осталась брошенная врагом разгромленная боевая техника. Убитых тоже было много. Иногда ветер приносил на вершину Лелетепе их трупный запах. Если бы армянская сторона забрала свои трупы... Но надо было уточнить какие-то нюансы. Армяне не особо высказывали желание забрать тела своих солдат. На полях еще порядочно оставалось убитых. Их можно было увидеть даже невооруженным взглядом.

Азербайджанские солдаты, с гордостью прохаживаясь под нашим флагом, издалека смотрели на дымящиеся останки вражеских объектов. С горечью сожалели: «Ты посмотри, как нас остановили! Сейчас бы мы уже сидели в Ханкенди. Наступали бы на Шушу. Ах, подлецы!»

Рауф тоже был среди них. Чуть отдалившись от бойцов, он шел впереди. С сожалением обвел взглядом виднеющиеся вдали горы. Если бы дали возможность, они бы и их освободили. Армяне наскоро соорудили на высокой вершине села Нузгар новый штаб, начали строить землянки.

По тому, как тепло, по-дружески ему легла на плечо рука, он понял, что это замполит, майор Сафаров. Никто так попросту не подошел бы к нему.

Рауф сидел на корточках. Уже не так, как в прошлый раз, но все равно был в удручающем состоянии. Нервы еще были напряжены. И сейчас было заметно, что он весь натянут, как тетива. Майор понял, что должен разговорить своего бойца, но только очень осторожно, ласково. По армейским законам Рауф не имел права разговаривать так дерзко со старшим по званию. Но все к Рауфу – Шаиру за его образованность, мужество, умение командовать частью, манеры и патриотизм проявляли особое уважение.

Наша армия, наша земля, наша Родина, наши командиры, наши генералы! Если подумать, мы все друг другу родственники. Конечно же, армейский устав все чтут. Как говорится: «Дружба дружбой, а служба службой». Все придерживались этого правила. Между солдатом и командиром, и даже между самими солдатами всегда сохранялись уставные взаимоотношения. Здесь не приняли нелицеприятные традиции Советской армии и не использовали такие уничижительные слова, как «молодой», «дед», «дедовщина».

Солдат не притесняли преднамеренно, не применяли необоснованных нарядов. Отношения были искренними, с уважением к старшим. Каждый знал свое место, свой долг и обязанность.

Майор Сафаров сидел на траве, свободно вытянув ноги, как молодой солдат, опьяненный шербетом победы и спокойствием последних дней. Иногда охая от удовольствия, он ложился на спину. Двадцать дней назад он не мог бы так рассиживаться. Тогда было холоднее. Но сейчас луговая травка уже нагрелась. Солнце пригревало, его лучи словно раскрасили лица солдат в красно-коричневые оттенки. Можно сказать, что все были в одном цвете: смуглые, почти черные, цвета кишмиша. У некоторых солдат на щеках облезла кожа. Они перешучивались друг с другом: «Ты что на яйлаг[1] явился?!»

Они еще не перемолвились ни словом. Майор все раздумывал, не знал, с чего начать. Иногда посматривал на Рауфа. Нет, он еще не успокоился. «Ну что ж...»

Была еще одна серьезная причина общего состояния и внутреннего напряжения Рауфа.

[1] Яйлаг – летние высокогорные пастбища.

Вечером 5 апреля внезапный снаряд, выпущенный противником, нанес серьёзный ущерб отряду Рауфа. На самом деле, уже все закончилось. Бои были остановлены. Однако армянская гнилая натура снова показала свою подлость. Нарушив соглашение о прекращении огня, они обстреляли территорию, где были дислоцированы азербайджанские солдаты, которые были уже уверены, что все более-менее спокойно. Аллах сжалился над всеми. Снаряд упал чуть в стороне. Как говорится, до солдат дошло только «дуновение» взрыва. Никто не погиб, но троих контузило. Врачи днем и ночью дежурили у изголовья всех троих, в том числе и Рауфа. И из Баку тоже подоспела помощь, наконец, их состояние смогли стабилизировать. Было решено обращаться с ними как можно бережнее, все равно срок их службы подходил к концу.

Рауф понимал, что майор хочет что-то сказать. Поэтому молча ждал, когда тот начнет разговор. Майор сам подошел к нему. Пусть говорит. Наверно, снова начнет учить уму-разуму.

Это было послеобеденное время. Был объявлен короткий перерыв. Потом должны были начаться обычные учения. Наконец, майор Сафаров прервал молчание:

– Куда смотришь?

Рауф молча указал рукой на противоположную сторону.

– И что ты видишь?

– Что я могу видеть? Наши разрушенные дома, потухшие очаги, ждущие нас родные земли!..

– А еще что видишь?

– Ничего… только разрушенные дома, безлюдные дороги…

– А знаешь, куда ведут те дороги?

– …?

– Те дороги ведут в Иреван, в древние земли наших предков. Рауф, я уверяю тебя, что мы однажды пройдем теми дорогами и снова станем хозяевами наших исконных земель. Через год, пять, десять лет – этого я точно не могу сказать. Но только так же, как я уверен в себе, так и тебя уверяю, что те земли будут нашими. Нашу древнюю землю огузов мы не оставим в руках врагов. Тогда нас никто не сможет остановить. Никто не будет нас просить о прекращении битвы. А даже если и попросит, мы никого не будем слушать. Мы обязательно освободим наши земли. Будь уверен в этом от всего сердца!

Опираясь о землю руками, Рауф встал с корточек. Его крик донесся до подножия Лелетепе:

– Когда, командир? Когда?

Крикнув, Рауф, так схватил за грудки Джафар-муаллима, что тот повис в воздухе. Когда двое из наблюдавшего за ними военного руководства направились в их сторону, лейтенант-полковник Гамидов махнул рукой:

– Не вмешивайтесь. В Рауфе снова Шаир заговорил. Ничего страшного. Но глаз с них не сводите.

Рауф вдруг стал сильным, как тигр. Джафар-муаллим тихим голосом осторожно говорил ему:

– На нас смотрят. Что ты творишь? Нарушаешь армейский устав. Нельзя же так.

Рауф постепенно ослабил руки. Джафар-муаллим, приведя себя в порядок, осмотрелся вокруг. Приказ Гамидова был отлично понят. Казалось, что в их сторону никто и не смотрел. Каждый был занят своим делом… Вроде бы…

Рауф поник. Схватился руками за голову. Затем он запустил руку глубоко в землю и толстыми пальцами, как ковшом с мелкими зубьями, стал рыть землю. Он перекапывал землю вместе с крапивой, колючками. Потом стал работать и другой рукой. Пальцы уже были изодраны. Из-под ногтей сочилась кровь. Но боли он не чувствовал.

Он горько сетовал:

– Какую возможность упустили. Сейчас бы и Ханкенди, и все другие наши районы были бы у нас. «Народ становится народом благодаря своей отважности». Вот как нас обманули! Когда они захватывали один за другим наши районы, им никто, даже ради приличия, слова не сказал. Когда наши земли были оккупированы, никто не признал, что наши права и территориальная целостность были нарушены. Никто тогда даже и не вспомнил решения ООН, ОБСЕ, Хельсинские декларации.

У Рауфа снова помутился рассудок. Он корячился на траве, сжимался в клубок. Было непонятно, кричал ли он, стонал или выл. Ругался, но слов было не разобрать. Матерился, но неясно произносил слова, зажимал рукой рот, поэтому было не особо понятно. На самом деле он сдерживал себя при Джафар-муаллиме. Не хотел вести себя при нем непристойно.

Джафар-муаллим все еще приводил себя в порядок. А Рауф не успокаивался:

– Радуемся, что взяли Лелетепе. Радость для нас – очень относительное понятие в нынешних обстоятельствах. Потому что мы не достигли цели полностью. Мы разгромили вражескую легендарную стену Оганяна. Показали армянским собакам нашу силу. Несколько наших районов избавлены от постоянного нахождения под прицелом. Но ведь осталась Шуша… Ханкенди, Ходжалы, Агдам, Физули, Джебраил, Зангилан, Лачин, Губадлы же остались… разве по совести, что наши захваченные районы, в двух шагах от нас, остаются еще под пятой врага? Надо было биться, и мы дошли бы до самого Иревана. Хотя бы освободили оккупированные районы и водрузили бы наш флаг в Ханкенди. Всякий раз, когда у нашего народа бьют фонтаном патриотизм и отвага, один подлый звонок какого-нибудь главы зарубежного государства неуместно и бесчестно преграждает нам дорогу. Все время останавливают нас на полпути. Не дают нам достичь победы. Если бы тогда агдамцы погнали армян из Ханкенди, как собак, этот вопрос был бы решен одним разом. Но платок тети Хураман[1], который она кинула, чтобы остановить вражду, задушил переполняющий нас гнев. Как говорил Мирза Алекпер Сабир: «Сами себя без ножа режем!»

Враг передохнул, собрался с силами и, подняв весь мир на ноги, нашел себе немало сторонников. Да и руками подлецов, находящихся среди нас, мы много потеряли. Сколько бы ни говорили, что в Ходжалы что-то затевается, что на пороге великая трагедия, все высшие руководители страны в то время были слепы, глухи, немы, просто отдали народ на растерзание. Снова пострадали мы. О, Аллах, когда же мы будем спасены от этих подлых игр?

Форма Рауфа была вся в обрывках трав. Было не так уж заметно, но одежда выглядела неопрятно, рубашка вылезла из брюк, пряжка была расстегнута. Оттого, что он бил в ярости ногами о землю, пятки у него горели. Снова мир рухнул для него. Казалось, что потерянная возможность будет мучить его до конца жизни.

Кто-то из ребят подошел и протянул Рауфу открытую флягу. Взяв ее, он стал жадно пить. Майор Сафаров, поняв, что он выпьет все до дна, чтобы разрядить обстановку, протянул руку, как обидевшийся школьник, и сказал полушутя-полусерьезно:

– Говорят, воду дают сперва младшему, но это же не значит, что надо все выпить одному! Нам тоже оставь… Эх, ты, а еще товарищ…

Рауф, чуть улыбнувшись, опустил флягу. Остальное допил Сафаров.

Подошли другие его товарищи и сели вокруг. Все молчали.

---

[1] Платок тети Хураман – в конце февраля 1988 г., после объявления независимости так называемой «НКАО», начались стычки между армянской и азербайджанской общинами Карабаха, и во время одного из таких столкновений Х. Аббасова встала между разъяренными толпами армян и азербайджанцев на дороге между Агдамом и Аскераном и бросила платок между конфликтующими (на Кавказе брошенный платок – призыв женщины к мужчинам остановиться, после чего кровопролитие по обычаю не допускалось), что позволило в тот раз предотвратить кровопролитие.

Бьющий через край гнев Рауфа и так чувствовался в полной мере. Те, кто не слышал разговора, понимали, что снова какая-то боль терзает его сердце. Друзья били кулаками о землю, не обращая внимания на попадающиеся под руки камни, кочки, колючки, крапиву – так каждый из них заглушал боль своего сердца. Утешение они находили, смотря на брошенные армянами технику, пулеметы, на оставшиеся у подножия Лелетепе, по направлению к противнику, разлагавшиеся бесхозные трупы.

– Говорите, что позвонил глава большого государства и остановил атаку. В Москве вышла книга второго президента Армении, сукиного сына Кочаряна «Жизнь и свобода». Там он пишет: «Мы уже вошли в Агдам. Из Еревана позвонили и сказали, что невозможно усидеть на месте – из-за звонков с угрозами из Москвы, ООН, ОБСЕ, разных стран. И все новостные агентства, пресса Азербайджана пишут, что армяне уже захватили Агдам. Это правда? Что вы там делаете?» И смотрите, что говорит Кочарян: «Я ответил, что ничего, обосновались на высотах. – Что вы делаете на высотах? Я сказал: – Там была их артиллерия, била по нам. Мы были вынуждены их оттуда прогнать». Потом пишет: «Утром я сфотографировал опустевшие улицы Агдама, чтобы показать, что мы вынуждены были войти в опустевший город…» А мы сейчас не могли что ли атаковать и зайти в Агдам, Физули, Ханкенди, а потом сказать: «Пока мы старались сдержать свою армию, азербайджанские солдаты уже вошли на эти территории, что мы могли поделать? Все равно армяне покинули Ханкенди»…

Солнце обильно раскинуло свои теплые и ласковые лучи по горам, равнинам и оврагам. Жизнь ослепляла своей красотой. Всем хотелось жить, любить, заключить всех в свои объятия. После боев в Лелетепе азербайджанские солдаты выросли в своих глазах. Спины их распрямились от чувства уверенности и гордости, решимость их увеличилась в пятикратном размере. Наши воины воспрянули, вкусив сладость победы, увидев трусливое бегство армянской армии, их желание, чего бы это ни стоило, спастись, побросав оружие, технику и прячась, как куры, по кустам и кочкам. «Ну что, сукины дети, как вам такая жизнь?»

Лелетепинская победа не устраивала их. Желание пойти дальше, освободить остальные города и нанести врагу последний и решительный удар было непреодолимым. К сожалению, как сказал Рауф, птица удачи упорхнула из рук, подходящий момент был упущен.

Пение птиц, стрекот стрекоз, опьяняющая атмосфера тишины окутали все окрест. Все находились в раздумьях, о чем-то размышляли. Конечно же, в такой тишине больше всего думали о домашних. Среди них было немало и тех, кто вспоминал о любимых. Многие в душе даже перешептывались со своими любимыми. Это было понятно по их счастливым улыбкам, шевелению губ, по тому, как они дышали. Никто не хотел отрываться от этого сказочного состояния, тишины и спокойствия. Было бы большим грехом вдруг что-то сказать или сделать. Кто хотел бы спуститься с крыльев сладких грёз?..

Джафар-муаллим, осторожно кладя на плечо Рауфа то правую, то левую руку, что-то тихо говорил. И хотя издалека нельзя было расслышать, было понятно, что он говорил ему утешающие, обнадеживающие слова… «Ты подожди немного… еще чуть-чуть…»

Март 2019 – май 2020 Баку

ИСЛАМ САДЫХ – 70

НИЗАМИ ДЖАФАРОВ

ИСЛАМ САДЫХ ИЛИ АРЕНА СЛОВЕСНОГО ГЕРОИЗМА

Амбиции Ислама Садыха, который решил продемонстрировать масштабность своего творчества, издав первые тома тридцатидвухтомного корпуса своих «Сочинений», надо воспринять естественным еще и потому, что в этом году выдающемуся поэту, ученому и журналисту исполняется семьдесят лет. Как читатель, знакомый с его жизнью и общественной деятельностью на отрезке как минимум сорока лет, могу сказать, что он, не прельщаясь полномочиями, дарованными своими званиями, чинами и должностями, всегда служил как духовный, духовно-интеллектуальный солдат своей родине и народу. И продолжает служить по сей день.

Поэзия Ислама Садыха, его творчество целиком выходит за пределы стиля отдельно взятой личности (автора) и, если можно так выразиться, принимает масштаб стиля целого этноса. Его научно-культурологический интерес в качестве исследователя «Кёроглу», а затем и шумеро-тюркского эпоса, его основательные ответы армянским националистам, веками враждующим с тюркским миром, берет свой принципиальный (духовный!) исток именно отсюда…

Основным ориентиром его поэзии я считаю его взгляд из бесконечных эпических просторов на современный, такой же безграничный мир, в котором он живет, его желание понять метафизику этой беспредельности. Потому Ислам выступает в поэзии как новый мастер «старого» слова.

Вагиф Юсифли совершенно прав, говоря: «Исламу Садыху удается дать зазвучать новым нотам на «старых клавишах»…

Kim bilir beş nədi, üç nə,
Kim bilir çöl nədi, iç nə?
Gözündən üşüməz heç nə,
Bulaq gözündən üşüyür.

Кто знает, что такое Единое?
Кто знает, как внутри и как снаружи?
Ни у кого не замерзают глаза,
А родник леденеет в своем истоке.

…İslam Sadıq o dumanda,
Getdi o çən, o duman da.
Özgələrdən od umanda
Adam özündən üşüyür....

Ислам Садых в том тумане,
Пропала морось, пропал и туман.
Когда ждешь от других тепла,
Сам от себя ты леденеешь.

«Новые ноты» в этих строках воплощаются в чутком определении критических моментов жизни, и идейно-поэтическом параллелизме этих моментов-аспектов.

В следующих строках поэт раскрывает сокровенную тайну бытия, создавая в присущем ему стиле и форме неповторимое элегантное и нежное чувство вечной тоски и ожидания:

Qış oldumu, qar gətirir,
Bir umudu var, gətirir.
Neçə ildi bar gətirir
Bağlar gözləyə-gözləyə.

Зимой выпадает снег,
Принося с собой единственную надежду.
Сады уже столько лет
Приносят плоды, дожидаясь.

Стихотворение Ислама Садыха «Подпись наша, вина Араза» отличается идейно-содержательной стороной от многих стихов, написанных на тему Араза и насильственного разделения Северного и Южного Азербайджана, тем, что он не винит Араз, а видит «вину» в нас самих – в нашей покорности, смирении с несправедливостью мира, в менталитете, придерживающемся правила «враг тебя камнем, а ты его перышком», в нашей незлобивости и добродушии, которые зачастую не только не оправдывают себя, но и зачастую приводят к новым и новым бедам:

Yağılara üz verən biz,
Əlli desə yüz verən biz.
Ocağına köz verən biz,
Günahkarı Arazdımı?!

Мы добры с врагами,
Мы им отдаем все с лихвой.
Мы бросаем угли в их топку,
Разве Араз виноват?!

…Yağı girdi bucağıma,
Sonra cumdu qucağıma.
Su bağladı ocağıma,
Günahkarı Arazdımı?!…

Враг вошел в мой край,
Затем побежал ко мне в объятья.
Водой потушил мой костер,
Разве Араз виноват?!

İslam Sadıq, dayan, bizik,
Yağlı dilə uyan bizik.
İmzaları qoyan bizik,
Günahkarı Arazdımı?!

Ислам Садых, постой, это мы
Падаем жертвой сладких речей.
Это мы ставим свои подписи,
Разве Араз виноват?!

Кажется, что вечно можно повторять этот риторический вопрос. За нашу довольно богатую историю мы совершили очень много серьёзных ошибок и грехов, и каждый раз утешали себя: «что было, то прошло». Результатом этой безответственной «душевной широты» является то, что сегодня враг засел в наших домах… А свинью не прогнать ласковым словом…

В последние годы немало писалось о цветке хары-бюльбюль – красе Шуши, Джыдыр дюзю. И причина того ясна… Но мне кажется, что «Хары-бюльбюль» Ислама – одно из лучших, из самых проникновенных стихотворений на эту тему. В особенности оно хорошо своей поэтической грамматикой – поэтикой, пронизанной ностальгическим прошлым…Xüsusilə özünün poetik qrammatikası – həsrətli keçmiş zamanı ilə…

Min sığal vururdu orda özünə,
Gecələr gülürdü Ay da üzünə.
Mehrini salmışdı Cıdır düzünə,
Eşqini qayaya, daşa yazmışdı.

Сотни лет любовался он сам собой,
По ночам улыбкой менялся с луной,
Как признанье в любви в тишине ночной,
Расплескаться по древним скалам спеша.

Həsrətdən köksü də sarı bülbülün,
Bilmədim kimiymiş yarı bülbülün.
Tanrı taleyini Xarı bülbülün
Şuşada Şuşayla qoşa yazmışdı…

От тоски иссох, поседел соловей –
Кто, скажи, был возлюбленною твоей?..
Так Всевышний велел у истока дней,
Что вовек неделимы –
как плоть и душа –
В этом мире Хары бюльбюль и Шуша.

Перевод Алины Талыбовой

Быть новым мастером «старого» слова означает прежде всего писать в народном, ставшем традиционным, стиле, пользуясь стабильными технологиями народного сознания, превратившимися в систему этно-культурных устоев. В этом случае стихи льются сами собой, они легки как дыхание, и в то же время показывают авторскую оригинальность и созвучность времени, другими словами, сливаются воедино традиционность и современность …

Torpağı olanlar dilənməz, oğul,
Nə əksən, nə səpsən, daş da göyərdər.
Yüz oğul yoxluğu bilinməz, oğul,
Bir qarış torpağın yoxluğu qədər.

Сынок, имеющие землю, не побираются,
Что посеешь, даже с камня то пожнешь.
Сынок, сотни сынов умрут, – не заметишь,
Но пядь земли потеряешь – и почувствуешь сразу.

…Susan qeyrətləri dindirər Vətən,
Vətən dindirməsə, qəm dindirəcək.
Oğul itgisini sinirər Vətən,
Vətən itgisini kim sinirəcək?!…

Родина даст зазвучать умолкнувшей чести,
Если не Родина, то горе сделает это.
Потерю сына перемелет Родина,
Но кто перемелет потерю Родины?!

Тема Родины – одна из основных тем творчества Ислама Садыха, насыщенная этнографической, социально-этической палитрой, фольклорной открытостью, которую поэт превратил в свой художественный стиль, демонстрируемый им на высоком поэтическом уровне, отражающем его идейно-эстетическую цель:

Tale bir cüt qoşa zərdi, bilinməz,
Altı üzdən beşi sirdi, bilinməz.
Dərdindən ölənin dərdi bilinməz,
De görüm, dərdimi açımmı, Vətən?!

Судьба – пара игральных костей,
Пять сторон сокрыты, лишь одна на виду,
От тоски по тебе безмолвно умирая,
Родина, скажи, кому поведать мне горе свое?!

Gəlib budağına qonub sar indi,
Bu qədər incitməz yarı yar indi.
Mənim səndən əziz kimi var indi,
Atammı, anammı, bacımmı, Vətən?!

На ветви твои села птица,
Не станут мучить друг друга влюбленные.
Дороже тебя, никого у меня не осталось,
Ни матери, ни отца, ни сестры, о, Родина!

Soruş, İslam Sadıq bağlanıb niyə
Ayağından yerə, başından göyə.
İndi səni mənə vermirlər deyə
Mən səni götürüb qaçımmı, Vətən?!

Спроси, почему Ислам Садых
Застрял меж небом и землею.
Теперь мне тебя не отдают.
Что делать, Родина, умыкнуть тебя?!

Народное творчество имеет универсальную закономерность: весь поэтотехнологический потенциал этнического художественного сознания и даже идейно-тематический арсенал изначально присутствуют в плоти, душе, внутренней структуре сознания. Как только происходят исключительные события в жизни народа, этот потенциал, арсенал приходит в движение в душе мастеров слова, служителей пера и пишет «историю». И главное то, что этнический дух дает реакцию-резонанс, изливая свои горе и боль, заявляет, что он не пал, не сдался, демонстрирует волю к жизни…

У Ислама есть поэтические высказывания, претендующие на афористичность:

Ömrü boyu at görməyib,
At oynadır zalım oğlu.

Тот, кто гарцует на коне,
В глаза не видел коней.

Nə yovşanda yovşan ətri,
Nə çöllərdə çöl iyi var.

Не осталось в полыни полынного запаха,
Не осталось в полях духа полей.

Zibillikdə bitən güləm,
Qədrim bilinməz, bilinməz.

Я цветок, растущий на свалке,
Не знают цены мне, не знают.

Ocaq yeri varsa, bir də yanacaq,
Közü qoru, qoru, qurbanın olum.

На пепелище воспрянет костер,
О, родненький, угли береги, береги.

Ислам – мастер аллитераций. И это в целом – признак тюркского поэтического мышления:

Bu dodağın lal vaxtıdı,
Bir öpüşün «al» vaxtıdı.
Hansı gülün bal vaxtıdı,
Arı bilir, arı bilir.

Время «безмолвия» уст,
Время «получения» поцелуя.
Только пчелы знают,
Когда тянуть нектар из цветов.

Или:
Qurumuşuq qurud kimi,
Üzülmüşük umud kimi.
Gözlər dolub bulud kimi,
Yanaqlarda sel ağlayır.

Мы засохли, как листья на ветру
Безнадежны, как надежда.
И глаза полны слезами,
Льются селем по щекам.

Ислам Садых в своих стихах создает картины, в которых отражаются невообразимое богатство, красота и великолепие красок…

Qəlbində bir azca qəm keçib burdan.
Gözündə bir azca nəm keçib burdan.
Mən özüm bilirəm kim keçib burdan,
Səpib bu yollara gül qucaq-qucaq.

Через твою душу прошла печаль,
Через глаза твои прошли слезы.
Лишь я знаю, кто отсюда прошел
И рассыпал по пути охапками цветы.

Ay İslam, ocaqda közü də güldü,
Baxışı da güldü, gözü də güldü.
Sinəsi gül açıb, sözü də güldü,
Dinəndə gül tökür dil qucaq-qucaq.

Ай, Ислам, в костре угли, как цветы,
Ее взгляд – розы, глаза – розы.
Грудь ее в расцвете, слова – розы,
Когда говорит, то расточает аромат цветов.

Как у всех настоящих поэтов, и в стихах Ислама Садыха можно увидеть его самого. И этот образ залегает зачастую не на виду, а в духе, глубинах текста… Но бывает, что этот образ извергается наружу, как вулканическая лава:

Qürurun var, vüqarın var əyilməz,
Sirlərin var hər yetənə deyilməz.
Hərəsi bir batman balla yeyilməz
Sözlərindən nigaranam, ay İslam.

У тебя есть гордость стойкая,
Есть тайны, неизрекаемые каждому.
Ай, Ислам, я переживаю за твои слова,
Которые слаще меда.

Həyat vurur, bölür, çıxır qadamı,
Yoxsa tale payımızdı budamı?!
Dizin-dizin süründürür adamı,
Dizlərindən nigaranam, ay İslam.

Жизнь умножает, разделяет мои страдания,
Или это предначертано судьбой?!
Она заставляет нас пасть на колени,
Ислам, за твои колени переживаю.

O zirvədən ruhum səni səsləyir,
O zirvədə ruhum səni gözləyir.
Sən gedirsən, şeytan səni izləyir,
İzlərindən nigaranam, ay İslam.

С той вершины дух мой тебя кличет,
На той вершине дух мой тебя ожидает.
Ты идешь, а дьявол поджидает,
Ислам, за тебя переживаю.

Здесь присутствует гордость, но нет гордыни; есть самоуважение, но нет самовосхваления; есть чуткость к себе, своим словам, своей личности, но нет самодовольства… Прежде всего потому, что Ислам Садых – является выразителем духа своего народа. Он не имеет права выходить за рамки тысячелетних моральных устоев.

И представление Ислама о Поэте столь же ново, сколь «старо»:

Göydəki ulduzu yerdə görərsən,
Arazda görərsən, Kürdə görərsən.
Yayına qar yağar bir də görərsən,
Bəzən yaza dönər qışı şairin.

Небесную звезду увидишь на земле,
Увидишь в Аразе, Куре.
Вдруг увидишь, что летом выпал снег,
Вдруг зима поэта обернется весной.

Bu sazdan, bu tardan, bu neydən soruş,
Bu yerdən xəbər al, bu göydən soruş.
Quzeydə dilə tut, güneydən soruş,
Gör nələr çəkməyib başı şairin.

Спроси у саза, у тара, у нея,
Спроси у земли и у неба.
У севера спроси и у юга,
Узнай, как настрадался поэт.

Иначе говоря, Ислам Садых – этот новый мастер «старого» слова, вошедший в литературу (и жизнь!) не случайно, а со своей миссией (и чтобы остаться навеки)…

Тема шумеров пришла в азербайджанскую филологию поздно – в 70-х годах прошлого века. И своим приходом превратилась в арену политико-идеологических конфликтов, мало имеющих отношения к сути темы.

С опубликованными в начале 80-х годов статьями Айдына Мамедова, который глубоко знал основы науки о языке, инициативы последовательных изысканий шумеро-тюркских параллелей на основе материалов азербайджанского языка, настолько расширили эту арену, что дискуссии вышли за пределы языкознания и расшатали в академическом историознании проблему происхождения азербайджанского народа, которая и так была спорна. Возникла парадоксальная ситуация, которую можно счесть абсолютно характерной для эпохи борьбы за национальную свободу: сколь бы реальной ни выглядела возможность возвести истоки языка до древнейших времен, столь же ирреальной были тенденции не ограничивать проблему одним языком и возвести к той же оси все проблемы, связанные с историей (и судьбой) нации. Хотя с начала 90-х годов в Азербайджане пошли на убыль дискуссии о шумерах, азербайджанская филология отныне обрела вечную тему, к которой станет постоянно обращаться.

Ислам Садых вышел на арену шумероведения книгой «Есть мой след в Шумере» (2008). Конечно, было естественно, что он станет искать в Шумере азербайджано-тюркские следы с точки зрения фольклора, с которым глубоко знаком…

В результате достаточно широких (и интенсивных) изысканий он опубликовал книги «Шумерские и тюркские дастаны», «Шумерская литература», но этим не ограничился, защитил докторскую диссертацию на тему «Шумерские эпические тексты и традиции тюркского народного творчества» и тем самым стал известен в

Азербайджане как профессиональный шумеролог, которого среди прочих благословил академик Тофик Гаджиев – наш большой ученый, глубоко знакомый с темой.

Попытку Ислама Садыха расширить шумерскую тему от фольклороведения до языкознания в его новой книге, написанной, по сути давно, но опубликованной на днях, можно назвать удачной попыткой, если не учитывать нескольких мелких деталей. Название книги «Божий язык. Тюркский язык. Шумерский язык», а также комментарии к названию обусловлены поэтической личностью автора. А что касается возвращения в 70-е, 80-е годы с целью изобличения с позиции XXI века противников шумеро-тюркского родства, то это, каким бы основательным ни выглядело, производит впечатление камня, брошенного в спину. И, естественно, целью Ислама Садыха, восстающего против Игоря Михайловича Дьяконова или академика Играра Алиева, является изобличение того, почему эти крупные историки не замечают или вообще не принимают «находящейся на виду» связи между его родным языком и шумерским языком… Однако дело в том, что наличие или отсутствие родственных связей между шумерским и тюркским языками диктуют принципы сравнительно-исторического метода, определившегося на материалах индоевропейских языков. Согласно тем принципам, язык со временем делится на различные диалекты, каждый новый диалект, превращаясь в самостоятельный язык, сохраняет фундаментальные особенности корневого языка, но наряду с тем приобретает явные общие характеристики с побочными языками одного древа.

Ислам Садых конкретными примерами доказал, что одна треть фонетических, лексических и грамматических единиц шумерского языка имеет соответствия в сравнении с тюркским языком, а это – рекордный показатель для нынешнего уровня шумероведения (и тюркологии) и может считаться не просто количественным показателем, но именно качественным.

Словесное творчество, лексико-семантические гнезда, терминологический лексикон, характерный для человеческого языка в целом, популярные грамматические категории, ономастика, речевые стилизации и т.д. привлечены к сравнению на основе как исторических, так и диалектологических фактов тюркского языка.

Автор горячо заявляет о важности своей работы, но это не производит впечатления неискренности. Ибо читатель полностью ощущает, что Ислам Садых выражает не личные амбиции, а историко-духовные интересы своего народа.

Надо отметить, что богатый материал, представленный Исламом Садыхом, доказывает генетическое родство между шумерским и в целом тюркским, и в особенности азербайджанским языком, «издали», то есть с расстояния в три-четыре тысячи лет.

Как видно, не должно вызывать споров принятие существования совершенного на сей день наследника шумерского языка, самого древнего языка, бытовавшего в пятом тысячелетии до нашей эры. Но, конечно, это наследование может быть более ясно представимо тогда, когда нам могут предоставить определенную генеалогию. При создании данной генеалогии наряду с принципом «от шумерского – к дочерним родственным языкам» надо применить еще и принцип «от дочерних родственных языков – к шумерскому», что может оказаться более продуктивным.

Во всяком случае, Ислам Садых чувствует себя уверенно в этой области. И я нисколько не сомневаюсь, что в каждую эпоху Азербайджана, вообще каждую эпоху тюркской истории есть потребность в Кёроглу (в таком вот героизме!) – как говорил наш национальный поэт Бахтияр Вахабзаде: «Нужен Кёроглу меча, нужен Кёроглу пера»… А Кёроглу в любом возрасте Кёроглу – и в семьдесят, и в восемьдесят, и в девяносто…

перевод Ниджата Мамедова

Стихи в статье даны в подстрочном переводе.

ИСЛАМ САДЫХ

Перевод АЛИНЫ ТАЛЫБОВОЙ

Пора зрелости

Раскрываются цветы,
Песнь заводит соловей.
Ароматы сотни трав
Ветерок несёт с полей.

Непорочные цветы
Травам тем в глаза глядят,
Несказа́нные слова
На губах у них дрожат.

Снова гаснут небеса,
Горы тают в синей мгле.
Сердце млеет и парит,
Зреет колос на жнивье.

Все проходит...

Был я мо́лодец, что надо –
краше не найдешь,
Вились кудри водопадом –
гуще не найдешь.
Гордо нёс венец по жизни, соколом глядел...
Но корона раскололась, волос облетел.

Развязались, распустились сети, пояса,
И навек закрыла мама милые глаза.
Не раздуть огня былого в очаге –
хоть плачь,
Враз золою стали угли,
затерялся садж[1].
Я бросался на рожоны,
в пекло жизни лез,
И оплавился, подобно выжженной земле.
Насмехаясь друг над другом,
навсегда ушли
Жажда жизни с пресыщеньем за края земли...

Дождь

Ах, этот дождь!..
Он льёт, и льёт, и льёт.
Воды вокруг уже невпроворот,
Из дома ливень выйти не дает...
– Да будет этот дождь благословен!

[1]Садж (азерб.) – блюдо национальной кухни, а также специальной формы посуда, в которой оно готовится.

Вот молния змеей блеснет в ночи,
Вот гром обрушит с неба кирпичи,
Дороги нынче – бурные ручьи...
– Да будет этот дождь благословен!

Земля ли, стосковавшись по дождям,
В мольбе вздымает руки к небесам?
А сей потоп – спасение всем нам...
– Да будет этот дождь благословен!

Раскрой себе объятия свои,
Проведай душу –
много ль в ней любви?
И небо, и земля – они твои...
– Да будет этот дождь благословен!

Игры зимы

(Дачные воспоминания)

Оголились деревья до самых корней,
Миновали погожие ясные дни,
Жизни нет в буреломе иссохших ветвей,
Песня близкой зимы студит губы мои.

Редко-редко шаги у ворот прозвучат,
Тишина долгим эхом звенит ввечеру.
Обезлюдев, застыл лунным призраком сад
Да и я нынче замер, застыв на ветру.

Дотлевает под старым инжиром мангал,
Самовар закипевший к столу пронесут.
Словно кот наш,
что с пойманной мышью играл,
Зимний ветер взметает сухую листву...

Все не так

Я как будто превратился
в высохший булаг[1],
Не сложить и пары строчек
мне с утра никак.
Пепелище жизни целой
переворошив,
Не сумел найти я даже
искорки души.
Все дороги стали в гору,
словно на беду.
Хоть из дома или к дому –
петлями бреду...

[1] *Булаг (азерб.) – источник, родник.*

Дар свыше

Есть среди нас живущие вне дат.
Голодным годам сытый год не брат.
Ручей безвестный с морем слиться рад,
Хоть он всего лишь капля в море том.

На горном пике я построил дом,
Мне небо в нем служило потолком.
И разжигало солнце мой очаг,
И нежились мы с домом в тех лучах.

Опять к озерам лебеди летят...
Пропахла медом степь, медов закат.
Пчела, с соцветья выпивши нектар,
Благодарит за медоносный дар...

Люблю тебя

И если даже день придет однажды,
И ты сочтешь мою любовь неважной,
Приветишь ли меня иль оттолкнешь,
Пресытившись –
я, как и прежде, жажду!

Как хороши глаза твои и брови!
Цветов бутоны льнут к щеке с любовью
Обрушь мне камнепад на изголовье –
С последним стоном выдохну:
«Люблю!..»

Ты руку отняла –
и я руки лишился.
С тропы свернула –
я с дороги сбился.
Не знаю я, где север и где юг –
Но знаю лишь, что я тебя люблю!

Мне и родня чужая без тебя,
И безымянны небо, и земля.
И яд приму, как мед, из рук твоих...
Что эта жизнь мне, право, без тебя!..

Красота мира

Взмывают в небо птичьи голоса,
Еще сверкает на траве роса,
Усыпал ветви пестрый птичий рой.
Ах, этих песен красивее нет!

Взгляни на гору гордую вдали –
Она нарядней, чем наряд Лейли.
Рассыпана отара меж камней...
Ах, этих склонов красивее нет!

Ты улыбнешься солнцу и полям,
Что бросят все цветы к твоим ногам.
И ты поймешь, ступая по весне:
Бровей любимой красивее нет!..

Облако и я

Смотри, мы с этим облаком прохожим,
Как яблока две половинки, схожи.
Глаза... и нос... и рот... Одно лицо!
Кто я и кто оно, в конце концов?..

Одна гортань у нас, один язык.
Мы с ним дождем налиты под кадык.
Одни у нас и волосы и руки,
И мы глядим, как в зеркало, друг в друга...

Ах, до чего ж мы с облаком похожи:
Фас... профиль... да и общей статью тоже.
Пусть кто-то скажет: «Ерунда!..» –
вдвоем
Мы с облаком над вами поплывем...

Лицом к лицу с Богом

Над головою небо как шатёр,
Всевышний вывел сам на нем узор
И водрузил светильник золотой,
Чтоб мир не затопило вечной тьмой.

И масло влил в него рукой своей,
Чтобы горел он до скончания дней,
Чтоб звездные кружили мотыльки
Над ним в безумной прихоти своей.

Мы сущностью своею так близки...
Мне голос свыше эхом бьет в виски,
Я чувствую дыханье за спиной –
Хочу узреть немедля образ Твой!

Мы, люди, поднимаем к звёздам взгляд,
Для Бога облака у ног лежат.
А небо, колыхаемо ветрами –
Всего лишь тонкий занавес меж нами...

Мои солдаты – руки

Мир дремлет, словно войско после боя,
Но скалы не сомкнут в дозоре глаз.
Способно сердце к подвигам любое,
Когда оно пылает, как сейчас.

Ряды сомкнут отважные мужи,
Окопами земли изрыто лоно.
Пред вражьей силой эти рубежи
Неодолимым встали рубиконом.

Здесь не годится ваш привычный счет:
Один солдат здесь – рота,
десять – войско.
Здесь храбрецов питает благородство,
Здесь для меня моя земля цветет.

Я пальцы простираю пред собой
И озираю со́мкнутый их строй:
Большой, как командир, его возглавил,
Мизинец, словно юный рядовой...

И воинство мое не перечесть –
На каждой переправе, перевале...
Мои солдаты – руки.
Каждый палец
Лежит сейчас на спусковом крючке.

Пусть нас не слышат недруги сейчас,
Но час придет –
услышат и узнают.
И я, крючок спуская, всякий раз
Врагов не меньше сотни поражаю!

Будь счастлива, Родина!

Страна, мы, каждый –
воин твой,
Прикажешь – мы сомкнемся в строй.
Храню в дозоре твой покой...
Страна, будь счастлива вовеки!

Игиды силой налились,
Как травы, к небу поднялúсь.
Аллах с отрадой смотрит вниз...
Страна, будь счастлива вовеки!

Когда сольемся мы в кулак,
Легко повержен будет враг.
И стих сложу тогда я так:
– Страна, будь счастлива вовеки!..

Ощущение жизни

Жизнь то беду, то радость поднесет,
То яд тоски, то счастья светлый мед.
С утра весна над городом витала,
Но чую –
снег с далеких гор грядет...

Моя ли кровь вскипает, как волна,
Твоя ли ожиданием полна...
Дождем ли пахнет эта плоть граната
Иль терпким духом свежего вина?

Туманны мысли, в чувствах разнобой,
Я снова бой веду с самим собой.
Тиски тоски опять теснят мне душу,
Я задыхаюсь в этом безвоздушье!..

Всевышний, слух к моим словам склони:
На жизнь назад опять меня верни,
Где снова я беспечен, молод, статен,
И всюду реет аромат любви...

Хары бюльбюль[1]

Сотни лет любовался он сам собой,
По ночам улыбкой менялся с луной,
Как признанье в любви в тишине ночной,
Расплескаться по древним скалам спеша.

От тоски иссох, поседел соловей –
Кто, скажи, был возлюбленною твоей?..
Так Всевышний велел у истока дней,
Что вовек неделимы –
как плоть и душа –
В этом мире Хары бюльбюль и Шуша.

Я тебя сберег от дождей и ветров,
От колючих бурьянов, злых сорняков,
От свирепых селей и холодов...
Хоть порою сникал ты, тоскою дыша.

Листья те, что из почек пробиться спешат,
Через краткий миг засквозят, облетят.
И выводит опять на земле листопад
То единственно вечное слово *«Шуша»*...

---

[1] *Хары бюльбюль – произрастающий только в Карабаха вид горной орхидеи, ставший символом народного единения и победы Азербайджана во Второй Карабахской войне.*

АЯЗ МАМЕДОВ

ПОЛЕТ В ВЕЧНОСТЬ

Памяти друга, Национального Героя Азербайджана,
летчика 1 класса, майора Юсифова Закира Тофик оглу

Этот очерк несколько отличается от предыдущих моих публикаций. Возможно, он написан в более жесткой форме, и я убежден, что соседям будет не по нраву читать о событиях и людях, описанных в очерке.

Но, с другой стороны, я и не ставлю перед собой цель полностью раскрыть историю создания ВВС Азербайджана и понравиться кому-либо, а хочу только донести истину до читателей. Понимаю, что и с той, и с другой стороны были достойные люди, принявшие происходящее близко к сердцу и честно исполнявшие свой долг в той грязной войне, развязанной горсткой безответственных, амбициозных политиканов, стравивших два соседствующих народа, надолго сделавших их непримиримыми врагами.

«Найти хотя бы какие-нибудь сведения. Хоть что-нибудь». С такой просьбой обратился ко мне товарищ. Поэтому я выехал в Гянджу, где во время войны мог находиться его близкий друг. К слову сказать, я не смог до конца выполнить поручение товарища, хотя и сделал все от меня зависящее. Мои поиски оказались безрезультатными, так как человек, которого я искал, пропал без вести, и никто с полной уверенностью не мог сказать, погиб ли он и где похоронен, или остался в живых, но находится на той стороне.

Баилово и Шиховский спуск остались позади, и я, выехав на трассу Баку – Казах, обнулил датчики километража и подачи топлива. Дорога дальняя, а у меня есть давняя привычка засекать пройденный путь.

Погода была прекрасной. Уже не так палило солнце, не было той изнуряющей жары, но и до осени еще очень далеко. Многое изменилось. Когда я в последний раз ездил по этой трассе? Давно. Лет двенадцать назад? А ведь на этой дороге я «накрутил» сотни, а может, и тысячи километров, знал каждую выбоину, каждую ямку.

Я вел машину и не узнавал до боли знакомых мест. Недавно отремонтированная дорога позволяла набрать приличную скорость. Машина шла быстро и мягко, и я практически не заметил, как промелькнули Приморский и Гобустан. Только на въезде в Сангачалы я невольно сбросил скорость, медленно проезжая поселок, и, наконец, остановил машину. Закурив, я вышел, вспоминая давно оставшиеся в прошлом дни. Воспоминания, сменяясь одно другим, лентой прошли перед глазами.

Да, в прошлом остались годы службы в армии. Многое пришлось пережить – интересного, хорошего и не очень. Плохое сам не хочу вспоминать, и не потому, что плохое. Просто хорошего было гораздо больше.

Сейчас, стоя у обочины дороги, я вспоминал начало 92 года. Именно здесь была заложена основа Военно-воздушных сил Азербайджана. Сам я не имею непосредственного отношения к авиации, но по воле судьбы я оказался в центре событий тех дней, и мне выпала уникальная возможность быть лично знакомым со всеми летчиками, первыми вставшими в ряды вновь формируемой армии.

Среди славных сынов азербайджанского народа был и мой друг, посмертно удостоенный звания «Национальный Герой Азербайджана», майор Юсифов Закир Тофик оглу.

В этом году мы могли бы отпраздновать его полувековой юбилей, но «шальная» пуля от беспорядочной стрельбы близ селения Сафиан перебила гидросистему вертолета, и машина, потеряв управление, упала, унося жизни трех замечательных людей, беззаветно любивших свою Родину. Закира и его боевых товарищей, Рауфа Кулиева и Тахира Багирова, похоронили 11 октября 1992 года на Аллее Шехидов.

В этом очерке я хотел писать только о Закире, но, как ни старался, ничего у меня не вышло. Без предыстории и краткого экскурса в прошлое, очерк полностью не раскроет облика героя, хотя в рамках одного очерка это невозможно сделать. Однако, говоря об одном из членов экипажа, нельзя, хотя бы вскользь, не упомянуть и о других ребятах, о боевом братстве пилотов. Ведь вертолет и все, кто в нем находятся, – это монолит, одно целое, а летное подразделение – одна большая семья.

Много чего давно стерлось из памяти, но хронология событий и действующие лица соблюдены и конкретно реальны.

Меня, как человека, тесно связанного с зарождением национальной военной авиации, попросили оказать помощь в работе по созданию музея. Я с радостью согласился и вплотную занялся этим делом.

В Интернете, на одном из сайтов, я встретил статью из журнала «Авиамастер» под авторством М.Жирохова. После прочтения статьи я был, мягко говоря, обескуражен искаженной информацией. Стал искать дальше и нашел еще две-три публикации этого автора на ту же тему. Нельзя сказать, что статьи очень отличались друг от друга, но последняя из них, «Черный сад скорби» на «Artofwar», превзошла все ожидания. Благодаря этой работе я зарегистрировался на сайте, опубликовал несколько своих работ и получил возможность дать свою, более достоверную версию по этой же теме. Я приступил к работе, и она была уже на стадии завершения, но что-то удерживало от полного окончания и публикации. Признаюсь, что с присущей южным людям горячностью я, как и многие из моих товарищей, прочитавших работу М.Жирохова, сразу же вынес свой вердикт (надеюсь, он не будет на меня в обиде за это): «Ангажированный автор», – но в отличие от других, я попытался разобраться и понять, что все-таки стало причиной ложного освещения событий, вернее, искаженной полуправды. Я прочитал несколько других работ М.Жирохова и понял, что он серьезный, увлеченный аналитик-авиатор. Тогда почему его работа по Карабаху носит предвзятый характер и далека не только от анализа, но и от истины? Почему эта работа стала явно пропагандистской? Армянин? Вроде бы по фамилии не скажешь. Проплаченный? Возможно. Хотя по другим его работам в это трудно верится. Щелкопер, борзописец? Опять не выходит, судя по серьезности его работ об авиации. Оказалось, ничего подобного не существует. Михаил – честный человек, приступая к работе над статьей, обратился за помощью в посольства противоборствующих сторон. Он признался, что информацию собирал по крупицам, а основная ее часть была «любезно» предоставлена армянской стороной и, как видно, в искаженном, выгодном для себя свете.

Вот один маленький пример, достаточный, чтобы читатель сам смог судить об уровне фальсификаций в данной работе. По версии публикации «Черный сад скорби», Азербайджан имел: «В начале 1992 года Азербайджану передали эскадрилью Ми-24 (14 вертолетов) и эскадрилью Ми-8 (9 вертолетов), которые базировались на аэродроме Сангачалы», – и, – «...к концу мая в строю оставалось всего шесть Ми-24». Так выходит, что на начальной стадии конфликта (с января по май 1992 г.) армянами было уничтожено в два с лишним раза вертолетов больше, чем их было в наличии на самом деле. Что ж, «Да здравствуют самые меткие зенитчики в мире!»

Азербайджанская же сторона предложила свои условия, т.е.: «Вы сначала напишите, а потом посмотрим». Наша чиновничья бюрократия не в состоянии была предвидеть результатов пагубности своих позиций, а надо бы, и потому оказалась не на высоте. И результат не заставил себя долго ждать. Вот и «посмотрели»!

Труд М.А.Жирохова стал основным догматом армянской пропаганды, так «любезно» предоставленной ими самими же информации в лице политолога Карена Степаняна. Теперь же эту статью М.Жирохова, как неопровержимый источник информации по применению авиации в Карабахе, использует «Википедия». Стоит ли удивляться, что у людей сложилось искаженное представление о действительности? Надо отдать должное армянским пропагандистским технологам, которые в очередной раз смогли извратить правду, и опять же не своими руками.

Но здесь я не собираюсь изобличать армянскую сторону, анализировать работу М.А.Жирохова и тем более давать ей оценку. Предоставим ему самому решать, как дальше лучше поступить. Надеюсь, он собрал достаточно материала, чтобы опубликовать действительно аналитическую работу, и это только вопрос времени. Не хочу думать, что Михаила Александровича может удовлетворить предыдущая версия, и он остановится на достигнутом, но, опять же говорю, право выбора за ним, и потому хочу предупредить: этот очерк не является альтернативой работе М.А.Жирохова. Не исключаю, что со временем, возможно, опубликую полную и достоверную историю создания азербайджанских ВВС и их участие в конфликте, пока же предоставляю читателям очерк, охвативший период лишь за весь 1992 год.

Отсюда, из Сангачалы, после уничтожения армянскими формированиями, с помощью приснопамятного 366-го МСП, азербайджанского села Дашалты, в последнее воскресенье января (28.01.92) в воздух поднялся и перелетел на гражданский аэродром в поселок Забрат первый Ми-24. Вроде бы это была боевая машина, но на тот период иначе, как «голубь мира», вертолет не называли. Не потому, что он парил, как голубь в бескрайних просторах неба, даря людям радость, нет. Просто вертолет не имел боекомплекта и потому простаивал в гордом одиночестве без дела. Какая же тогда поднялась шумиха.

Паломники из Тбилиси и Москвы челноками приезжали в Баку, чтобы отыскать угнанную «стрекозу». Эмиссары Москвы просили, уговаривали, требовали и, наконец, угрожали, но у тогдашнего руководства страны не хватило реальной власти вернуть спрятанный вертолет, и, кроме того, у нас были неопровержимые доказательства, что вертолетную эскадрилью, базирующуюся здесь в Сангачалы, хотят перебросить в Тбилиси, якобы для «охраны Мингечаурской ГРЭС», а фактически вынашивался более коварный план – передать Армении. Правда, после обещания генерала Н.Подольского, командующего 19-й армией ПВО, что вертолеты не передадут Армении, А.Муталибов предложил исполняющему обязанности министра генералу Ш.Мусаеву вернуть угнанную машину. Ш.Мусаев готов был уже вернуть вертолет, но ежедневные сводки с линии соприкосновения останавливали его. Каждый день в штаб вновь созданного министерства приходила информация, что армянские формирования при поддержке тяжелой техники 366-го мотострелкового полка СА, не безуспешно совершают набеги на азербайджанские села. Да по-другому просто и не могло быть. Хорошо вооруженным формированиям с танками и БТР противостояли необученные крестьяне с одной двустволкой на пять человек.

Армянская официальная пропаганда часто эксплуатирует изречение, с легкостью подхваченное неискушенным обывателем, что «армяне Карабаха выстояли против значительно превосходящих сил и средств азербайджанцев». Все это – ерунда. Не было у Азербайджана (не считая людских ресурсов) никакого превосходства, особенно на начальном этапе противостояния. Надеюсь, это смогут признать (хотя бы сами для себя), откинув бахвальство и пропагандистскую риторику, и армянские участники карабахской войны.

Конечно же, численное превосходство у Азербайджана было и есть, но, повторюсь, что могла сделать безоружная неуправляемая масса людей против танков и современных видов оружия?

Сегодняшний мой рассказ не об этом. Хочу только отметить: на мой взгляд, в наших военных неудачах больше вреда было от наших же доморощенных, амбициозных демагогов и политиканов, рвущихся к власти и раздиравших республику изнутри, чем от армянских формирований. Одно дело – ходить по улицам Баку, требуя смены власти и выкрикивая лозунги: «Гарабах бизимдир!» («Гарабах наш!»), и совсем другое – с оружием в руках доказывать неопровержимость этого лозунга. Но об этом как-нибудь в другой раз.

12 февраля 1992 года на аэродром авиаотряда «АЗАЛПАНХ» в поселке Забрат, где уже базировались три угнанных вертолета, приехал начальник авиации, полковник Ю.Шварев. С ним были полные экипажи, для перегона на место постоянного базирования угнанных вертолетов. Пилоты разбрелись кто куда, в томительном ожидании распоряжений начальства выкуривая одну сигарету за другой, а Ю.Шварев в кабинете начальника авиаотряда ждал телефонного звонка из Баку.

В то же время на аэродроме Сангачалы приземлилась «восьмерка» с гражданскими летчиками на борту: Явер Алиев, Закир Юсифов, Ханлар Сатаров, Эдисон Гасанов, Мирмагомед Агаев. Это были опытные летчики. До сих пор они обслуживали нефтяные промыслы и в любую погоду, порой с риском для жизни, доставляли на отдельные морские основания рабочих-нефтяников и уникальное оборудование. Эти пилоты часто вылетали по заявкам врачей в труднодоступные районы для оказания медицинской помощи. Ими было перевезено тысячи тонн груза, а в последнее время они исполняли роль челноков-извозчиков, перевозивших почту и пассажиров из сел Карабаха. Еще не было войны, а их мирным машинам уже пришлось перевозить первых беженцев и раненых. Каждый из них мог с закрытыми глазами летать в небе над Карабахом. Крупномасштабные операции только еще будут, но авиация уже понесла первые потери.

В апреле 1991 года между Шушой и Лачином был сбит Ми-8 Бакинского авиаотряда. Вертолет сгорел, но, к счастью, обошлось без жертв. В октябре того же года в Аскеранском районе армяне сбили Ан-2, перевозивший пассажиров. В результате вместе с летчиками погибли семь человек. Меньше, чем через месяц, т.е. 20 ноября, в том же районе был сбит принадлежащий СА Ми-8 с членами правительственной комиссии, военным комендантом Карабаха и миротворческими представителями России и Казахстана на борту. Погибли 20 человек. Гибель следующего экипажа, с которым близко были знакомы ребята, потрясла всех. Заслуженный экипаж Виктора Васильевича Серегина перевозил беженцев из сел Шушинского района, когда в его машину впилась ракета ПЗРК. Все пассажиры и экипаж погибли. Пилоты отвели горящую машину как можно дальше от населенного пункта, чтобы предотвратить бóльшие жертвы. Очевидцы рассказывали, что из разорванного «брюха» горящего вертолета выпадали живые еще люди. Можно ли гибель этих людей причислить к боевым потерям? Навряд ли. Ведь о миссиях всех сбитых машин знали на той стороне. Знали, что они не несут никакой угрозы, и все же сбивали.

Все, и полковник Ю.Шварев в том числе, сомневались (только не сами пилоты), смогут ли гражданские летчики перегнать боевые вертолеты? Конечно же, боевая машина в корне отличается от обычной «восьмерки», но не на столько, чтобы опытный пилот не смог разобраться в ее управлении. Так и наши вертолетчики, усевшись в креслах, с опаской поднимали грозные машины в воздух, делали по два-три контрольных круга над аэродромом и снова садились на бетонку. После контрольного облета командир эскадрильи Я.Алиев вместе со своим заместителем З.Юсифовым собрали всех для короткого инструктажа. Вертолеты один за другим поднялись в воздух и на малой высоте взяли курс на Забрат. С аэродрома Насосный было поднято дежурное звено, но для низколетящих вертолетов самолеты-перехватчики не представляли угрозы.

Полковник Ю.Шварев, до конца не веривший, что гражданские пилоты смогут справиться с управлением Ми-24, увидев заходящие на посадку вертолеты, в сердцах загнул трехэтажным матом и, усевшись рядом со своими подчиненными в ожидавший «РАФик», уехал. А еще через день в Забрате приземлился последний, девятый вертолет. На день перелета он был выведен из строя и потому оставался в Сангачалы, но техники привели его в порядок, и машина встала в строй. Отсутствие военных пилотов не давало возможности применить вертолеты в боевых действиях, и потому на задания вылетали два вертолета, летчики которых перешли на службу в Азербайджанскую армию вместе с машинами.

Несколько пилотов из авиаотряда, среди которых был и Закир, изъявили желание переквалифицироваться на боевые машины. Пилотов стали ускоренным методом готовить. В этом большая заслуга принадлежала летчику-инструктору, майору С.А.Сенюшкину, и летчику 1-го класса, капитану Е.Н.Карлову. Оба они погибли. Оба удостоены высокого звания «Национальный Герой Азербайджана» посмертно.

Окончательное решение перейти на военную службу у ребят сформировалось после Ходжалинской трагедии, когда они своими глазами увидели результаты бойни этой грязной войны. Не знаю, что было причиной информационной неосведомленности республики (скорее всего, политическая напряженность), но население еще не знало о трагедии в Ходжалы. События тех дней происходили в то время, когда в регион с посреднической миссией прибыл министр иностранных дел Ирана Али Акбар Вилаяти. Он 25 февраля встретился в Баку с руководством Азербайджана и 27 числа должен был вылететь в Карабах, а затем и в Армению. В связи с этим стороны договорились о прекращении огня, и народ с надеждой ждал результатов иранской миссии. Результат оказался плачевным. В ночь с 25 на 26 февраля армянские формирования, нарушив договор о прекращении огня, штурмовали г.Ходжалы. В Ханкенди (Степанакерте) не захотели встретиться с Вилаяти, объяснив это отсутствием гарантий его безопасности. Да и как там могли бы встретиться с ним после того, как ими так коварно была проигнорирована договоренность, а целый город вместе с жителями подвергся варварскому уничтожению? Вместе с военными летчиками в качестве операторов вылетали пилоты из авиаотряда. 27 февраля Закир в одном из таких вылетов прикрывал гражданскую «вертушку», совершавшую облет места трагедии, выискивая уцелевших. Это оказалось невыполнимой задачей под шквальным огнем армянских формирований. В те дни азербайджанские силы не смогли прорваться на помощь ходжалинцам, а безответственные заявления, что именно они учинили расправу над своими согражданами, делались армянской стороной, чтобы скрыть свои преступления от широких кругов общественности. Попытки вывезти трупы также оказывались безуспешными.

29 февраля, когда пилоты «АЗАЛПАНХа» получили задание вывезти жителей села Умудлу, в одном из «крокодилов», прикрывавших гражданскую «восьмерку», находился Закир. В селе не оказалось ни одного человека, и экипажи вернулись в Агдам. Шла дозаправка вертолетов, когда поступила команда лететь к селу Шелли. Что там произошло, они не знали, и летели, чтобы, как обычно, перевезти жителей. Позже уцелевшие в том аду рассказывали: армянские вертолеты с карателями в белых маскхалатах на борту, вели поиск людей в лесных массивах. Отдельные группы беженцев, выходившие из леса, расстреливались или захватывались в плен.

Уже на подлете командир Ми-8 услышал команду в наушниках: «Восьмерка», гаси скорость. Бери вправо и садись». Командир «восьмерки» Бахлул, перескочив бугор, вышел на Ходжалинское ущелье и посадил машину на ближайший холм. Мелкая дрожь прошла по телу. Он увидел страшную картину. Насколько хватало глаз, всюду валялись обезображенные трупы. Здесь царила смерть. Смерть, холод и трупы. Трупы стариков и женщин, детей и взрослых, расстрелянных, замерзших, раздавленных гусеницами.

– «Восьмерка», твою мать, ты что, на параде? Тебя же ведь просматривают со всех сторон. Немедленно, переместись, – услышал Бахлул голос Закира, а по обшивке вертолета, будто горох, с тупым звуком стали биться пули.

«Слава Богу! Пронесло, не задело», – подумал пилот, удаляясь на более безопасное место, в овраг.

Но туда, где только что сидела «восьмерка», приземлился вертолет Закира, и из него выскочил журналист с камерой в руках – Чингиз Мустафаев. «Двадцатьчетверка» взмыла, прикрывая оператора с воздуха, и в холм, откуда поднялся вертолет, врезался снаряд. Камера Чингиза заплясала в руках от взрывной волны, но он в окружении отстреливающихся бойцов продолжал съемку так называемого «гуманитарного коридора» и его результатов. Эти кадры облетели весь мир, и мир смог убедиться в «цивилизованности» вечно плачущих армян.

По роковому стечению обстоятельств, на следующий день, сопровождая иностранных журналистов, и мне пришлось увидеть своими глазами ту мрачную картину, на всю жизнь оставшуюся в памяти. В те дни всегда улыбающийся Закир помрачнел, на глазах постарел. Я никогда не верил, что человек в одночасье может поседеть, пока не увидал Закира. Его виски, словно припорошенные снегом, стали белыми, а лоб прорезала глубокая морщина – печать скорби.

В тот же день мы узнали еще об одном печальном событии, произошедшем далеко от линии фронта. Группа, получив «добро» возвращаться на базу, направила машины в сторону Баку. Командир группы доложил, что возвращаются без потерь. В ответ, еле сдерживаемым от слез голосом, радистка Азиза передала: «Давайте, ребята, быстрее возвращайтесь. Здесь дела плохи». И, все. Что случилось? Почему дела плохи? Ничего не понятно. Ребята в неведении, выжимали из машин максимум. Приземлившись в Забрате, они узнали, что при выполнении учебного полета потерпел аварию военный вертолет. Командир эскадрильи, проводив товарищей на боевое задание, распределил «молодежь» по учебным экипажам. Обычный день учебных полетов. Завершить учебный день должен был сам командир. Отработав задание, экипаж уже возвращался на базу, но в пригороде Баку, над озером возле поселка Новханы, вертолет потерпел крушение. Случайные свидетели рассказывали, что машина летела на малой высоте и в какой-то момент стала винтом цеплять воду. Гибель вертолета произошла в считанные секунды, но мы так и не смогли поднять вертолет со дна озера и узнать причину аварии. В аварии погибли командир эскадрильи Я.Алиев, оператор Ф.Байрамов и летчик-инструктор С.Сенюшкин. Эта гибель вертолета и экипажа стала первой потерей военной авиации.

Жена Закира, Ирада ханым, за время совместной с ним жизни привыкла ждать его после каждого рабочего дня. Закир никогда не звонил и не предупреждал, если задерживался по на работе, и всегда просил: «Ложись, отдыхай, не надо меня ждать. Мало ли куда меня отправят, и где мне придется заночевать». Ирада ханым соглашалась с мужем, но все равно с завидным упорством верной подруги ждала. Ждала каждый день, чтобы подать полотенце, разогреть ужин и накрыть на стол. Ждала, чтобы рассказать Закиру о проказницах девчушках-погодках, которых он нежно любил, радовался жизни вместе с ними и каждую слезинку, пролитую ими, считал для себя трагедией, и готов был отдать полжизни, лишь бы дети не плакали. В тот день, уложив девчат спать, Ирада коротала время, сидя с книгой в руках. Закир вернулся домой глубокой ночью. Умывшись, он отказался от еды. Молча, не включая свет, пододвинул стул к духовке печи и, уронив голову на руки, в бессильной ярости беззвучно плакал. Ирада, ни разу не видавшая мужа плачущим, не понимала, что случилось, пыталась чего-то добиться от него и как-то успокоить, но безуспешно.

– Я прошу тебя, не трогай меня сейчас, пожалуйста. Потом.

– Да в чем дело? Что случилось? На тебе лица нет. Ты никогда не был в таком состоянии.

– А я никогда и не видел такого. Я читал о зверствах фашистов, смотрел хронику и в кино, но никогда не мог представить себе подобного. То, что я видел сегодня, сделали не люди. Это – изверги. Не могли нормальные люди творить подобное. Не могу в это поверить.

И она, усевшись рядом, слушала его сбивчивый, встревоженный рассказ, прижимала его голову к груди и словно маленького мальчика, кем-то обиженного, гладила по волосам, приговаривая:

– Успокойся. Все образуется.

А что образуется? Она и сама не знала, и понимала, что погибших в ту февральскую ночь не вернуть к жизни, а для того, чтобы «все образовалось», понадобятся годы.

На следующий день Закир вернулся домой в форме военного летчика.

Пожалуй, в армии трудно было найти человека, которому так не шла бы форма. Даже в форме – это был гражданский человек. Он – опытный летчик первого класса, высоко ценимый в авиаотряде, выполнявший самые сложные задания, стал вторым пилотом на боевой машине, изучая ее возможности и осваивая тактику воздушного боя.

Через месяц Закир Юсифов подтвердит квалификацию летчика первого класса для пилотирования боевых машин.

В далеком 56-м году, в конце сентября, в семье рабочих НБНЗ Юсифовых родился мальчик. Мальчика назвали Закиром. Существует поверье, что имя, данное человеку при рождении, в точности соответствует его образу жизни, по значению и смыслу. Мне трудно судить, действительно ли это так, или люди пытаются таким способом идеализировать и оправдать выбранные имена, которыми нарекают детей при рождении. В случае с Закиром это предположение полностью оправдано. Закир – слово арабского происхождения и означает – мыслить, думать, помнить. Закир вобрал в себя все эти качества. С пятилетнего возраста, увлекшись шахматами, он стал учиться мыслить неординарно. Мальчишкой он понял, что в жизни можно многого добиться, стремясь к знаниям. Одаренный от природы, он быстро усваивал азы обучения, а пытливый ум всегда тянул его к познаниям большим, чем это предусмотрено школьной программой. Закир любил изучать историю и, будучи еще учеником средней школы, увлекся философией и римским правом. Литература и история, математика и физика, физкультура и труд стали его любимыми предметами. Он зачитывался романами Достоевского, вникая в смысл написанного, пытался разобраться и понять героев любимого автора. Увлечение философией и римским правом сформировало в нем твердое желание стать юристом и уже после окончания Сасовского летного училища, которое с успехом закончил, достиг желаемого. В восьмидесятом году Закир поступил на юридический факультет АГУ (Азербайджанский государственный университет). Позже, когда он получил диплом юриста, но так и продолжал летать, жена спросила его:

– Почему, если ты так любишь юриспруденцию, не идешь работать по специальности?

Закир очень просто ответил ей:

– Такие, как я, там не нужны. Я никогда и никому не давал взяток и тем более не могу их брать.

Больше они не возвращались к этой теме, но среди друзей и знакомых Закир обрел славу человека, готового всегда дать юридическую консультацию. В любой спорной ситуации он находил правильное решение, и коллеги часто обращались к нему за советом и помощью.

Закир с детства увлекался гимнастикой и благодаря упорным занятиям в семнадцать лет выполнил нормативы кандидата в мастера спорта.

Тройка неразлучных друзей – Жора Саркисян, Игорь Уваров и Закир – всегда вместе выезжали на соревнования отстаивать честь школы. Позже, уже в летном училище, став мастером спорта, он возглавлял команду гимнастов.

Можно только догадываться, как друзья переживали события января 90 года. Душой Закир понимал, что ни Жора, ни кто-то другой из соседей не виновны в том, что происходит вокруг. Но как остановить разъяренную толпу, чем помочь людям, брошенным между жерновами сепаратизма и национализма? Ради каких непонятных идей центральная власть пошла на поводу у безответственных политиканов, сделав тем самым заложниками тысячи людей? Закир так и не смог до конца понять и разобраться в случившейся трагедии, и он сделал тогда единственно правильный для себя выбор: спрятал семью друга. Он лично провожал друзей, когда они решили уехать в Россию. А после кровавых событий пришел в парткомиссию и положил на стол партбилет и заявление с просьбой отчислить его из рядов партии. В заявлении, с обычной своей прямолинейностью, он написал: «Я не могу быть членом партии, которая уничтожает свой народ».

В апреле Закира допустили к управлению «крокодилом», но первый самостоятельный вылет был омрачен.

11 апреля командир группы Е.Карлов вводил в строй «молодежь». Отработав боевую задачу недалеко от Физули, группа, пересекая линию фронта, возвращалась домой. Трудно со стопроцентной уверенностью сказать, как и чем именно была сбита машина командира, но в небе вдруг вспыхнул факел, и вертолет горящей бесформенной массой рухнул на землю. Уже на земле усилиями поисковой спасательной службы смогли загасить пламя, но спасти экипаж не удалось. Из изуродованной машины вытащили обгоревшие тела интернационального экипажа. Е.Карлов (русский) с товарищами, оператором старшим лейтенантом Ф.Мусаевым (лезгин) и двумя бортстрелками, Т.Фараджевым и Г.Гасановым (азербайджанцы), воевавшими за территориальную целостность Азербайджана, погибли смертью храбрых.

Гибель товарищей лишний раз показала, что у войны не бывает любимчиков, а у судьбы свои счеты к каждому из нас. Ребята погибли после выполнения боевого задания, возвращаясь на базу, когда уже вроде бы ничто не угрожало их жизням. Гибель этого экипажа открыла счет боевых потерь азербайджанской авиации в 1992 году, но она отнюдь не сломила дух авиаторов. Летчики продолжали наносить значительный урон живой силе и технике противника. С каждым днем они совершенствовали боевую выучку, проявляя чудеса храбрости.

15 мая в Агдамском районе над селением Гюлаблы армянам удалось сбить еще один вертолет. Машина не слушалась управления, но пилотам удалось покинуть ее и спуститься на парашютах. Оба пилота приземлились на территории противника. С земли противоборствующие стороны наблюдали за спуском парашютов, и азербайджанский батальон предпринял атаку ради спасения пилотов. Командир попал в плен, но второй пилот приземлился в зарослях кустарника ближе к своим позициям. Р.Ширинова нашли без труда, но к моменту освобождения Алексея, тому уже основательно «намяли бока». Отступая, армяне не захотели возиться с пленным, потому, они просто выпустили автоматную очередь по пилоту.

Долго еще телевидение 1-го канала Российского телевидения демонстрировало удостоверение личности офицера, крича на всю страну, что на стороне азербайджанцев воюют русские наемники (будто генерал А.Зиневич и другие, воевавшие на стороне нашего противника, – этнические армяне). К счастью, раны оказались не смертельными, и Алексей после выздоровления смог встать в строй.

В летнюю кампанию 1992 года части Азербайджанской армии развили успех на Агдеринском направлении, в чем большую роль сыграли вертолетчики. Своими дерзкими атаками они наводили панический страх на противника. Но успешное наступление наземных сил захлебнулось, и войскам пришлось отступить.

В те дни вертолетная эскадрилья работала на износ. На боевые задания летчики вылетали парами. Одной из этих пар была пара двух Закиров (Закир Юсифов и Закир Меджидов).

6 августа в пределах населенного пункта Касапет Агдаринского участка фронта, где были сосредоточены значительные силы противника, два Закира поддерживали с воздуха наступление азербайджанской бригады. Ведущий группы Закир Юсифов отдал распоряжение ведомому: «Закручиваем «карусель», – и на предельно низкой высоте несся на позиции противника. Произведя одно нажатие, он выходил из боя, и его место занимал З.Меджидов. На втором заходе Закир на мгновение потерял из виду своего ведомого. Он отработал последние пуски и, выходя из боя, увидел на земле горящую машину. Поисково-спасательный вертолет под обстрелом противника совершил посадку возле сбитой машины и собрал фрагменты частей тел. Так погибли боевые товарищи: Закир Меджидов, Руслан Половинко и Джаваншир Рагимов, но до сих пор нет стопроцентной уверенности их гибели. Судите сами. Узнать по фрагментам частей тел того или иного человека было невозможно, а тело стрелка нашли через месяц за пару километров от места падения вертолета. Хочется верить, что хотя бы двое из героического экипажа живы. Но думаю, если они и живы, то, наверное, завидуют мертвым.

Как старший группы, Закир казнил и не мог простить себя за гибель товарищей, и с того дня, словно ища смерти, выполнял самые ответственные полеты, наводя ужас на противника. С постоянным упорством, напористостью и бесстрашием он бросал вертолет в самую гущу боевых действий, игнорируя инстинкт самосохранения, но оберегая своих ведомых. Сколько раз товарищи пеняли ему, что он безрассуден, и просили быть немного осмотрительнее, но его «крокодил» продолжал появляться в самых неожиданных местах.

За ним устроили настоящую охоту, но он удачно обходил засады, появляясь там, где его не ждали. Зато его всегда ждали на базе, зная, что он не совершал «грубых» вылетов и что в его прицеле никогда не было мирных людей, детей и женщин.

А однажды, незадолго до гибели, он преподнес нашей авиации поистине дорогой подарок.

Шли ожесточенные бои на подступах к Губадлы. Армянские формирования, развив наступление, буквально выдавливали наши войска при поддержке своих штурмовых вертолетов.

В тот осенний день по нашим позициям работало сразу три Ми-24, из которых армяне потеряли две машины, а третий вертолет ушел с повреждениями. К счастью для пилотов, никто не пострадал, но одна машина сгорела полностью.

Второй вертолет совершил посадку, пытаясь забрать экипаж, но в этот момент выстрелом из гранатомета был выведен из строя. Граната попала в радиоотсек и повредила гидросистему вертолета.

Третий вертолет забрал оба экипажа подбитых машин и сам, получив повреждение, смог-таки улететь.

Противник наступал, пытаясь отбить поврежденную машину, но доставленный на «двушке» к месту посадки техник сумел под непрекращающимся огнем устранить повреждение. Десять часов понадобилось ему, чтобы как-то починить машину, а когда работа была завершена, к месту аварии на вертолете ПСС были доставлены Закир Юсифов и оператор. Они перегнали вертолет на базу, а через несколько дней, полностью восстановленная машина была введена в боевой порядок.

Почти после каждого вылета вертолет Закира возвращался на базу изрешеченный пулями, но он вновь и вновь появлялся над позициями противника, как заговоренный. Не раз мне приходилось слышать рассказы от пленных армянских солдат с почтением отзывавшихся о неудержимой храбрости пилота.

Приближалась первая годовщина вновь созданных ВВС.

Эскадрилья готовилась к параду, пролетая над аэродромом в воздушном строю, когда поврежденный вертолет Закира приземлился на площадке. Техники пытались проволынить, чтобы дать отдохнуть командиру, и пообещали к обеду завтрашнего дня отремонтировать машину. Может быть, с кем-то и прошел бы подобный «трюк», но только не с Закиром. Обложив технарей матом, он выхватил из кобуры пистолет и коротко, но ясно пригрозил:

– Если через час вертолет не будет готов, расстреляю.

Он еще находился в легкой дреме, прикорнув на кровати в комнате отдыха, когда доложили, что вертолет готов к вылету. Закир сразу же вылетел к своему напарнику, Ханлару, ждавшему в Агджабеди, а через день к ним присоединились и отлетавшие в парадном строю товарищи.

Каждый день для Ирады ханым начинался с просьбы к Всевышнему, чтобы Закир вернулся домой невредимым. А где-то там, далеко, на той стороне, с такой же молитвой обращалась к Богу армянская женщина – жена, мать, сестра.

Ирада ханым подолгу всматривалась в небо, будто хотела увидеть в нем вертолет Закира. Бывало, он несколько дней не появлялся дома, и эти дни были настоящей пыткой и проходили в тревоге, неизвестности и томительном ожидании. В Баку не было военного положения, а она каждый день воевала рядом с ним, кляня всех, кто развязал эту проклятую войну. В редкие часы отдыха, когда Закир бывал дома, Ирада допытывалась у него:

– Что чувствуешь ты? У тебя есть ненависть к армянам?

– Знаешь, у меня никогда не было к ним даже неприязни. Поначалу появилось чувство обиды, досады, что ли. Мы же жили рядом, учились, работали, делились последним куском хлеба, а что вышло. Я же ради Жорика любому хоть сейчас глотку готов порвать. А сколько у меня, кроме него, было друзей, знакомых, соседей? Как их можно было ненавидеть? Но в Ходжалы во мне что-то сломалось. Я ведь представить себе не могу, что такой же армянин, как Жорка, смог сотворить подобное. Тогда я был, как бы, между двумя армянами. С одной стороны друг Жора, с другой – враг со звериным оскалом. А смерть Закира меня переломала. Я должен мстить за гибель моих товарищей. Я должен многое успеть, но, видно, недолго мне осталось. Что-то я задержался в этой жизни.

– Что ты такое говоришь? Как может человек задержаться в жизни?

– Я знаю. Там, – он ткнул пальцем вверх, – меня давно ждут.

– Ишь ты, куда тебя занесло? – пытаясь превратить в шутку, ворчала она. – А твоих детей кто будет поднимать? Кому, кроме отца, выдавать девочек замуж? А кто их будет любить больше, чем отец?

– Ты, моя хорошая. Все – ты! Ты сможешь любить их за двоих, за себя и за меня – я знаю. Ты же у нас сильная, волевая (*Ирада в переводе на русский язык – воля, твердость духа*).

Ирада понимала, что он не шутит, и после таких разговоров у нее оставался тяжелый осадок на душе, и она в очередной раз отправляла его на... даже себе она не хотела признаваться, что отправляет мужа не на работу, а на войну.

В тот день Ирада ханым проснулась раньше мужа. Не суетясь, приготовила ему завтрак, но он все спал, хотя будильник уже во второй раз пиликал ему побудку. «Поздно вернулся, пусть поспит еще чуть-чуть», – подумала она. Минут через 15-20 все же решила разбудить Закира. Он вскочил, ворча, что опаздывает. Приведя себя в порядок, быстро оделся, поцеловал, как обычно, жену на прощанье и побежал вниз по лестнице. Ирада кинула взгляд на остывающий на столе завтрак и вышла на балкон. Не оборачиваясь (никогда не оборачивался, говорил – плохая примета), он спешил на службу. Ветер парусом раздувал его куртку, а у нее промелькнула мысль: «Вернется, отправлю его в парикмахерскую». Тогда она еще не могла знать, что видит его удаляющуюся фигуру в последний раз.

С утра для получения боевого задания командиры экипажей вылетели в штаб, расположенный в селении Ханлык. В Губадлинском районе, близ населенного пункта Сафиан, сосредоточились силы противника. Для их уничтожения и поддержки наземных сил были отправлены три вертолета. Закир, как обычно, ставил задачу:

– Первым иду я. Второй Бахлул. Третий Ханлар. Я отстреливаюсь одним нажатием, ухожу правым и прикрываю Ханлара. Бахлул, отстреливаешься двумя нажатиями. Уходишь вправо вверх на безопасное расстояние и прикрываешь нас управляемой ракетой. Ханлар, заходишь одним нажатием, я за тобой. Затем ты делаешь второй заход, я прикрываю тебя пушкой.

Все экипажи, открутив «карусель», четко выполнили поставленную задачу. Отработав, Закир дает команду: «Уходим! Группа, порядок. Домой». Бахлул с упреждением вывел машину вперед и встал первым. Следом шли Ханлар и Закир. Обычно после выхода из боя вертолеты уходили на малых высотах, используя для маскировки местность: ущелья, овраги, русла рек, холмы и лесные массивы. И в этот раз группа возвращалась вдоль оврага на предельно малой высоте. Но через некоторое время Бахлул услышал голос Ханлара: «Второй, подтянись». Еще через несколько минут: «Второй, подтянись». В Агджабеди на аэродром один за другим приземлились Бахлул и Ханлар, и на посадку уже заходила «восьмерка» ПСС.

– Валера, где Закир.

– Не знаю. Я его не видел.

– Поднимись повыше, может быть, где-то на вынужденной.

Закира не было видно. «Восьмерку» дозаправили, не выключая двигатель, и Бахлул вместо второго пилота вылетел обратно по пройденному маршруту, а следом на Ми-2 вылетел Ханлар. Возвращаясь, Бахлул неустанно вызывал Закира, но эфир молчал. В тот день погода стояла прекрасная, и видимость для пилотов была отличной, поэтому они быстро заметили поднимающийся от земли столб черного дыма. Вдоль дороги на Губадлы, на холме, далеко от линии фронта, ребята увидели остов разрушенного вертолета, вокруг которого столпились местные жители. Они уже успели сбить огонь и вытащить из машины тела погибшего экипажа. Приземлившись, ребята расспросили людей и обследовали местность. Вверх по склону холма шли следы от цепляющихся за землю пилонов, а сам вертолет развалился на вершине. Экипаж не заметил повреждения, пока приборы не показали отсутствия жидкости в гидросистеме. Справиться с управлением вертолета летчики уже не могли. Так погиб один из славных экипажей молодой военной авиации, завершив цепочку своих потерь в 1992 году.

Бахлул, управляя вертолетом, возвращался в Баку. На борту были тела погибших товарищей, а он еще не представлял, как сможет сказать сестре, Ираде, о гибели ее мужа.

На похороны Закира собралось много народа. Здесь были близкие, родные, друзья, люди, совсем не знакомые между собой, но их всех объединяло одно: любовь к Закиру. Ведь он на протяжении всей жизни оставался любимчиком и душой любой компании.

Через несколько дней почтальон принес телеграмму из Москвы. Ирада ханым, прочтя послание, хотела в сердцах разорвать этот листок бумаги, но память о Закире остановила ее. Она, расправив листок, положила его на подушку Закира, будто предлагая ему прочесть слова друга: «Не могу поверить в гибель Закира. Скорблю вместе с вами. Обнимаю. Аллах рехмет элясин. Жора».

ОЛЕГ НАМАЗОВ

ОСВОБОЖДЕНИЕ ШУШИ

Кино-эссе

Группа из 10 человек в боевой амуниции идёт в лесу по гористым склонам в густом тумане. Они знают, что таких групп несколько и цель их одна – взятие Шуши.

С собой они несут легкое вооружение, от автоматов до ножей, в рюкзаках альпинистское снаряжение.

Идут долго, осторожно, изредка делая кратковременные привалы. Пот струится по вискам.

***

Каждый воин спецназа стоит минимум 10 подготовленных солдат противника. Прежде всего преимущество азербайджанских воинов в их мотивированности, в сознании правоты дела. А сознание собственной правоты дает неизмеримые силы, идущие от самой земли, неба и гор, от этих камней, этого леса и всего пространства.

Каждый ощущает ответственность, ибо знает, что является избранным из сотен других молодых сильных людей. Каждый всесторонне подготовлен и тренирован на лучших военных базах. Это и жаркий Пакистан, и холодная Норвегия.

(Между прочим, проармянское лобби США и Франции не учло того фактора, что Скандинавия – не просто дружеский Азербайджану регион, а еще и, по версии Тура Хейердала, имеет общие древние исторические корни. И потому, сколько бы США, Пентагон не настаивал на скорейшем десантировании войск НАТО из Скандинавии в зону конфликта, никто не пошевелил и пальцем. Наоборот, в Швеции провели автомобильный марш-парад со шведскими и азербайджанскими флагами).

Азербайджанский спецназ, пройдя подготовку в разных регионах мира, чувствует себя уверенно и во влажных джунглях, и в пустынных степях, и в снежных горах, и в горячих песках. Владение несколькими языками совершенно так же, как и владение оружием, умение стрелять, попадая точно в цель из любых возможных позиций, под любым углом, по любой возможной траектории, – норма, не говоря уже об и умении маскировки.

Сознание того, что на них возложена миссия освобождения своей Родины от захватчиков, придает им еще большую силу и уверенность. Впереди Шуша – зеница ока Азербайджана, страдающая под пятой врага.

Они знают и видели жестокость и зверства армянских оккупантов по отношению к мирным жителям, женщинам, детям.

Перед их глазами стоят видеокадры и рассказы очевидцев о том, как армяне стреляли в памятники Узеиру Гаджибекову и Бюль-Бюлю; как армянские нацисты глумились над памятником Натаван, как оскверняли мечети. Целью оккупантов было уничтожение всего культурного наследия азербайджанцев, и они, уверенные в том, что расплачиваться им за свое варварство не придется, усердствовали, стараясь перещеголять друг друга.

Но час расплаты настал. Пришло Возмездие со стороны истинных хозяев этой земли.

***

Десятки групп подошли к городу Шуша со стороны отвесных скал, откуда противник меньше всего ждал штурма.

Уже несколько дней летали беспилотники над городом. Со спутников подавалась картинка видов Шуши. Выявлялись точки скоплений военной техники противника, уточнялась численность вражеских солдат.

***

Штаб азербайджанской армии. Карта местности на столе и на экранах компьютеров. Офицеры обговаривают детали операции, продумывая возможные варианты.

Было принято решение отказаться от бомбардировки города. Необходимо сохранить оставшиеся пока еще не разрушенные культурные и архитектурные памятники нашей истории. При этом точечно уничтожать с летательных аппаратов военные объекты противника. А это почти ювелирная работа, требующая высокой квалификации.

Один из наших разведчиков, проникнув в город, прятался в разбитом «жигули», ожидая момента наступления.

Штурм назначен на 4 часа утра. До этого времени в течение всего дня и вечера в азербайджанских войсках, расположенных в противоположной части Шуши, откуда в город ведет дорога, происходит оживленное движение с целью привлечь внимание врага, вселяя в него уверенность, что атака начнется именно отсюда.

Именно здесь враг сосредоточил основные свои силы. Армянский так называемый «генерал Ашот» бахвалился перед своими подчиненными: «У нас столько оружия, пушек, зенитных установок, минометов, пулеметов, ара, задавим турков, ара, косить их будем , как траву!» Военный гарнизон армян насчитывал до 4000 солдат, среди которых были и уголовники, осужденные за тяжкие преступления, но воспользовавшиеся шансом быть на свободе, воюя с Азербайджаном.

***

В ночь с 3-го на 4-е ноября в густом тумане несколько групп азербайджанского спецназа подошло к отвесным скалам у подножия Шуши. Есть пара минут для оценки ситуации и наилучшего выполнения поставленной задачи.

Командиры групп поддерживали постоянную связь с вышестоящим руководством. Всё должно быть сделано в полном соответствии с планом операции.

Снайперы прикрывают фланги выдвигающихся групп. Сквозь оптические прицелы просматривалась вся скала до самой вершины.

В это время группы «Z», «J», «U», «L» уничтожают четыре армянских блокпоста, расположенных по периметру города. Сигнал о завершении этой части операции подан всем группам азербайджанского спецназа.

Мысленно произнеся «С нами Бог», наши бойцы принимаются за работу. Свистят летящие стрелы арбалетов с закрепленными канатами, которые вонзаются в скальную породу в разных частях скалы. Есть 5-7 секунд, чтобы достигнуть 10-20-метровой высоты. Дальше по обстановке.

Противник, завидев наш спецназ, сразу начал стрельбу, но некоторые наши ребята уже закрепились в расщелинах между скалами. Азербайджанские снайперы тут же погасили огневые точки. Всё же без потерь не обошлось. Армяне были поражены тем, что даже сраженные пулеметным огнем наши воины, упав, через пару секунд вставали и карабкались дальше. «Бессмертные, роботы, зомби», – так окрестят их армянские боевики, спасшиеся бегством. Им было не понять, сколь высок воинский дух азербайджанцев, и смерть в бою с врагом за свободу Родины они почитали за честь. Главное: выполнить поставленную перед ними задачу до конца.

Первая сотня горного спецназа постепенно овладела большей частью отвесных скал. Достичь высоты удалось 44 воинам, они закрепили канатные лестницы и бросили концы вниз, давая возможность другим группам подняться на взятые рубежи.

Всё происходило в считанные минуты. Всё было сотни раз отработано на подготовительных учениях, на тренировках, в упражнениях.

Те 44 бойца, которые первыми вошли в Шушу, пока остальные поднимались по спущенным канатам, в мгновение оценив ситуацию, приступили к действиям.

***

Нельзя было разрушать город, и без того обезображенный за время оккупации.

Наши солдаты устремились на армянские позиции, известные по разведданным информации беспилотников, разведки и в соответствии с реальной обстановкой. Меткие выстрелы из автоматов, пистолетов, арбалетов косили армянских солдат беспощадно и наверняка.

Группа Валеха двигалась по крышам домов и построек.

Группа Салима обходила левый фланг, стреляя в выбегающих из подвалов и подъездов зданий армянских боевиков, отвечающих беспорядочной стрельбой. Но мощная и точная атака спецназа заставила армян умолкнуть.

Группа Рамиля двигалась вдоль ближайших дорог, патрулируя тротуары, улочки. Казалось, сама земля защищала наших ребят. Точные выстрелы укладывали всех появляющихся захватчиков.

Вот преодолено двадцать метров, вот пятьдесят. Один из армянских боевиков набрасывается на Салима откуда-то справа с ножом, но встречным контрприемом Салим перехватывает руку нападающего с ножом и переламывает ее. Следующее движение, и полголовы врага, срезанная ножом Салима одним взмахом, вместе с ухом слетает на тротуар. Прыжок вперед, и отнятый у очередного, оглушенного армянина гранатомет поражает легкий танк, выехавший из-за угла. Танк горит, оттуда выскакивают армяне, но натыкаются на пули азербайджанского спецназа.

Противник вступил в открытый бой. Бой начинался лицом к лицу.

Возмездие за варварские преступления против мирных азербайджанских женщин, детей, стариков неумолимо обрушилось на врага.

Схватка была относительно недолгой. Пули вонзались в оккупантов, ножи кромсали их в ближнем бою, гранаты разрывали их на куски.

Это вам за Натаван!..
Это вам за Узеира Гаджибекова!..
Это – за Бюль-Бюля!..

Перед глазами стояли памятники нашим выдающимся деятелям культуры, выходцам из Карабаха, которые армяне, переполненные ненавистью, варварски расстреливали в упор: лица и глаза несчастных матерей с младенцами на руках, изгнанных зимой из своих домов в одном платье, замерзшие в горах женщины, дети и старики, пытавшиеся спастись от армянских зверств и не выдержавшие перехода через горы.

Час расплаты настал. Падали размозженные головы убийц, а сломанные ноги давали захватчикам-армянам возможность поднять руки, символизирующие «Сдаёмсу!» Тех, кто не сдавался, безжалостно уничтожали. Когда армянские террористы, изображающие защитников НКР, поняли, что пришло время отвечать за свои зверства, возникла паника, и в страхе и смятении, пытаясь спастись, они ринулись к дороге на Ханкенди.

Одним из первых бежал «генерал Ашот», бахвалившийся перед своими боевиками, что, мол, будем бить турок, только успевай потом экскаваторы подгонять для свалки трупов в ямы… Но был уложен метким азербайджанским стрелком.

Когда к концу дня город был очищен от оккупантов, Шуша огласилась дружным победным кличем своих сыновей, освободивших ее от врага.

Так 400 спецназовцев Азербайджана сломали сопротивление 4000 армянских боевиков. Многих из спасающихся бегством оккупантов по дороге уничтожили азербайджанские бойцы других групп, не принимавших участия в штурме, а находившихся в засаде.

***

Финальные титры идут на видео, где азербайджанские спецназовцы находят своих товарищей, убитых или раненых. Раненым оказывают необходимую помощь и уносят в безопасное место. Павших в бою они перевозят в город Шуша.

P.S. О братстве Азербайджана и Турции.

Для западного ума трудно или почти невозможно понять то, что не вписывается в политическую или экономическую выгоду, трудно понять те категории нравственности, которыми руководствуются Азербайджан и Турция в помощи друг другу. Западники, нацеленные только на свою выгоду, рисуют президента Эрдогана неким новым халифом Османской империи XXI века.

На самом же деле Турцию и Азербайджан связывают братские отношения. У нас общие древние истоки, берущие начало на Алтае и в Сибири.

И это взаимное уважение, как братьев, составляет основу всего перечня взаимоотношений: в военном деле, экономике, торговле.

И главное – в независимости. Стремление к независимости всех тюркских стран – основа наших взаимоотношений.

Послесловие от автора:

В сюжет могут быть вкраплены эпизоды с главарями армянства в лице олигархов, живущих в США, Франции, России. Посредством эпизодов раскроется скрытая нить интриг, которые они проводили через влияние на мировые СМИ.

Воздействия на Макрона через гомосексуалистов Европы.

Попытки армянства РФ воздействовать на Путина.

Несколько известных фрагментов времени 2020 года с 27 сентября по 9 ноября. (Жириновский, Затулин, Соловьев и Пегов со своим армянским хозяином)

Здесь же будут уместны четкие и красивые ответы президента Ильгама Алиева западным репортерам. И его фраза, где он говорит, что знает, какое вооружение и какими путями оно доставляется в Карабах для армянских оккупантов, купленное предпринимателями РФ армянского происхождения.

Эти параллельные сюжетные линии будут дополнять общую картину экранного действия.

МАРК ВЕРХОВСКИЙ

Сказание о танкисте

8 мая 1992 года в 2 часа 30 мин., хорошо оснащенные современным оружием вооруженные силы армянских сепаратистов, дислоцированные под Ханкенди́ (бывший Степанакерт), начали штурм Шуши, основного пункта жительства азербайджанцев в НКАО и оплота азербайджанских вооруженных сил. Этим событиям между двумя городами предшествовала годовая артиллерийская дуэль.

Разница была в выборе, а вернее в действительном наличии средств массового поражения. Инициативу в атаках смертоносных ракет проявил Ханкенди́ , начав осуществлять стрельбу с помощью градобойных орудий типа «Алазань». Шуша не заставила себя долго ждать и вскоре начались ответные обстрелы из установок «Град». Несомненное преимущество имели шушинские артиллеристы, поскольку город Шуша возвышается над Ханкенди́, и потому стрельба велась прямой наводкой. Откровенно говоря, подобная дуэль приносила и той, и другой стороне только гибель жителей и разрушение домов, не влияя коренным образом на стратегию противостояния. Но война – есть война, и ответственность перед Богом несут те, кто её развязал.

Именно поэтому сепаратисты и решили повлиять на ход войны и начать штурм Шуши. Этому способствовало пребывание в Ханкенди́ главного идеолога конфликта – авантюриста и выскочки Роберта Кочаряна (будущий президент НКР и президент Республики Армения). Для поднятия своего имиджа ему необходима была хоть какая-нибудь, но победа.

Состоящие в основном из наемников, силы сепаратистов, сделав отвлекающий маневр по захвату окрестных деревень, отвлекли часть азербайджанских сил от обороны Шуши. Обойдя город, неприятель с нескольких сторон обрушился на него.

На момент штурма военным комендантом Шуши был Эльбрус Оруджев. Организовав оборону города, защитники сил самообороны, состоящие в основном из плохо обученных горожан города, мужественно отбивали наступление противника. Бой ожесточился с подходом бронетехники.

Примерно в семь утра Альберт Агарунов, по приказу командира танкового отряда, едва заняв позицию около шушинского асфальтобетонного завода, вступил в свой последний бой с врагом…

Как гласят строки из официальной сводки: «…возглавляемый командиром взвода старшиной Альбертом Агаруновым, оставшимся вдвоем с Агабабабой Гусейновым, головной танк, искусно маневрируя, вышел на огневую позицию и выстрелом в упор подбил танк противника. В это время следующий неприятельский танк угрожающе приблизился к огневой точке защитников завода.

Ещё мгновение, и танк, успев развернуть орудие, с ходу выпускает снаряд, развороти́вший башню танка атакующих.

Бронемашина Агарунова все время в активном движении, ибо малейшая остановка танка может превратить его в мишень для попадания. Альберт напряженно следит в прорезь, чтобы в этой сумятице искореженной техники и зданий, суметь выбрать нужное направление.

«Но что это?.. Нет!.. Нельзя! Стоооп!!» – прокричал команду Альберт. Растерянным взглядом он увидел перед танком в знакомой униформе убитых ранее солдат азербайджанской армии. Объехать их не было возможности: мешали обломки разрушенного асфальтобетонного завода, находившегося в зоне обороны экипажа Агарунова.

Воспитанный на кавказских обычаях уважения умерших, он не мог дать команду «вперед», переезжая трупы ещё час назад бывших живыми своих ополченцев.

В то же время нужно было двигаться вперед на подмогу попавшим под пулеметный огонь и залегшим в траншею защитникам ведущего шоссе. Времени на раздумья не было, и Альберт принимает самое верное, но и опасное решение: необходимо выбраться из танка и перенести тела павших героев в сторону. Он без колебания бросается к своим погибшим товарищам.

Уже вылезая через люк, он услышал возглас: «Куда, командир! Это опасно! Вернись!» Но Альберт уже стремительно бежал среди воя свистящих невидимых пуль -убийц.

И это был бесстрашный бег и финиш Героя. Человека, на мгновение забывшего родителей, друзей, а главное о ценности своей однажды данной ему жизни. Движимый долгом чести перед павшими ополченцами, заслужившими уважение своими уже отданными жизнями, он нес им свое горячее сердце. Альберт только начал переносить погибших, когда щелкнул курок снайпера, хладнокровно карауливщего смельчака, ставшего ему мишенью.

Удобно устроившийся подонок, не сомневался, что кто-нибудь да попадется на подстроенную засаду из погибших воинов. Пуля мягко вошла в разгоряченное тело Альберта Агарунова, отныне ставшего бессмертным Героем.

К вечеру появилось предположение, что атака отбита.

Однако к этому моменту выяснилось, что число защитников города значительно поредело. Одним из тех, кто покинул Шушу в числе последних, был чеченский доброволец Шамиль Басаев, впоследствии ставший одним из известных руководителей чеченского освободительного движения. На стороне Азербайджана воевал и ещё один известный чеченский полевой командир Хункар-Паша Исрапилов.

Линия фронта была оголена, и тогда поступил приказ к отступлению. Под покровом темноты экипаж танка бережно вынес с поля боя своего командира. Именно этот танк, уже под именем «Альберт», был единственным сохранившимся танком в числе отступившей из Шуши бронетехники.

Указом президента Азербайджанской Республики №833 от 7 июня 1992 года Агарунову Альберту Агаруновичу было присвоено звание Национального Героя Азербайджана (посмертно).

Что можно сказать о биографии молодого человека, едва отметившего свое 23 -х летие. Она была коротка и ничем особым не примечательна. Да, существует мнение, что героями не рождаются. Героями становятся, когда люди жертвуют своими жизнями во имя спасения жизни других. Однако я не сомневаюсь, что в судьбе отдельных людей заложен ген его героического будущего, который рано или поздно, проявляется в одном, ничем не примечательном человеке.

В то же время человек, как бы он не стремился, никогда заранее не может предположить станет ли он героем или, что более прискорбно, трусом.

Альберт Агарунов родился 25 апреля 1969 года в предместье Баку, поселке Сураханы. Отец Агарун Агарунов был потомственным нефтяником Сураханских нефтепромыслов. Мать Лио Изяевна домохозяйка. Там же Альберт и проучился 8 классов в 154 школе, после чего поступил в среднее проф.училище № 1 Азизбековского р-на. Парень стремился быстрее стать подспорьем родителей в многодетной семье горских евреев. Поэтому, едва окончив училище, он поступает токарем на машиностроительный завод. Ему нравилось из кусков металла изготавливать причудливые сложные изделия, в свою очередь входившие в комплект оригинальной установки.

Романтичный юноша увлекся музыкой. Он поступает в музыкальную школу по классу трубы.

Но заканчивается гражданская жизнь и юноша в 1987 году призывается в ряды советской армии. Здесь ему пригодилась специальность тракториста-водителя, которую он освоил в СПТУ. Служба начинается с курсанта учебного подразделения в Грузии, окончив которое, Альберт получает звание младшего сержанта и получает назначение командира танка.

Служба в армии закаливает парня, формирует его дисциплинированным и целеустремленным. Поэтому, вернувшись из армии, молодой человек с большим энтузиазмом устраивается на Сураханский Машиностроительный завод, с намерением совершенствовать свое мастерство токаря.

В планах Альберта: продолжить учебу, углубить знания в музыке, жениться. Однако всем этим планам не было суждено сбыться.

Начинаются черные дни для республики: развязывается Карабахская война. Тысячи юношей, отложив свои планы на будущее, отправляются на фронт, защищать земли своей страны. Зимой 1991 года Альберт записался добровольцем в национальную армию и в звании старшины был назначен командиром танка. Не раз неординарные способности и решительные действия командира танка Альберта Агарунова в различных сложных ситуациях наносили врагу неожиданные удары, приводя к потерям в живой силе и технике.

В апреле 1992 года, накануне своего последнего дня рождения, Альберт Агарунов во время интервью телеканалу ANS на вопрос «Что вынуждает тебя, еврейского парня воевать здесь?», с гордостью от всей души ответил: «Я здесь родился, здесь живу. Это моя родина. Кроме этого ничто не заставляет меня сражаться»…

Друзья вспоминают, что Альберт любил повторять: «Я служил в Советской армии, теперь служу в азербайджанской, а в дальнейшем буду служить в израильской».

Получив приказ выступить на защиту самого азербайджанского города Шушу, Альберт за два месяца пребывания в городе полностью изучил рельеф местности. За столь короткий срок он своим метким огнем поразил несколько танков, 6 БМП и десятки грузовых автомобилей врага. Как вспоминают сослуживцы, Альберт днем хорошо воевал на танке, а вечером также хорошо играл на гармони, исполняя азербайджанские мелодии и даже мугамы.

По словам его сестры, Мамедовой Софьи Агаруновны, Альберт был душой любой компании, любил шутить, устраивать различные розыгрыши, и вообще был чрезвычайно общительным человеком.

Подвиг Альберта оставил неизгладимый след в душе азербайджанского и горско-еврейского народов.

По просьбе коллектива школы № 154 ей было присвоено имя ученика школы – Альберта Агарунова. В школе был открыт музей Альберта Агарунова, в котором всегда стоят живые цветы, а все школьные мероприятия – митинги и сборы – проводятся около бюста героя. Директор школы Закай Шаев отмечает, что Музей героя играет огромную роль в военно-патриотическом воспитании подрастающего поколения.

Музей Альберта Агарунова открыт также в еврейской школе «Хабад Ор-Авнер».

Альберт Агарунов похоронен на Аллее Шехидов в Баку, рядом со своими братьями по оружию, погибшими в боях за свою Родину – Азербайджан.

Память о своем достойном сыне Азербайджан будет хранить вечно!

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

ЭССЕ

«Право, как символ цивилизации»

«Право сильного» – извечная проблема социума. Долгие века «Право сильного» довлело в отношениях людей. Сила заключалась не всегда в грубом физическом превосходстве. Хитрость, интриги, козни производили эффект там, где сила могла не достичь желаемого результата. Женщины, будучи слабым полом, хорошо уяснили эту истину, зачастую получая желаемое, не прибегая к грубой силе, а используя интриги.

В современном цивилизованном мире, пройдя долгий путь войн, разрушений, несчастий, люди договорились об установлении определённого миропорядка. Установили правила, по которым в современном обществе функционируют государства.

Международное право расписало, казалось бы, все возможные случаи взаимоотношений между государствами. Однако… ООН превратилась практически в бесполезную организацию, чьи резолюции носят рекомендательный характер. Стало общим местом ироническое отношение к резолюциям данной международной структуры.

Мы столкнулись с такой реальностью. 4 резолюции по Карабаху, требующие немедленного вывода армянских вооружённых сил с азербайджанской территории, так и остались на бумаге. Ирония истории заключается в том, что Азербайджан с помощью силы постарался выполнить принятые ООН резолюции. Получается, что принцип силы превалирует над международным правом. Сегодня армянская сторона кричит о гуманитарном кризисе, о покушении на геноцид армянского населения Карабаха. ООН выражает озабоченность устами членов этой структуры. Опасения армян в покушении азербайджанцев на геноцид армян могли быть развеяны, если бы продемонстрировали кадры тяжёлой техники, перевозящей под защитой российских миротворцев снаряды и вооружённых армянских солдат под видом гуманитарной помощи для армян Карабаха. Азербайджанская сторона может снять обстоятельный документальный фильм с кадрами машин Красного Креста, российских миротворцев, заботливо перевозящих оружие и солдат армян в населенную армянами часть Карабаха.

Международное право, похоже, превратилось в фиговый листок, которым стыдливо прикрывают право сильного (в том числе и квалифицированного международного интригана).

Председательство России – страны-агрессора в Совбезе ООН – скандал, который никого не смущает. С 1 апреля 2023 года Россия, согласно ротации, возглавила Совет Безопасности ООН. Министр иностранных дел Украины Дмитрий Кулеба назвал председательство России в Совбезе «худшей первоапрельской шуткой в мире».

Насколько юридические нормы, управляющие жизнедеятельностью государства, слабы и подвержены эрозии, можно судить по бесконечному перекраиванию Конституции, основного закона государства. В некоторых странах Конституция не имеет сколь-либо значимого влияния на жизнь граждан. Кроме того, что ее нарушают, к тому же без конца переписывают, превращая документ в бесполезный атрибут государственности.

Поправки в Конституцию с целью увеличения мандата верховного правителя (он может называться по-разному: генеральный секретарь, председатель, президент, нужное подчеркнуть) приняты во многих странах. В том числе и в Азербайджане.

Механизмом принятия либо отказа от поправок является проведение референдума. Референдумы призваны либо принять поправки, либо нет. Не надо быть искусным экспертом, чтобы предсказать, каким будет результат референдума в странах, без конца перекраивающих основной закон страны. Тот, что выгоден властям. Все процедуры, связанные с политикой, – дорогостоящее «удовольствие». Конечно, когда речь идет о свободном изъявлении воли народа, никаких денег не жалко. А вот когда Конституция превращается в волеизъявления одного, пусть даже самого просвещенного и дальновидного правителя, то начинаешь думать о том, сколько денег из бюджета, которые можно было бы использовать с большей пользой, потрачено не самым лучшим образом. Наоборот, наихудшим. Выбран путь превращения государства сначала в ярко выраженную автократию, а затем в тиранию и тоталитаризм.

Как поступают с Конституцией государства-агрессоры? Мы имели возможность наблюдать действия наших соседей. Вот что говорит бывший министр юстиции Армении, доктор юридических наук, профессор Геворк Даниелян: «У нас есть Конституция, в преамбуле которой закреплено основополагающее положение о Нагорном Карабахе, имеющее правовую ценность». Иными словами, положения, которые касаются конкретно НКР, закреплены в Конституции в виде Декларации о независимости.

Цитата из Декларации о независимости Армении:

«Основываясь на совместном Постановлении Верховного Совета Армянской ССР и Национального Совета Нагорного Карабаха от 1 декабря 1989 года «О воссоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха», развивая демократические традиции образованной 28 мая 1918 года независимой Республики Армения».

Аннексия чужой территории, закрепленная в Конституции, в армянской трактовке означает «развитие демократических традиций независимой Республики Армения».

Похожая история с присоединением Россией к своему государству украинских территорий. В 2014 году присоединили полуостров Крым. Посредством референдума, естественно. После начала полномасштабной войны России против Украины в феврале 2022 года к России, опять же путем референдумов, присоединили «Донецкую народную республику (ДНР)», «Луганскую народную республику (ЛНР)», Херсонскую и Запорожскую области. Более 90% проголосовавших высказались за присоединение этих областей к России. Следующий этап: включение этих отторгнутых от Украины территорий в Конституцию Российской Федерации. Впрочем, об этом уже объявили. Возникает вопрос: что будут делать российские власти, если Украина отвоюет захваченные территории? Большая часть Херсонской области уже вернулась в Украину. И каждый день новые оккупированные Россией территории возвращаются в родную Украину. Так же, как и украденные украинские дети.

Конституция, основной закон страны, таким образом превращается в текст, не имеющий большого значения, который можно перекраивать без особых проблем. Такое возможно при безмолвствующем населения. Как сказал классик: «Народ безмолвствует».

Конечно, когда для соблюдения международных приличий требуется хоть какое-то подобие законности, то вспоминают о Конституции и о том, что в ней записано. В тоталитарных и авторитарных государствах Конституцию используют в качестве репрессивного документа, применяя на практике ограничительные, репрессивные статьи. Все время напоминают об обязанностях граждан, забывая о правах.

Каким образом сделать международное право эффективным инструментом решения межгосударственных конфликтов, сложно сказать. Но как в любом правовом поле необходимо наличие трех ветвей власти: Законодательной, Исполнительной и Судебной. Принятые ООНовские резолюции должны быть исполнены. А для этого необходим механизм принуждения к исполнению. В противном случае вступает в силу судебная власть.

Безусловно, я рассуждаю с точки зрения обывателя. Но то, что мы наблюдаем, как количество «горячих точек» на планете растет с ужасающей скоростью, заставляет задуматься над эффективностью и полезностью международной организации ООН. Война России против Украины грозит превратиться в мировую войну с использованием ядерного оружия. Тем насущнее становится проблема применения международного права. В случае успешного функционирования международного права и местное, локальное право отдельных государств начнет эволюционировать, хотя бы для того, чтобы государство не попало под жернов санкций, от которых страдают все, в том числе и власть предержащие.

Когнитивный диссонанс

Столь замысловатое название выбрано потому, что это понятие наилучшим образом объясняет ментальное состояние многих, кто наблюдает, а также участвует в завершении конфликта в Карабахе.

Очень ярко когнитивный диссонанс, на мой взгляд, выражен в романе Роберта Льюиса Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда».

Один и тот же персонаж выступает в роли разумного, доброго человека, и одновременно отъявленного злодея. Мистер Хайд (злодей) является ***alter ego*** доктора Джекила (добропорядочного джентльмена). В каждом из нас есть светлая и темная сторона, что очевидно. Но, когда раздвоение личности, или когнитивный диссонанс становятся основой общественного сознания, то подобный феномен ведет к состоянию перманентного кризиса.

Армянская и, отчасти, западная общественность, вызывающая к уму, чести и совести прогрессивного человечества, (по версии армян) демонстрируют кадры исхода армян из Карабаха. В самом деле, фото покинутого в спешке Ханкенди (Степанакерта, в трактовке армян) оставляют тягостное впечатление. Эти кадры были продемонстрированы во многих новостных лентах крупных медиа. По мнению одного из российских «иноагентов», Дмитрия Савромата армяне массово покидают Карабах по той причине, что 30 лет назад они изгнали (как они это делали знают не только они) из своих домов азербайджанцев, живших по соседству, а теперь перспектива оказаться с ними лицом к лицу пугает их, и заставляет уезжать, несмотря, на то, что азербайджанские власти обещали им нормальные условия и защиту.

Сочувствием заполнен эфир. Армяне очередной раз предстают перед миром многострадальным народом. Они страдали практически все время существования армянского народа. По тем, или иным причинам. Не будем уходить в глубь веков, неблагодарное это дело.

Страдают армяне, сочувствуют им их друзья. Позиция ясна. Где правда, а где ложь также. Армяне на протяжении всего конфликта с Азербайджаном, и в тот период, когда они оккупировали азербайджанскую землю, утверждали и в настоящее время утверждают, что они на стороне света, а, соответственно, азербайджанцы, то есть противники на данный момент армян, на стороне тьмы. Просто, понятно, никаких сомнений. Армянский постулат, не требующий доказательств. Многострадальный народ.

Какую политику следует избрать жертве? Естественно, надо обращаться во все возможные международные инстанции. Надо рассказывать о своих страданиях.

Логично. Что мы и видим.

Но тут возникает ещё одна ипостась, радикальным образом противоречащая изначальному образу.

Речь идёт о воинственном армянском зинворе, федаине, (арабское слово, вот, что значит взаимопроникновение культур) смелом воине, подобном льву, разящем врага, не оставляя ему ни малейшего шанса на победу в честном бою. Этот армянский воин 30 лет назад захватил 20% территории соседнего государства.

Захватил земли Азербайджана. На робкие предложения международных институтов освободить захваченные военным путем чужие земли, армянский воин гордо заявил, что азербайджанцам, не умеющим воевать, надо смириться с существующим de facto положением вещей и забыть о своих территориях. Армяне нарисовали новые карты, придумали новые названия захваченным городам и селам и зажили, не вспоминая об изгнанных азербайджанцах, о пролитой крови. Стали приглашать гостей, туристов, расхваливать природу, погоду. Стали жить поживать и добра наживать.

Армянский воин силой оружия утвердил свою волю. А там, где оружие, естественно, льётся кровь. И ничего тут не поделаешь. Даже такой цивилизованной нации, как армяне, приходится применять насилие. Совсем недавно в армянской столице, городе Ереване, установили памятник, названный «Немезида». Богиня Немезида, как известно, богиня мести. Вероятно, чтобы никто не сомневался в мстительности армян и не забыл об операции «Немезис», в результате которой армянскими мстителями были убиты турки, которых армяне обвинили в « геноциде» армян в 2015 году на территории Османской Турецкой империи. Забыть нельзя не только о «геноциде» армян, но и об армянских террористических организациях, хорошо известных во всем мире и сегодня.

Две стороны одной медали. Насилие. Когда армяне захватывают чужие земли, изгоняют коренных жителей азербайджанцев, уверяя весь мир в том, что во времена оные, ещё до рождества Христова, все эти земли принадлежали армянскому народу, и, потому, азербайджанцы просто обязаны уйти и не вспоминать о таком пустяке, как международное право и границы государств. Фото азербайджанских беженцев (около миллиона перемещенных лиц, так их называли по той причине, что большая их часть разместилась в Азербайджане) не попали в прайм тайм главных мировых новостных лент. Сочувствующих было мало. Никто особо не переживал по поводу азербайджанцев. Возможно, еще и потому, что азербайджанцы не могут похвастаться влиятельными диаспорами в разных концах света. Они предпочитают жить у себя на родине. Израильский политтехнолог Давид Эйдельман заметил в беседе с Сананом Рзаевым от 4 октября 2023 года, что армянской диаспоре выгодно представлять армян в качестве жертвы жестоких турок. В частности, задачей американской армянской диаспорской организации АНКА является создание впечатления нового «геноцида», продолжающегося перманентно, что позволяло бы им и дальше делать гешефт, бизнес, выбивать гранты. Это глобальная цель армянского лобби. Их не заботит тот факт, что они погружают Армению в хаос.

Обратная сторона медали - страдание. Страдания армян, вызванные их воинственностью и территориальными претензиями практически ко всем соседним государствам. Так сложилось, что мифическая Великая Армения не позволяет армянам жить спокойной мирной жизнью. Азербайджанцы не смирилась с потерей своих земель, признанных международным сообществом. Освободили свои земли. И, как следствие, армяне очередной раз превратились в многострадальный народ, покидающий обжитую землю. И, конечно, как и прежде, у них много сторонников, сочувствующих, сопереживающих. Но от этого им не легче, а, возможно, тяжелее. Больше слез. Больше стенаний. Хотя, по сравнению с азербайджанскими беженцами, крови армянской пролито меньше. Нет массовых захоронений, как в случае с убитыми азербайджанцами, жителями Карабаха. На покинутых армянами территориях, азербайджанцы уже нашли не только огромное количество мин, которыми напичканы все освобожденные земли и от которых погибли многие мирные жители, но и несколько массовых захоронений мирных жителей азербайджанских городов и сел.

Две ипостаси, две стороны одного армянского этноса. Насилие и страдание.

Есть ли выход из заколдованного круга когнитивного диссонанса страдающей армянской нации? Не могу сказать. Слишком долгое время они в нем пребывают.

Остаётся надежда. Правда, с каждым разом её все меньше.

ЮРИЙ МИХАЙЛИК

Вырос в Одессе, с 1993 года живет в Сиднее.

***

Анне Голубовской

Все дамбы взорваны, плотины сметены,
беда, потоп, и нету времени на жалость.
Плывет собака на доске среди войны,
и не понять – как взобралась, как удержалась...

Плывет собака на доске, она не в счет,
она уносится в крученье и верченье,
беда крушит, вода спешит, война течет,
и слабый лай легко уходит по теченью.

На мокрой узенькой доске она, скуля,
плывет во мгле, кого и как позвать на помощь,
течет и хлещет, неизвестно, где земля,
и над и под твоей доской сомкнулась полночь...

Плывет собака – ни хозяев, ни врагов,
на скользкой досточке дрожа и изнатужась,
плывет меж правых и неправых берегов,
вода темна, и ночь темна, и темен ужас.

Зачем собаке жить на свете без людей,
любовь и преданность без них – зачем собаке?
Едва держась средь острых щепок и гвоздей,
зачем ей плыть совсем одной в кромешном мраке?

И замолчи. Зачем скулить и лаять зря.
Молчит. Дрожит. Спасения не просит.
Ее уносит в черные моря,
ее волна, ее война несет-уносит.

Однажды вскинешься в безумье и тоске
и захлебнешься в жалости и в горе,
во сне плывет собака на доске –
там, в Черном, в Красном, в Белом, в Желтом море...

РАХМАН БАДАЛОВ

АХИЛЛ И ДЖЕЙК: ЭССЕ ОБ УЯЗВИМОСТИ

Внуку Уджалу

18 января 2019 года говорил с Уджалом по скайпу, и в какой-то момент мы стали обсуждать слово, эпитет, «уязвимость», понимая, что речь идёт не о беззащитности, не о беспомощности (хотя подобные смысловые оттенки существуют в этом слове, и они могут проявляться каждый раз, в зависимости от того, о ком и в каком контексте идёт речь), а об открытости к миру, о максимальной пластичности восприятия преходящего, как о новой онтологии человеческого существования. После этого разговора стал писать настоящее эссе.

А. МЕТОДОЛОГИЯ

… пределы и разрывы «хронологического времени».

Культура – создание человека, и, как всё созданное человеком, или рождается в мифе, или становится мифом.

Так устроена наша голова, мы не можем избежать интуиции предзаданности и предустановленности с одной стороны, порядка и смысла с другой стороны, причины и следствия с третьей.

Хронологическое время – один из мифов культуры. У него есть исходное начало, движение во времени, причинно-следственный порядок.

Очень удобно, назовёшь век, назовёшь страну, как само по себе возникает множество смыслов, что тогда происходило, что ему предшествовало, что за ним последовало.

Мы отдаём себе отчёт, что один век может принципиально отличаться от другого, время внутри того или иного века может сгущаться настолько, что больше века длится день, а может замедляться настолько, что кажется, ничего не происходит, время застряло в углу, там, где скапливается пыль.

Но, тем не менее, долгое время (века, тысячелетия) хронологическое время воспринималось как нерукотворное, оно соответствовало нашей интуиции порядка в мире, существующего помимо нашей воли, и, казалось, предопределено на все времена.

Но после XX века многое изменилось.

Век начался стремительно, «постоянная Планка» (1900), смерть королевы Виктории (январь 1901), и всё привычное стало разрушаться в прямом и переносном смыслах. После кровавых мировых войн с одной стороны, достижений наук с другой, традиционное представление о порядке потеряло свои очертания, теория относительности открыла возможность деформации самого пространства и времени, теория деконструкции поставила под сомнение любую предустановленную структуру, квантовые психологи в своём радикализме призывают вообще отказаться от глагола «to be», традиционный гуманизм сменился постгуманизмом, и пришлось вновь задуматься над тем, а скроен ли мир по человеческой мерке.

Хронологическое время не передали в музей истории культуры, но оно стало выявлять свои пределы и свои разрывы.

Представление о пространстве культуры стало довлеть над представлением о времени культуры, будто времена остановились, чтобы события культуры могли если не наскакивать друг на друга, то максимально приближаться и максимально удаляться друг от друга.

Говоря метафорически, Кроноса вновь свергли, и вновь завершился «золотой век», которого мы не заметили, …

… всегда надеешься, что «золотой век» впереди, но каждый раз обнаруживаешь, что он остался позади.

… что означает «современность».

Практически любой литературный текст, который мы называем классическим, говорит нам о том, что происходило «там и тогда», и что могло происходить во все времена. Если время – частица вечности, то текст – то ли их сопряжение, то ли их преодоление, то ли их забывание, то ли всё это вместе.

После всего того, что открылось в XX веке, после того, как физики открыли относительность времени, разъяснили, что масса способна сворачивать время, хронологическое время предстало то ли как своеобразная культурная игра, то ли как декоративное обрамление тех или иных культурных событий и тех или иных артефактов культуры. Соответственно, то, что раньше воспринималось как происходящее *во времени*, предстало как *ваяние времени*, иначе говоря, как создание своего *времени*.

Понятие «современность» ещё вчера означало «в наши дни» (хронологическое время), а сегодня чаще всего означает уровень развития общества. Парадокс, современное прочтение «современности» (тавтология не случайна) предполагает, что одни народы застряли в средневековье, а другие создают *время современности*.

Постмодернизм позволил «современности» вобрать в себя все века и заново перетасовать старые смыслы, причём настолько же серьёзно, насколько пародийно.

Или другой пример: ещё вчера мы спорили, насколько можно «осовременивать» классику. Сегодня же сама «аутентичность» воспринимается как художественный приём, не более того.

Не знаю, как для вас, но для меня Гамлет с рюкзаком и в кроссовках более Гамлет, чем в одеяниях начала XVII века, которые сегодня не могут не восприниматься как декоративные.

Одним словом, «хронологическое время» рано сдавать в архив, но приходится учитывать, что нередко «линейное» грозит обернуться «прямолинейным», а «современность» – эфемерной (скользящей, не оставляющей следов-смыслов) «современностью».

Способность ваять время становится основным критерием как для того или иного текста, который мы считаем классическим, так и для того или иного события, которое мы признаём историческим.

Диалог сквозь толщу веков.

Как видно из названия, в настоящем эссе речь пойдёт о «диалоге сквозь толщу веков» (двадцать девять веков?) Ахилла (Ахиллеса) из «Илиады» Гомера и Джейка (Джейкоба Барнса) из «Фиесты» Эрнста Хемингуэя. «Илиада» и «Фиеста» жили во мне давно (десятки лет), жили, казалось, параллельной жизнью, но неожиданно для меня Ахиллес и Джейк «заговорили» друг с другом.

Они заговорили о том, что меня сегодня больше всего настораживает, озадачивает, по поводу чего сегодня сомневаюсь, комплексую, пытаюсь что-то доказать себе и другим, чаще без особого успеха.

Они заговорили о том, как меняются традиционные критерии «мужского поступка» как добродетели.

Они заговорили о мире, который никак не может расстаться со своим «мужчинством», и продолжает тяготиться своей уязвимостью.

Они заговорили об «уязвимости».

Ахиллес и Джейк встретились в пространстве современности (теперь без кавычек), которая способна вобрать в себя смыслы тысячелетий. И оказалось, что поставленные друг против друга, они способны просвечивать, облучать друг друга поверх хронологического времени.

… новый поворот (провидение?) в заданной теме: Интернет «подсунул» мне сцену из фильма, в которой слепой полковник Фрэнк Слэйд (Аль Пачино) танцует танго с молодой женщиной, которая никогда до этого не танцевала танго.

Не могу скрыть своего восхищения слепым полковником и тем самым своего восхищения подлинным «мужчинством», которое никогда не умирает.

Остаётся признать, что, возможно, настоящий текст – просто попытка компенсации недостижимого для меня «мужчинства».

И не известно, где кончается моя концепция с претензией на универсальность и начинается моё личное высказывание, как некий итог моей биографии ...

В. АХИЛЛЕС

… мой «гомеровский вопрос».

Если перестать спорить о термине «чудо Древней Греции», а просто попытаться понять, в чём его смысл, придётся начать с антропоморфной мифологии Древней Греции и почти сразу, не вслед, а изнутри, назвать *поэта* этой мифологии, поэта в его исконном значении как чувствующего сосуда коллективных фобий, коллективных неврозов, коллективных восторгов, коллективных безумств, запечатлённых в греческих мифах, которые до поры до времени оставались в неведении о самих себе, пока не явился поэт, способный втягивать, всасывать, проглатывать эти мифы, чтобы на выходе возвратить космическое организованное целое так, что кажется, он, поэт, сам их создал.

Гомер оказался не только началом, но и первоначалом греческой культуры.

Не случайно Гомер, уже в Древней Греции, стал легендой.

Не случайно семь городов спорили о том, откуда он родом, претендуя называться родиной Гомера.

Не случайно древние греки считали, что Гомер сам себе выколол глаза, чтобы не натыкаться на первый попавшийся на глаза предмет, чтобы видеть внутренним зрением глубже и полнее.

Насколько можно судить, древнегреческие племена до Гомера в основном разрушали всё вокруг, пока не впали в спячку «тёмных веков», замерли то ли от неведомого нам испуга, то ли в предчувствии Гомера.

Гомер оказался «психотерапевтом», который не просто пробудил древних греков от спячки «тёмных веков», но и пробудил их к активности в мыслях и поступках.

Благодаря Гомеру начался стремительный взлёт, который выплеснулся веком невероятной интеллектуальной мощи – греки стали *эллинами*.

Но когда в Древней Греции всё стало разваливаться, когда все стали обвинять друг друга, когда распри обернулись войной всех против всех, главным обвиняемым назвали Гомера – тот, кто создал этот образ мысли и чувства, тот и в ответе.

Одним словом, сплошной «гомеровский вопрос», учёные так его и назвали, имея в виду, что многие из загадок, связанных с Гомером, практически разгадать невозможно.

Мой «гомеровский вопрос» не расходится с общепринятым, но начинается не с самого Гомера, а с его главного творения, с «Илиады», которая имеет подзаголовок «Плач по Ахиллу». Речь идёт о «героическом плаче», в котором много слёз, но нет мелодраматичности, «ах, как жалко, что всё так случилось», речь идёт не о плаче-сожалении, а о высоком плаче, всё случилось так, как должно было случиться, герой не сдался, пошёл навстречу собственному Року, но Рок оказался сильнее него.

Мой «гомеровский вопрос» – моё изумление, смятение, потрясение, восторг – начинается не просто с «Илиады» и не просто с Ахиллеса, а с пятки Ахиллеса, которая свидетельствует – употребим более сильные выражения: «вопиет о тщете избежать неизбежное», «вопиет от ужаса перед всесокрушимым Роком», «вопиет так, что вылезают глаза из орбит» – об уязвимости самого Ахиллеса.

Вот эта «пятка» Ахиллеса, которая стала вступлением (пролегоменами?) эллинской культуры … которая … которая … которая стала лейтмотивом «западной цивилизации» … которая, в каком-то смысле, коснулась нас с вами … и есть мой «гомеровский вопрос».

Развожу от удивления (от изумления, смятения, потрясения, восторга) руками, чудо из чудес, объяснить которое невозможно.

Трагифарс, в котором неизвестно, чего больше: трагизма или фарса, который оказался психотерапевтикой с одной стороны, вступлением в великую цивилизацию с другой.

Симона Вейль: «Илиада», или Поэма о Силе».

Сергей Аверинцев сказал о Симоне Вейль:

«Если XXI век – будет, то есть если человечество не загубит до тех пор своего физического, или нравственного, или интеллектуального бытия, не разучится вконец почтению к уму и к благородству, я решился бы предположить, что век этот будет в некоем существенном смысле также и веком Симоны Вейль … Не трудно отделаться от мысли, что её время ещё по-настоящему не наступило. Что она ждёт нас впереди, за поворотом».

…спасибо Интернету, можно не объяснять, кто такие С. Аверинцев и С. Вейль…

Можно считать это преувеличением, XXI век существует и будет существовать и без Симоны Вейль, но «в некоем существенном смысле» С. Аверинцев прав, человечество всегда будет нуждаться в людях подобного нравственного и интеллектуального масштаба, они будут впереди нас не в смысле недостижимости, а в том смысле, что для нас и в нас, следовательно, всегда с нами.

С. Вейль, на мой взгляд, написала один из самых глубоких текстов об «Илиаде», который озаглавила «Илиада» или Поэма о Силе».

Специалисты по Гомеру вправе скептически относиться к статье С. Вейль: действительно, культура не может нормально развиваться, если позволит себе игнорировать специальные области гуманитарного знания, аргументация которых строится на критическом анализе источников.

Но не в меньшей (а может быть, и в большей) степени культура, т.е. мы с вами, должны прислушиваться к тому, что говорит человек масштаба С. Вейль об «Илиаде», так или иначе соотнося этот текст со своим временем,

…*«столкновение с людским несчастьем убило во мне юность»,* – напишет она, и этим многое сказано, еврейка во вздыбленном безумном мире, будет думать не о себе, и даже не о своих соплеменниках, растоптанных, лишённых самого права называться людьми, а о «людском несчастье», которое не знает «избранных народов». Вдумайтесь в такие её слова: *«Евреи видели своих побеждённых врагов отвратительными в глазах Бога и потому осуждёнными в несчастиях искупать свои вины, что делало жестокость по отношению к ним не только дозволенной, но и необходимой»…*

и с собственной судьбой.

… больная туберкулёзом, она сокращала свой ежедневный рацион, чтобы не иметь преимущества перед соотечественниками, которые томились в условиях оккупации, что в конечном счёте привело её к гибели …

«Высокое безумие», – скажет о ней С. Аверинцев, но как без этого «высокого безумия» прочесть, вчитаться, задуматься над «Илиадой», в которой кровь, кровь, кровь, в которой герой должен задуматься не над пролитой кровью (существует ли для героев «невинно пролитая кровь»), а над тем, как прожить жизнь, не совершив поступка (греческое *арете*), по существу, не совершив насилия над другими.

Как никто другой, она прочтёт «Илиаду» как поэму об онтологии человеческого существования, которую искушает (и, возможно, всегда будет искушать) Сила.

Она начнёт свой текст об «Илиаде» такими словами:

«Истинный герой, истинная тема «Илиады», центральная тема её, есть Сила. Та Сила, которою пользуется, распоряжается человек, та Сила, которая подчиняет себе человека, та Сила, перед которой плоть человека сжимается и цепенеет. Человеческая душа является в «Илиаде» подверженной деформациям под воздействием Силы, беспомощно влекомой и ослеплённой, согбенной под гнётом той самой Силы, которую человек надеялся располагать по своей воле».

И закончит следующими словами:

«… из всего, что было сотворено народами Европы, ничто не может стать вровень с той, первой поэмой, явившейся некогда у одного из них. Может быть, гений эпоса будет вновь обретён народами Европы; это будет тогда, когда люди вновь научатся видеть свою роковую необеспеченность, незащищённость перед лицом судьбы, когда они научатся отвергать обаяние Силы, не поддаваться ненависти к врагу и презрению к бедствующему. Возможно, такой день придёт. Но вряд ли он близок».

Мне остаётся только добавить следующее.

В некоторых случаях необходимо вырываться из гнёта того, что кажется предопределённым, как Сила, которая продолжает управлять нами, перед которой «плоть человека сжимается и цепенеет». И поверить, без экзальтации, без романтических ухищрений, поверить спокойно (покойно) и разумно, что люди, подобные Симоне Вейль, настолько же впереди, там, за поворотом, насколько всегда с нами, в нас, они не дают Силе ввергнуть нас в пучину отчаяния, они помогают нам поверить, что «такой день» будет приходить вновь и вновь, оставаясь с нами.

…как пробудиться от спячки.

Мой «гомеровский вопрос» проходит через трагифарсовое прочтение «Илиады» и её главного героя Ахиллеса.

Трудно не согласиться с Симоной Вейль, когда она пишет:

«Того, кто попадает под прямой удар, Сила превращает в вещь буквально: был человек, остался труп. Был некто, и вот спустя мгновение нет никого. И «Илиада» не устаёт рисовать эту картину – герой превратился в вещь, которую волочит в пыли колесница».

Но ведь Гомер написал не просто плач по герою, не просто страдальческий плач, всё прах, всё тлен, он написал *героический* плач, который оказал психотерапевтическое действие на древних греков после спячки «смутных веков» (и далее, далее, до западной цивилизации, до нас с вами), он написал о вопле величайшего из греческих героев, который способен совершить великие подвиги, но терпит поражение из-за беззащитности (уязвимости) своей пятки, а этот вопль сопровождает хохот богов, гомерический хохот, что во все времена будет означать не просто во весь голос, а хохот, когда сознание ничем не омрачено, и время перестаёт быть бременем,

и это всё вместе, как в музыкальном аккорде, и плач, и смех, про нас, и вечная озабоченность, и полная беспечность, про нас, и когда этот величайший из героев порывается вернуться в милую его сердцу Фтию и знает, что не вернётся, про нас, и гомерический хохот, когда мы на секунду, на полсекунды освобождаемся от бремени времени, тоже про нас.

Вот и получается, что всё зависит от нашего восприятия мира вокруг и себя в этом мире, для кого-то смех небес – издёвка над нами, над нашей бренностью и нашей смертностью, а для кого-то – просто понимание того, что трагическое веселье и есть высшее проявление человеческого, слишком человеческого.

Во всех случаях Гомер, «Илиада», Ахиллес с его пяткой, Боги с их гомерическим хохотом – про нас и для нас.

Ахиллес, который не может смириться со своей уязвимостью.

Всё началось ещё до рождения Ахиллеса,

Зевс

…великий олимпийский Бог, далеко не олимпиец, демоны власти и насилия его слуги, его сексуальная энергия брызжет через край, не случайно его имя восходит к словам «кипение», «орошение», он вожделеет ко всем, богиням, смертным, всегда добивается своего, всесильность на то и всесильность, чтобы давать выход эротической энергии, не знающей стыда ...

узнаёт о предсказании, что его сын от морской богини Фетиды должен свергнуть его с престола.

Перед Роком бессильны даже Боги, только и остаётся всесильному Зевсу смириться и немедленно выдать замуж Фетиду за смертного.

Для Фетиды этот брак был оскорбительным, она сопротивлялась, как могла, даже в воду превращалась, ничего не помогло, сопротивляться Зевсу бесполезно.

На свадьбе Фетиды и произошла известная история с «яблоком раздора». История весёлая, бурлескная, трудно придумать что-либо более весёлое и более бурлескное, а то, что в результате прольётся много крови, этим можно пренебречь, главное, хороший повод для хохота.

...продолжалось после рождения Ахиллеса,

Фетида решила, что падение её статуса должен компенсировать её сын (знакомые мотивы, будто всё это происходило сегодня). Он будет величайшим из героев, он совершит много великих подвигов, он затмит самого Геракла, он станет бессмертным.

И всё бы у неё получилось, если бы (?!) не листок, который упал на пятку младенца, или – по другой версии – Пелей не выхватил бы из огня младенца за ту же пятку. В результате мы имеем то, что имеем: «ахиллесову пяту».

...продолжалось в истории со сватовством Елены,

Апогеем трагифарсовости стало участие Ахиллеса в Троянской войне.

Когда-то отец Елены заручился клятвой ахейских героев, что он отдаст Елену одному из них при условии, если остальные обязуются при необходимости вернуть Елену мужу (*такую* Елену не могут не уводить).

Все они вожделели к Елене, все дали клятву, в тайне надеясь, что выбор упадёт на них. Только Ахиллес был равнодушен к чарам Елены, но клятва распространилась и на него.

И бессмысленно задавать вопрос, что Ахиллесу Троя, что ему Елена, что ему Менелай, которому ахейские герои обязались вернуть неверную жену? Так решили Боги или те, которым и они подчиняются …

…и в самой Троянской войне.

Ахиллес пришёл в ярость, когда мрачный Агамемнон отнял у него наложницу, завоёванную в бою. Не столько из-за наложницы, сколько всё из-за той же Судьбы, разве этот мрачный Агамемнон не понимает, что ему нет дела до его брата, у которого увели жену.

Вышел Ахиллес из боя, подумывал даже о том, чтобы вернуться в родную Фтию, прожить нормальную человеческую жизнь, но знал, не вернётся, нормальная человеческая жизнь не для него, Ахиллеса.

Так и сидел в стороне, не шелохнулся даже тогда, когда троянцы готовы были вот-вот опрокинуть суда ахейцев в море, не шелохнулся, что ему троянцы, что ему ахейцы, что ему Елена, что ему Троя.

Так и сидел в стороне, пока его друг Патрокл не уговорил его отдать ему свои доспехи и вступить в бой с троянцами.

Ахейские герои, разные по отношению к Силе, не только в силу своих физических возможностей, но прежде всего в силу того, что у них разные Судьбы.

Есть Агамемнон, всегда мрачный, будто предчувствующий, что произойдёт с ним, когда он вернётся домой после разрушения Трои.

Есть герой Диомед, для которого главное – не слава в веках, а азарт и восторг самой битвы, когда он мчится в своей колеснице и кричит в экстазе: «Я люблю тебя, Афина», он уже не Диомед, а сама Афина в обличье Диомеда.

Есть герой Парис, чувствительный и беззаботный, как сами боги, который и уведёт от мужа Елену, самую обольстительную женщину во всей Элладе.

И есть Патрокл, нежный и отзывчивый (в Новое время о таких скажут: «Господин чувствительный мужчина»), главная любовь Ахилла в этом мире, и не будем лицемерно отворачиваться от непристойных предположений, ведь они греки, они не знали стыда, а любовь к мужчине для них в каком-то смысле была более «духовна», чем любовь к женщине.

Патрокл и вступил в бой, сумел оттеснить троянцев от кораблей, пока не встретился с Гектором и не был им сражён.

Вот когда вопль пронёсся по небесам, не столько вопль самого Ахиллеса, сколько вопль его матери, Фетиды, которая предчувствовала, знала предсказание, всё вместе, знала, смерть Патрокла приближает гибель самого Ахиллеса, только и остаётся, как с плачем по Патроклу выплакать судьбу самого Ахиллеса, выплакать его беззащитность и уязвимость, выплакать, а потом выковать ему новые доспехи, лучше прежних, в которых ему и предстоит погибнуть.

И в этих новых доспехах начнёт крушить всё вокруг Ахиллес, и ещё большой вопрос (важная часть моего «гомеровского вопроса») – это проявление его Силы или свидетельство его Бессилия.

На пути его встретятся многие троянцы, которых он безжалостно уничтожит, и одним из многих окажется юный отрок, сын Приама, брат Гектора и Париса.

…Ахиллес и юный отрок: «что говоришь ты безумный?»

Об этом эпизоде «Илиады» писали многие, писала и Симона Вейль.

Остановлюсь на этом эпизоде чуть подробнее, чтобы вновь убедиться: неизбывная жестокость Силы подпитывается чувством безысходности от собственного бессилия.

«… лишь узрел Приамида нагого
(Он без щита, без шелома и даже без дротика вышел;
по полю всё разбросал, из реки убегающий: пóтом
Он изнурился, с истомы под ним трепетали колена)».

Юный отрок дрожит от испуга, молит о прощении, откуда ему знать, что уязвлённость героя, который готов бросить вызов самим небесам, лишает его, героя, самой малости милосердия (не свойственного грекам), а беззащитный юный отрок просто путается под ногами.

«Юноша левой рукою обнял, умоляя, колена,
Правой копьё захватил и, его из руки не пуская,
Так Ахиллеса молил: устремляя крылатые речи:
«Ноги объемлю тебе, пощади, Ахиллес, и помилуй!
Я пред тобою стою как молитель, достойный пощады! …
Не убивай меня; Гектор мне брат не единоутробный,
Гектор, лишивший тебя благородного, нежного друга!»

… простим юному отроку слабость, не будем называть предательством робкую попытку отмежевать от «не единоутробного» брата …

«Так, Ахиллеса молил: но услышал не жалостный голос:
«Что мне вещаешь о выкупах, что говоришь ты, безумный?
Так доколе Патрокл наслаждался сиянием солнца,
Миловать Трои сынов иногда мне бывало приятно.
Многих из вас полонил и за многих выкуп я принял.
Ныне пощады вам нет никому, кого только демон
В руки мои приведёт под стенами Приамовой Трои!
Всем вам, троянам, смерть, и особенно детям Приама!
Так, мой любезный, умри! И о чём ты столько рыдаешь?
Умер Патрокл, несравненно тебя превосходнейший смертный! …
Так произнёс, – и у юноши дрогнули ноги и сердце,
Страшный он дрот уронил и, трепещущий, руки раскинув,
Сел; Ахиллес же, стремительно меч обоюдный исторгши,
В выю вонзил у ключа, и до самой ему рукояти
Меч погрузился во внутренность: ниц он по чёрному праху
Лёг, распростёршися; кровь захлестала и залила землю.
Мёртвого за ногу взявши, в реку Ахиллес его бросил».

Хочется цитировать и цитировать, но остановлюсь: юный отрок, наг и беззащитен, рассчитывал на сострадание, но его просто прихлопнули, как назойливую муху. Ярость Ахиллеса всё не утихала, взмолилась даже река Ксанф, у которой *«трупами мёртвых полны светлоструйные воды»*, он жаждет встречи с Гектором, с самым сильным и самым благородным из сынов Приама.

Ахиллес и Гектор: беззащитность положительного героя.

Можно написать целое исследование об Ахиллесе и Гекторе.

Когда думаешь о Гекторе, вспоминаются самые привычные клише: «положительный герой», «защитник отечества», «защитник чести своего дома и семьи». Но предопределена и судьба «защитника отечества», и судьба его семьи, и судьба его города, впереди их ожидает смерть, разрушение, изгнание, плен, и нам остаётся только гадать, что означает на этот раз «смех небес», всегда ли обречены все эти «положительные герои», «защитники отечества», или только в данном случае.

Некоторое время Гектор с Троянской стены молча наблюдал ярость Ахиллеса, он понимал, что самые сильные из героев Трои бессильны перед Ахиллесом, бессилен и он, самый сильный из героев Трои, родные уговаривали его оставаться за защитой Троянских стен, но он не Парис, он обязан был выйти навстречу Ахиллесу, даже если обречён, бесчестье куда страшнее смерти.

А мне в очередной раз хочется задать свой «гомеровский вопрос»: так что же прозрел своим внутренним зрением Гомер в «гневе Ахилла», в его «Ахиллесовой пяте», почему Сила каждый раз приносит такую горечь.

Почему герой Гектор, к которому по многим приметам благоволит сам Гомер, обречён, он ведь не претендовал на бессмертие, не бросал вызов небесам, его выбор, его «Фтия» – его Троя, его дом, его обитель, почему же он обречён, что прозрел своим внутренним зрением Гомер, всматриваясь, вдумываясь в судьбу Гектора?

Ахиллес и Приам: гордость и смирение.

Смерть Гектора не охладила ярости Ахиллеса, не охладила его дикой гордости, выходящей за границы человеческого понимания.

Он нарушает все мыслимые и немыслимые законы человеческого бытия, в погребальный костёр Патрокла, вместе с множеством овец, волов, коней, он позволяет себе бросить и тела двенадцати юношей, которых он умертвил во имя Патрокла.

Он не может смириться со своей уязвимостью.

Он не может смириться со своей Судьбой.

Он позволяет себе измываться над трупом Гектора: на обеих ногах он проколол жилы, продел через них ремни, тело привязал к колеснице, голову волочиться оставил, погнал свою колесницу так, что голова Гектора бьётся о камни.

Представим себе это зрелище.

Согласно обряду, совершается погребение Патрокла, а вокруг, может быть, кругами, а может быть, зигзагами, мчится на своей колеснице Ахиллес, вопль которого застрял у него в горле, и волочится по земле тело Гектора, подымая столбы пыли, а на троянских стенах наблюдают эту жуткую картину мать Гектора Гекуба (та самая, о которой шекспировское «что ему Гекуба») и отец, почтенный Приам, а жена Гектора, Андромаха, в неведении о происшедшем, готовит для мужа «тёплую ванну»,

… для греков «дом» буквально означает «тёплая ванна», а «вдали от дома» – «далеко от тёплых ванн» …

а когда узнала, когда взошла на башню, когда увидела, навзничь упала и стала голосить во весь голос.

… мы никогда не узнаем, о чём думал, что чувствовал слепой Гомер, описывая эту сцену, если и плакал, то не над судьбой Приама и Гектора, а над судьбой всех нас, человеков …

Такая вот сцена, которая ждёт своего воплощения в Большом Кино, в фильме о Силе по Гомеру, о Силе по Симоне Вейль, о Силе, которая вечно притягивает человека и вечно его обманывает. А может быть, и в Большой музыкальной форме, где и смех богов будет слышен, и вопль Фетиды, и отчаяние Ахиллеса, и гротескная тема «ахиллесовой пяты».

Наступает время вмешаться богам: греческие боги не знают сострадания к людям, но, по их разумению, не предавая трупы земле, Ахиллес оскорбляет Землю (Землю как божество) и тем самым нарушает порядок, которого люди обязаны придерживаться.

С целью усмирения Ахиллеса они не прибегают к Силе (не будем разгадывать их логику), а решают отправить к Ахиллесу старца Приама с дарами (без даров дело не делается ни в древности, ни позже).

Признаюсь, во всей мировой литературе не знаю эпизода, который потрясал бы меня больше, чем эпизод встречи Ахиллеса и Приама.

Всё предыдущее: обиды, гнев, злословие, битвы, героизм, малодушие, предательство, кровь, смерть – представляется мне прелюдией к встрече этих, столь разных людей: молодого, сильного, клише которого у Гомера «божественный», и которое, в свете судьбы Ахиллеса, воспринимается иронично (смех небес), и почтенного старца, у которого судьба отобрала почти всех детей, многих из которых убил Ахиллес. И вот этот старец, в ноги упав к Ахиллесу, обнимает колена и руки целует, просит пощады не к живому, а к мёртвому. Старец умоляет Ахиллеса, и его мольба – продолжение всё того же героического плача.

«Я же, несчастнейший смертный, сынов взрастил брагоносных …
Я пятьдесят их имел при нашествии рати ахейской,
Их девятнадцать братьев от матери было единой,
Прочих родили другие любезные жёны в чертогах;
Многим Арей истребитель сломил им несчастным колена.
Сын оставался один, защищал он и град наш, и граждан;
Ты умертвил и его, за отчизну сражавшегось храбро.
Гектора! Я для него прихожу к кораблям мирмидонским;
Выкупить тело его приношу драгоценный я выкуп».

И заплакали они оба, Приам по-прежнему простёртый у ног Ахиллеса, и «горестный стон их кругом раздавался по дому», а потом, когда «насладалися они благородными слезами и желание плакать от сердца отступило», поднял Ахиллес простёртого старца и произнёс он «крылатые речи», уже за порогом своей ярости и своей дикой гордости, которые ранее ничто не могло усмирить.

«Крылатые речи» Ахиллеса сводились к тому, что «ах, злополучный, много ты горестей сердцем изведал», признанием, что в груди старца бьётся «железное сердце», и, главное, изумлением масштабом горестей *другого* человека.

Если всё в этом мире решают боги, просто бросая жребий, просто развлекаясь, то, следовательно, ни один из смертных ни перед кем из смертных не виноват, но судьба другого может потрясти человека масштабом его горестей. В конце концов, Приам и Ахиллес похожи своей несчастливой участью: они не лишены исконных греческих добродетелей, но каждый раз у них всё отнимается.

… они никогда не попадут в список «счастливых людей», которые составлял мудрец Солон …

Теперь, после всего, величавый в своём спокойствии Ахиллес приказывает принять дары, «омыть и мастями намазать» тело Гектора, а после этого он сам поднимет тело и положит его на одр.

Был вечер, Приам должен был отправить с телом сына с восходом Зари, и двум мужчинам, уставшим за день, но исполнившим к концу дня свои главные обязанности, только и оставалось, что подкрепиться едой. Ахиллес сам «закалает белорунную овцу», и когда «питием и пищей насытили сердце», по-иному взглянули друг на друга, «оба они наслаждались, один на другого взирая». И, напоследок, попросил Приам последнее, что мог попросить в его положении старец, заснуть, поскольку он не смыкал очи с того дня, как «несчастный мой сын под твоими руками погибнул».

И уложил Ахиллес старца, и позволил себе пошутить (так у Гомера?!) с почтенным старцем. Только и осталось Ахиллесу, как выяснить, сколько дней будет длиться оплакивание и погребение Гектора, чтобы прекратить на это время битвы.

Так произнёс Ахиллес – и Приамову правую руку
Ласково сжал, чтобы сердце его совершенно спокоить,
Так отпустил: и они на переднем крыльце опочили,
Вестник и царь, обращая в уме своём мудрые думы.
Но Ахиллес почивал в глубине крепкостворчатой кущи,
И при нём Брисеида, румяноланитая дева.

… стоит ли напоминать, что это та самая Брисеида, которая и стала причиной гнева Ахиллеса …

Гомер рассказывает, что глубокий сон и есть вершина блаженства, и в эту ночь спали не только Ахиллес и Приам, но и бессмертные Боги.

Силу превозмочь нельзя, никому это не под силу, но можно успокоиться, можно заснуть. Так спят все они в эту ночь, и Приам, и Ахиллес, и бессмертные, беспечальные боги, и коннодоспешныые мужи. Один вестник Гермес не спит, не имеет права спать.

А на следующее утро, едва взойдёт розовопёрстая вестница утра, начнут люди свою каждодневную «суету сует»: ахейцы доставят тело Гектора в Трою, и начнётся великий (героический) плач по Гектору…

Как набат, начинает Гомер свою «Илиаду»:

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса Пелеева сына,
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал.

И завершается почти буднично:

Так погребали они конеборного Гектора тело.

…возвращаясь к «уязвимости».

То ли оскорбленная вмешательством Пелея, то ли удручённая тем, что у её сына осталась уязвимой «пята», Фетида покинула мужа, и тот отдал Ахиллеса на воспитание мудрому кентавру Хирону. Учил мудрый кентавр Ахиллеса игре на сладкозвучной кифаре, пению, лекарскому искусству, умению лечить раны. Чему ещё, в чём заключалась мудрость кентавра, которую он должен передать Ахиллесу?

Мы можем только строить догадки и предполагать (или домысливать, довоображать), что Хирона и Ахиллеса объединяет уязвимость перед лицом Судьбы. И предполагать, что учил Хирон Ахиллеса – выдержке.

Мы знаем, что кентавр Хирон отличался от своих диких собратьев образованностью, спокойным нравом, не случайно он стал Учителем многих великих героев, но … Судьба, смех Небес … в него случайно попадает стрела его любимого ученика Геракла, отравленная ядом Лернейской гидры, и, поскольку излечиться от этого яда невозможно, только и остаётся Хирону или вечно мучиться от невыносимой боли, или отдать бессмертие другому и умереть.

Случайна ли эта горечь, которая объединяет великого Учителя и великого Ученика, случайна ли эта парадоксальная похожесть-непохожесть, недостижимое бессмертие и добровольный отказ от бессмертия, мне трудно судить, не хватает знаний и воображения. Спрячусь за спасительное многоточие …

Симона Вейль надеется, что люди научатся отвергать обаяние Силы, а в другой своей статье пишет: *«Столь хрупко человеческое существо, таким опасностям подвергается, что не могу не любить его без трепета»*.

Не думаю, что обаяние Силы когда-нибудь исчезнет, слишком оно соблазнительно, каждый раз хочется употребить власть, обнаружить свою почти божественную неуязвимость, так хочется, чтобы на тебя смотрели с подобострастием.

Не думаю, что что-то высокое, трогательное, трепетное, хрупкое нас ждёт впереди, там, за поворотом, не думаю, потому что или оно всегда было, всегда есть, или его никогда не будет.

Кто знает, может быть, Судьба не смеялась над Ахиллесом, точно также, хотя и в другом смысле, она не смеялась над кентавром Хироном, может быть, «Ахиллесова пята» оказалась спасительной, именно она помогла ему понять, что в мире есть не только его страдание и боль, но боль и страдание других, есть страдание старца Пелея, у которого судьба отняла многих сыновей, но и этого ей показалось мало, она отняла и самого главного, самого любимого, Гектора, и он знает, что это начало разрушения Трои и гибели многих его родных, но думает только о том, как выполнить своё человеческое предназначение, похоронить по-человечески любимого сына Гектора.

Греки были великими и многоликими, и кто знает, может быть, их величие было продолжением их наивности, их непосредственности, их «не знали стыда». Знаменитого борца Диагора, победителя Олимпийских игр, греки в знак почтения несут на руках и, смеясь, кричат ему: «Теперь умри, Диагор! На земле ничего славнее уже нет, а на небо всё равно не взойти».

Выполнил, что намеревался, добился славы, можно умирать.

А как быть с теми, кто намеревался, но славы так и не добился?

Кто знает, может, всему этому: доблести, понятию героя и героической судьбы – они учились у Гомера, а позже у греческих философов, трагиков, политических реформаторов. Но у Гомера, а позже у греческих философов, трагиков они учились ещё и пониманию того, что есть предел Силы, даже если речь идёт о Зевсе, громовержце и держателе молний.

Кто знает, может быть, основу «гомеровского вопроса» должен включать вопрос о том, почему Гомер свою великую поэму написал не столько о подвигах Ахиллеса, сколько о его гневе и смирении, о том, что поражение куда выше (глубже, человечнее), чем победа над другим, которая только опустошает душу.

Кто знает, может быть, «чудо Древней Греции» и есть, прежде всего, чудо Гомера, чудо его первой книги, чудо великого героя с беззащитной (по-человечески), уязвимой «пятой».

С. ШАГ В СТОРОНУ: ПРОМЕТЕЙ И ИО

В моей условной иерархии великих греков Эсхил идёт сразу за Гомером, перед Сократом (далее, вне иерархии, Солон, Платон, Сапфо, Софокл, Аристотель).

«Эсхиловский вопрос» – продолжение моего «гомеровского вопроса», хотя Эсхил не столь легендарен, как Гомер, о нём многое известно.

Через образ Прометея Эсхил прозрел трагедию как жанр, как «козлиную песнь», которая вычленилась из оргиастических, экстатических ритуалов, и, шире, прозрел трагедию как онтологию человеческого существования. «Прикованный Прометей» Эсхила и есть мой «эсхиловский вопрос», моё изумление и мой восторг.

Многие из персонажей (богов) древнегреческой мифологии оказывают на меня почти терапевтическое воздействие своей беспечностью и беззаботностью. Особенно Афродита и Гефест, муж и жена, самая красивая из богинь и самый уродливый из богов. Не брак, а сплошное плутовство, сплошные комические репризы на потеху олимпийской тусовки. Афродита, понятно, искушает любовью всякого, кого она сочтёт достойным этой участи, а то, что смертные так уязвимы, а потом страдают от неразделённой любви, её только забавляет. Что до хромоногого уродца Гефеста, то он забавляется по-своему, не столько попадает в пикантные ситуации, сколько сам их создаёт, способен смеяться и над собой, и над другими.

Принципиально иная мифологическая семейная пара, Зевс и Гера, никакого плутовства, всё должно выглядеть весьма пристойно.

Мне всегда казалось, что своим притворством и лицемерием с одной стороны, унылостью с другой Зевс и Гера предвосхитили многие современные семьи.

Зевс ненавистен мне своей всесильностью, своей карающей молнией, своей сексуальной вседозволенностью.

Зевс ненавистен мне своей неуязвимостью.

Столь же ненавистна мне Гера, хитрит, изворачивается, безжалостна (даже на фоне не знающих жалости греческих богов) к своим соперницам, но перечить Зевсу боится, при случае прячется за маской послушной, добропорядочной жены.

В Гере затухает всё дионисийское, будто она и вовсе не богиня древнегреческого пантеона.

Особняком среди греческих богов стоит титан Прометей, о котором Эсхил написал свою трагедию. Трагический герой (оговорка не случайна, так ведут себя именно герои, а не боги), восставший против Силы, как предустановленности, как неизбежности, хотя у него нет сил для подобного противостояния Силе.

В «Прикованном Прометее» Эсхила, сквозь различные сюжетные линии проступает своеобразный треугольник: Прометей – Зевс – Ио, совсем не любовный, а смысловой, но и будучи смысловым, скорее эмоционально-экстатический, чем рассудочный, услышать его мелодию не менее важно, чем разгадать его смысл.

Неуязвимый Зевс и две уязвимости, уязвимый Прометей и уязвимая Ио, с некоторой долей условности можно сказать, уязвимость мужская и уязвимость женская, уязвимость Силы перед другой Силой, и уязвимость Слабости перед лицом той же Силы.

Прометей – титан, титаны проиграли схватку олимпийским богам, они сброшены в Тартар, в преисподнюю, а представитель побеждённых Прометей не подчиняется Зевсу, предводителю победивших.

Во-первых, Прометей не собирается делиться «тайной вестью» о том, кто отнимет у Зевса власть: до Зевса сыновья отнимали власть у своих отцов, Зевс намеревается избежать такой участи.

… может быть, сам Эсхил прозрел, что дело не в «тайной вести», мудрость, которая позволяет избежать страха перед будущим, не в узнавании иллюзорных «тайн», а в *приятии* «великой тайны» самой жизни …

Во-вторых, Прометей передаёт людям Огонь, а тем самым, по мнению Зевса, совершает поступок наивный и глупый, ведь они люди, хилые однодневки, гнулись и будут гнуться перед ударами судьбы, зачем их провоцировать на сопротивление, что только внесёт сумятицу в их жизнь.

... хор в «Прикованном Прометее» в отчаянье скажет Прометею: *«Неужто ты не видишь Всё бессилье людей, уродство, хилость... Их жизнь – день!» ...*

В результате Зевс приказывает приковать Прометея к скалам, чтобы орёл вновь и вновь выклёвывал его печень, которая у Прометея, как у бессмертного, будет снова и снова вырастать.

Ио во многом повторяет судьбу Прометея.

Во-первых, вновь «тайная весть». Не буду уходить в мифологические дебри. Скажу только, что Ио обычно отождествляется со своей сестрой Адрастеей, вместе с которой они воспитали Зевса, а Адрастея, в свою очередь, отождествляется с Немесидой, которая наблюдает за справедливым распределением благ среди людей (греческое neme-cab, «справедливо негодую»). Адрастея впоследствии становится воплощением Судьбы, наказывающей Зевса за гордыню.

Не исключено, что святотатством связи с Ио можно объяснить, почему Гере так ненавистна Ио, почему она стремится если не уничтожить (это не в её власти), то унизить, растоптать её?

Не исключено, что святотатством связи с Ио объясняется и тот факт, что Зевс так вяло защищает Ио, даже клянётся Гере, что никогда больше не будет любить Ио (и это всесильный громовержец ?!).

Во-вторых, Ио, гонимая, мучимая, с молчаливого согласия Зевса, страдает не меньше Прометея. В этом смысле мифологические мотивы, которые не могли быть неизвестны Эсхилу, отступают перед мотивами человеческими, слишком человеческими.

Ио сначала превратили в корову, эту «корову-девушку» больно жалит и жалит овод (проделки безжалостной Геры), Ио вынуждена вечно странствовать по миру, но избавиться от овода нигде не может. И вечно гонимая, почти безумная от отчаяния Ио встречает в своих скитаниях прикованного к скале, стенающего от боли Прометея.

Чем-то неуловимым, не столько смыслом, сколько «музыкой», эта встреча напоминает эпизод встречи Приама и Ахиллеса. Узнавание боли другого смягчает собственную боль, «море печалей» Прометея смягчается при встрече с «пронзительным ужасом» Ио.

Печальную мелодию стонов Ио

…так и хочется пропеть это имя: Ио, ИО, И-О-О-О-о-о-о, звук, как эхо, переходит в отзвук …

сопровождают жалобные стенания могучего Прометея.

Приведу небольшой отрывок из диалога Прометея и Ио из «Прикованного Прометея» Эсхила.

Ио
Но знаю, где от ужаса
Мир и покой найду.
Услышь! Вся больна, плачет корова-девушка.
Прометей
Любовью сердце опалила Зевсово,
И бродит, мучаясь, Ге́рою затравлена.
Ио
… мои скитанья, боль моя,
Скажи, они когда-нибудь окончатся?
Прометей
Не знать об этом лучше для тебя, чем знать.
Ио
Того, что претерпеть мне суждено, не прячь!..
Прометей
Конца и срока нет моим мученьям,
Пока не рухнет Зевса всемогущество.
Ио
А разве рухнет Зевса власть когда-нибудь?
Прометей
Тогда б возликовала ты, наверное.
Ио
Ну да! Ну да! От Зевса стыд и боль моя.
Прометей
Тогда узнай и радуйся. Погибнет Зевс.
Спаситель мой из рода твоего придёт.
Ио
Что ты сказал? Мой сын тебя от зла спасёт?
Прометей
В колене третьем, после десяти колен.

Может показаться, что это хеппи-энд по-эсхиловски, но это не совсем так. И дело не в том, что так долго ждать, дело совсем в другом.

Как подлинный грек Эсхил не сомневается в божественном управлении миром, его не смущают проделки и проказы тех самых богов, которые олицетворяют «божественное управление миром». Ничто не может заменить Силу, не Добро, не Мысль, без Силы мир стал бы слишком мягким, слишком покорным, слишком расслабленным.

Но как художник, он не только разумом, кожей, нервами, понимает, и чувствует, что и у «божественного управления миром» есть свои пределы, которые нельзя нарушать, обязательно наступит возмездие, найдётся человек, который восстанет против Силы, претендующей на всесильность.

Зевс обречён, поскольку нарушает пределы Силы, он упивается своим всесилием, он убеждён, что никто не в силах скрыть от него ту или иную «тайную весть», он накажет так жестоко, что другим будем неповадно, но он не понимает, что обречён каждый раз натыкаться на тень «тайной вести», не понимает, что иллюзия всесильности и есть его «ахиллесова пята».

Как ни парадоксально, нарушает пределы «божественного управления миром» и сам Прометей.

Да, Прометей – титан, наделённый дерзостью и волей, способный восстать против всесилия Силы, если она позволяет себе святотатственные поступки, но и он переступает пределы, упиваясь собственной волей и собственной дерзостью.

Вдумаемся в слова титана Океана, который уговаривает Прометея смириться, и в слова вестника богов Гермеса, который называет Прометея «бесноватым»:

Океан

А ты смирись, пригорбись, придержи язык!
Ведь сам умён и опытен. Так должен знать:
Двойною плетью хлещут празднословного.

Гермес

…Ты болезнью поражён жестокою.
Была бы тебе удача, стал бы страшен ты!
Вот послушайте бред, бесноватого речь.
Сумасшедшие мысли! Что надо ещё,
Чтобы назвать одержимым, безумцем, глупцом
Болтуна и бахвала.

Приходится признать, есть своя правда и у громовержца Зевса, и у титана Океана, и у вестника богов Гермеса, действительно, порой невыносима сама поза подобного мученика и борца.

Чтобы рассказать обо всём этом в пластически соразмерной форме, Эсхил и придумывает пространство трагедии, которая родилась из духа музыки, которая пронизывала экстатические ритуалы древних греков, поэтому мы должны расслышать греческую трагедию как героический плач или торжественный хорал, расслышать гармонию небес. Без этой музыки древнегреческая трагедия в лучшем случае стала бы подобием философского спора.

В «Прикованном Прометее» Эсхила нет правых и виноватых (будем считать мою ненависть к Зевсу моей слабостью), можно сочувствовать человеку (богу, герою), можно плакать вместе с ним, но ничего изменить нельзя, кроме самого противоборства, кроме вечного Зевса и вечного Прометея.

А больнее всего достаётся «девушке-корове», которая расплачивается за свою пленительность, за свою слабость, за своё бессилие, но без которой «божественный порядок мира» стал бы невыносимым, только гул и грохот, только скрежет и скрип, без «девушки-коровы», которая в истории культуры будет являться вновь и вновь в различных ипостасях, «божественный порядок мира» потерял бы значительную часть своей «божественности».

Как и у Гомера, у Эсхила это всё вместе, как в музыкальном аккорде, и Сила, и Слабость, и упивающийся своей властью Зевс, и распластанный титан Прометей, и почти безумная от отчаяния Ио.

И каждый раз всё такое же человеческое, слишком человеческое, *надежда*, пусть иллюзия надежды, но всё-таки, *надежда.*

«В колене третьем, после десяти колен».

Но как долго ждать!

D. ШАГ В СТОРОНУ: КНЯЗЬ МЫШКИН

Его Величество – Случай.

Князь Мышкин буквально вклинился в мой диалог об уязвимости, хотя был совсем не похож ни на Ахиллеса, ни на Джейкоба. Пришлось сделать шаг в сторону, чтобы вернуться с новым героем, с новыми-старыми смыслами.

Но обо всём по порядку.

Роман Фёдора Достоевского «Идиот» прочёл давно, ещё в молодости. Позже посмотрел снятые по роману фильм и сериал. Восхищался, как и все, особо не задумываясь.

Вторично смотреть сериал не собирался, но так уж случилось, начал смотреть первую серию, увлёкся, досмотрел до конца, не столько восхищался, сколько задумался над загадкой образа князя Мышкина.

«Каждое прочтение, конечно же, изменяет книгу, так же, как изменяют её пережитые нами события. Великая книга всегда остаётся живой, она растёт и стареет вместе с нами, но никогда не умирает. Время удобряет её и трансформирует её», – говорит Жан-Клод Карьер. Конечно, книга может проскальзывать мимо времени, не оставляя следов, в других случаях не только время удобряет книгу, сама книга (фильм, спектакль) удобряет время, *время культуры*.

Образ князя Мышкина считаю одним из великих прозрений гения Достоевского. Он должен стоять в одном ряду с такими персонажами мировой литературы, как Гамлет и Дон Кихот, которые удобряют время культуры и помогают нам узнавать самих себя, живущих во времени культуры.

Но что-то помешало князю Мышкину встать вровень с ними. Что?

Когда вторично смотрел сериал по роману «Идиот», меня не покидало ощущение, что существует разрыв между образом князя Мышкина и художественным пространством романа. Этот разрыв, на мой взгляд, и не позволил князю Мышкину раскрыться, выговориться – удобрить время культуры.

Начну с названия романа.

Почему понадобилось название, звучащее то ли как диагноз, то ли как приговор? Не знаю ответа (маркетинговые соображения выношу за скобки).

Античный смысл слова «идиот» (аполитичность) давно утерян, ясно, что не его имел в виду писатель.

Что ещё? Слабоумие? Клинический случай? Вряд ли.

Подполье человеческой психики с её неожиданными поворотами, метаниями, изломами, безднами для Ф. Достоевского, насколько могу судить, – не психические отклонения, а психическая норма, показатель того, что «слишком широк человек», и медицина здесь бессильна.

Блаженный? Юродивый? Но «идиот» романа не столько отсылает к этим смыслам, сколько отторгает их.

Есть ещё один момент, который делает почти неприемлемым название романа: речь идёт о невольно возникающих ассоциациях между князем Мышкиным и Иисусом Христом. Эта тема настолько же сложная, насколько деликатная, мне она не по плечу. Только повторю общеизвестное.

«Мёртвый Христос в гробу» Ганса Гольбейна произвёл на Достоевского подавляющее впечатление, поскольку духовное и интеллектуальное созерцание Иисуса не имело для него анатомической (клинической, медицинской) составляющей. Не случайно об этом говорит в романе князь Мышкин, считая, что картина Гольбейна способна только убить веру.

Перейдём непосредственно к сюжету.

Князь Мышкин («князь», деталь немаловажная) возвращается в родные края после долгого лечения от нервной болезни (не психиатрической). Человек он прямодушный и бесхитростный, кроткий и смиренный, и ему приходится столкнуться с реальным миром и с его нравами.

... не будем говорить, что «там и тогда» это был мир особой продажности или особого корыстолюбия, в каком бы времени, в какой бы стране ни оказался Гамлет, любая «Дания» окажется для него «тюрьмой», в каком бы времени, в какой бы стране ни оказался князь Мышкин, он столкнётся с людскими пороками …

Конфликт такого *героя* (герой у Достоевского, как «точка зрения, как взгляд на мир и на себя самого» – по М. Бахтину) с другими героями (с другими «точками зрения») был бы неизбежным, всё равно протекал бы он бурно, сплошные страсти-мордасти или подспудно, не выплёскиваясь наружу, но этот конфликт потерял значительную часть своей органичности, как только писатель одарил простодушного князя богатым наследством.

Признаемся, богатый князь – это уже совершенно другая история, другие коллизии, над ним могут насмехаться, но не презирать, возможности его самовыражения сужены (скажем, в отличие от таких героев Ф. Достоевского, как Родион Раскольников или Иван Карамазов, которым пространство соответствующих романов позволяет максимально самораскрыться перед нами).

Как известно, М. Бахтин подчёркивал полифонию романов Ф. Достоевского («множественность самостоятельных и неслиянных голосов и их сознания»), но не следует превращать это наблюдение (или даже открытие) в привычное клише, как часто происходит с другим великим открытием М. Бахтина, «карнавальной эстетикой».

Возвращаясь к полифонии, хочу заметить, что это прежде всего музыкальный термин и означает не просто многоголосие, а совместное звучание различных голосов, не нарушающее общего строя.

Есть свой голос (своя тема) практически у всех героев романа «Идиот», прежде всего у Настасьи Филипповны и Рогожина, но эти голоса такие мощные, такие страстные, такие взрывные (и отчасти мелодраматические), что оставляют в тени не столь эффектный, но не менее глубоко драматический, голос князя Мышкина.

Следует согласиться с М. Бахтиным, назвавшим жанр романа «неготовым», в нём может содержаться прямое высказывание, социальное, психологическое, психиатрическое, иное, разрушающее автономию художественной формы, и в этом смысле его не правомерно сравнивать с «готовыми» жанрами. Но не могу удержаться и не вспомнить «Ревизор» Н. Гоголя – на мой взгляд, наиболее совершенное произведение в классической русской литературе, с точки зрения автономной художественной формы («готовость»).

Вообразим Городничего, его физическую массивность, столь же тяжелы его поступки, столь же тяжелы его мысли, сплошная тяжесть, будто прирос к земле, вокруг него множество персонажей разной степени тяжести по нисходящей, а на полюсах, почти летучие, порхающие, Хлестаков с одной стороны, Бобчинский и Добчинский – с другой.

И этот Бобчинский произнесёт пронзительную фразу, нежную, простодушную, горькую, смешную, по-своему трагифарсовую, но почему-то, по крайней мере, мне улыбаться хочется больше, чем огорчаться.

Скажет этот Бобчинский Хлестакову следующее:

«как поедете в Петербург, скажите там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, ваше сиятельство, или превосходительство, живёт в таком-то городе Пётр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живёт Пётр Иванович Бобчинский».

А мне слышится, скажите самому Господу Богу, чтобы и о нас узнал, чтобы и нас не забывал, чтобы и нас помнил.

Напомните о благодати, которая не знает избранных.

«Ревизор» – совсем не сатира, а поэма (почти музыкальная) о жизни человеческой, в которой всегда хочется «невероятной лёгкости бытия», а каждый раз, почти неодолимо, обнаруживается «невероятная тяжесть бытия».

Вернёмся к князю Мышкину.

Он непривлекателен, неловок, так что может вызвать насмешки окружающих, и о нём можно сказать: «нет в нём ни вида, ни величия, который привлекал бы нас к нему». Но его «непривлекательность» не знаковая, она не означает «стёртость» как смысл, «невзрачность» как невыделенность. А «насмешка» может быть снисходительной, особенно когда окружающие знают, что ты богат.

Он незлобив, кроток и смирен, но не настолько, чтобы это нельзя было выдать за странность и чудаковатость (богатство, каждый раз, как своеобразный защитный механизм). О нём нельзя сказать, что он «презрен и умален перед людьми», что каждый будет норовить бросить в него камень, о нём нельзя сказать, что он «был презираем» и его «ни во что не ставили».

Он твёрд в своих убеждениях, он умён и проницателен, его поступки всегда праведны, но мир не ополчается на него за его праведность, мир не обнаруживает, что своим умом и проницательностью он становится укором для всех них.

Он способен понять и простить других, кем бы они ни были, он способен сострадать несчастному человеку, который в порыве безысходности и отчаяния убил женщину, которую оба они любили. Но есть ли у нас основания сказать, что он в состоянии взять на себя наши немощи и наши болезни, а если нет, то мы должны признать, что его сострадание к несчастному человеку, убившему любимую женщину, остаётся в границах сентиментальности.

Он сплошная «ахиллесова пята», которая, как это ни парадоксально, делает его неуязвимым. Он не удостаивается ни противоборства людей, которых должна раздражать его неуязвимость, ни смеха богов, которые должны смеяться над его «манией величия», которую Судьба не может не покарать.

Одним словом, – моё кощунство – это великий образ, великое прозрение, и … как бы сказать помягче … роман, который нельзя назвать великим.

Е. ДЖЕЙКОБ

…как избежать обаяния Силы.

Между «Илиадой» Гомера и «Фиестой» Хемингуэя дистанция почти в три тысячи лет.

Многое изменилось.

Вспомним, в те времена не было календаря, часы только солнечные, освещение только естественное. Театр от восхода до заката, заседание суда, пока солнце светит. Ритм жизни размеренный, спокойный.

Мы живём в другом мире, искусственное освещение позволяет превратить ночь в день. Часы, точные, сверхточные, сопровождают нас повсюду, время гонит нас, мы задыхаемся, спешка стала нашим бременем.

Мы изменились, но думать не стали лучше, до сих пор считаем, что Платон и Аристотель сказали самое главное, а мы только пережёвываем сказанное ими.

Мы изменились, но сохранилось обаяние Силы, которая позволяет защититься от Другого, а при необходимости просто уничтожить Другого.

В этом, в способах уничтожения Другого, мы здорово преуспели.

Вспомним, в те времена не было стрелкового оружия, убивали – святая наивность – по одному.

Река Ксанф взмолилась, слишком много трупов, пожаловалась Богам на Ахиллеса. Но «слишком много» – это сколько?

Мы научились убивать не по одному, целые города можем снести с лица земли. Река Ксанф, другие реки, давно смирились, Земля перестала быть божеством, она принимает в своё лоно всех без разбору, не омытых, не оплаканных, не удостоенных даже обычной человеческой памяти.

Но что-то изменилось, что-то начинает меняться, хотя пока это скорее *пред*: предчувствие, предмыслие, предосуществление.

Я имею в виду философские трактаты (прежде всего работу Канта «К вечному миру»), международные правовые документы, деятельность ООН и прочее, прочее в этом духе.

Я имею в виду искусство, литературу, кино, театр, они самый чуткий барометр, они способны уловить это *пред* в одной услышанной фразе, в одной истории, в меняющейся моде, в сухой статистике.

Я имею в виду теоретические работы, книги, статьи, научные дискуссии, которые всё больше расшатывают представление о роковой незащищённости человека перед Силой.

Я имею в виду понимание того, что мужчина начинает расплачиваться за своё недомыслие, если не понимает, что века мужского превосходства безвозвратно ушли (уходят). И реабилитацию уязвимости мужчины следует рассматривать как мужское освобождение, как право мужчины быть нежным и чувствительным.

Я имею в виду всё это вместе в разных пропорциях, сегодня одно, завтра – другое, но это неумолимо, движение вспять больше невозможно, хотя и движение вперёд даётся с большим трудом.

Таких болезненных ударов, как в XX веке, человечество не получало за всю свою историю. Поумнело? Опомнилось? Не сразу, не в полной мере.

Казалось, история с «приятелями из Аккрингтона», – их было 500 солдат, все из одного города, все они добровольцами пошли на войну, все, как один, погибли в первом же «сражении» (кавычки подчёркивают горькую иронию в слове «сражение») в результате газовой атаки – должна была отрезвить человечество. Не отрезвила.

Казалось бы, газовая атака должна была подвести черту под тысячелетней *героической* историей человечества. Не случилось. За первой мировой войной последовала вторая, уже с использованием более масштабного ядерного оружия.

Казалось бы, пора понять, что слова «мужчина», «подвиг», «герой» (можно продолжить этот список), «история», «родина», «долг» – во многом стали импотентными, но слова эти одних продолжают одурманивать, а другие позволяют этими словами себя зомбировать.

И всё-таки, всё-таки, что-то изменилось, что-то начинает меняться.

Допускаю, что я наивный человек, выдаю свой романтический сон за явь, стоит только включить телевизор, войти в Интернет, выйти на улицу, оглянуться вокруг, всё решает Сила, это происходит между странами, это происходит между людьми, это происходит между мужчиной и женщиной.

Всё это так, и меня ежедневно, ежечасно искушает Сила, стучит в висок, подсказывает: не проявляй слабость, станешь уязвимым, другие не преминут воспользоваться, продолжаю смеяться над своим прекраснодушием, над своей наивностью, но подкоркой, каким-то, не до конца ясным мне самому, трепетом души продолжаю верить, что человечество становится умнее и чище.

Не в том смысле, назовём его гегелевским, что сквозь хронологическое время пробивается Абсолютный Дух, или Абсолютный Разум, а в более приземлённом смысле слова, человечество, человеки получают болезненные удары, задумываются, пытаются что-то изменить, не всё получается, но что-то получается, и человечество, человеки умнеют, становятся чище, на величину этого «что-то».

Не стоит обманываться, инерция тысячелетий ещё очень сильна, «потерянного рая» не было позади, не будет впереди, бездна человеческой души никуда не денется. Другой не перестанет быть Другим, как чужим, как потенциально опасным, можно продолжать и продолжать этот список, но ...

Человечество заговорило об опасности искушения Силой, устами Симоны Вейль, устами «Фиесты», о которой речь впереди, устами церемонии Открытия Олимпийских игр в Лондоне, в которую включили островки молчания и тишины, когда инвалиды войны вспоминали историю с «приятелями из Аккрингтона», устами многих других, книг, статей, фильмов, разговоров, новая Сила, которая только зарождается, теперь будет не только в том, чтобы уничтожить или хотя бы подчинить себе Другого, а в том, чтобы преодолеть обаяние прежней Силы.

Никогда не верил в мистику цифр, одни скажут, чистая случайность, другие обнаружат предустановленный смысл, но так или иначе.

Симона Вейль в 1925 году поступила в лицей Генриха IV. В лицее преподавал Эмиль Огюст Шартье, которому принадлежат такие слова:

«Если вы не доверяете людям, вас будут обкрадывать. Если вы их презираете, вас будут ненавидеть. Люди услужливо стараются соответствовать вашему представлению о них».

Симона Вейль запомнила и самого Шартье, и его слова, позже написала работу «Илиада» или поэма о Силе», о величайшей и самой трагической поэме о Силе, надеясь, что эта поэма рано или поздно заставит людей задуматься об опасности обаяния Силы.

В 1925 году Симона Вейль поступила в лицей Генриха IV. Через год, в 1926 году, Хемингуэй написал свой роман «Фиеста. И восходит солнце».

Наше право – не преувеличивать значение хронологических совпадений, наше право – не верить в то, что человечество умнеет, передавая друг другу эстафету человечности.

Наше право – не верить в то, что XX век не только довёл эпоху войн и уничтожений до критической точки, но и исчерпал её.

В конце концов, можно сделать допущение, что это действительно так, а потом согласиться с ним или отказаться от него.

«Фиеста»: перемена участи или «все мы потерянное поколение»

«Илиада» Гомера посвящена Богам и Героям.

Боги бессмертны, оттого беспечны, оттого могут развлекаться и хохотать.

Герои не бессмертны и не беспечны, они обречены на схватку с Судьбой, поскольку бесчестье для них страшнее смерти.

Обычные смертные, которые избегают схватки с Судьбой, которые, как тростник на ветру, гнутся, ждут, когда ветер стихнет, Гомеру не интересны.

В «Фиесте» нет ни Богов, ни Героев, обычные смертные, которые не заглядывают далеко в будущее.

Уже не стыдно быть тростником на ветру, никто не жаждет сразиться с Судьбой, смешно, напыщенно, достоинство теперь в другом – не в вызове небесам и не в великих поступках, а в том, чтобы понять другого, не демонстрируя собственную силу, чтобы полюбить женщину, не пытаясь её поработить.

«Илиада» повествует о Мире, в котором Война – нормальное состояние общества. Юный отрок, который молит величайшего из героев о милосердии, не понимает своей малости перед лицом больших страстей этого мира, не хочет понимать, что участь его предрешена.

«Фиеста» повествует о Мире *после* Войны, о мире, в котором война оставила свой след не только в телах, но и в душах людей, но она уже в прошлом, а в настоящем люди стремятся жить в мире без войны, в мире, в котором можно обойтись без кулаков.

«Что-то кончилось», – скажет автор «Фиесты», правда, по другому поводу, – «что-то» действительно кончилось.

Мир стал обыденнее и тише. Мир пытается успокоиться, хотя чаще оказывается вздыбленным и взбудораженным.

В качестве эпиграфа для своего романа Хемингуэй выбрал слова Гертруды Стайн: *«Все вы – потерянное поколение»*.

Но «потерянное» в каком смысле, для кого, для других, для самих себя?

Когда-то они рвались добровольцами на Войну, молодой Хемингуэй в том числе, они рвались туда, где возможна была ничем не отягощённая мужественность, где мужчина мог доказать, что он мужчина, где было известно, кто друг, а кто враг.

Они вернулись другими, то ли потерянными, то ли растерянными, ещё можно прибегать к кулакам, чтобы избавиться от робости и чувства собственной неполноценности, но лучше не прибегать к кулакам, лучше по-другому избавляться от робости и чувства собственной неполноценности.

«Фиеста» была написана в 1926 году, впереди ещё было много крови, в том числе из-за ложного понимания мужественности, но она была написана, она стала фактом культуры, который будет напоминать о себе вновь и вновь, она стала предвестником (пред предвестником, еле слышимым) того, что Сила теряет своё обаяние, что Война никуда не делась, но уже ни один нормальный человек не станет утверждать, что войну можно считать нормальным состоянием общества.

…и Брет была с ними.

«Илиада», как известно, описывает Троянскую войну, которая произошла из-за прекрасной Елены. Но как ни странно, любви, в современном её понимании, в «Илиаде» нет. Есть вожделение, есть спор из-за наложниц, есть страсть, есть Эрос, который дубы сотрясает, но любви нет.

В «Фиесте», как и в «Илиаде», всё происходит из-за женщины, и здесь мужчины вожделеют к женщине (и женщина может вожделеть к мужчине), и здесь, как вихрь, может налетать Эрос, но что-то изменилось, мужчины не бравируют своей Силой хотя бы потому, что не хотят быть смешными в глазах женщины и в собственных глазах. И, может быть, самое главное, они перестают стыдиться самих себя, своей чувствительности и своей нежности.

В первую очередь это относится к главному герою романа Джейку Барнсу, от имени которого ведётся рассказ.

Он ведёт свой рассказ буднично, почти бесстрастно, и о любимой женщине скажет как бы невзначай, ненароком.

«По крутой улице спускались две машины. Оба такси остановились перед дансингом. Из машины вышли молодые люди – кто в джемпере, кто просто без пиджака. В свете, падающем из дверей, я видел их руки и свежевымытые завитые волосы. Полицейский, стоящий возле двери, посмотрел на меня и улыбнулся. Они вошли. Когда они входили, гримасничая, жестикулируя, болтая, я увидел в ярком свете белые руки, завитые волосы, белые лица. С ними была Брет. Она была очень красива и совсем как в своей компании».

Прочёл роман давно, лет 50 назад, многие детали забыл, а слова «с ними была Брет» запомнил на всю жизнь. Слова эти завораживают меня до сих пор, хотя до сих пор не понимаю, что в них необычного.

Может быть, всё дело в том, что Джейк Барнс избегает громких слов: там была улица, там были молодые люди, там был полицейский, но главное, там была Брет. Вот и всё, сами решайте, следует ли что-либо добавлять.

И ещё Джейк Барнс хочет сказать, что Брет была с ними, но и не с ними, она была сама по себе, как киплинговская кошка, которая гуляет сама по себе.

Но в ярком свете Джейку прежде всего увиделась она, Брет.

Которая была с ними, но сама по себе.

...говорят, там, в Сан-Себастьяне, хорошо ловится форель.

За три тысячи лет, после «Илиады», многое в мире изменилось. Изменилось и повествование, то, о чём люди пишут, что хотят сохранить в памяти людей.

В «Фиесте» не происходит ничего необычного. Даже поверишь, что в мире нет богов, нет Судьбы, с которой приходится считаться, нет предустановленности, всё происходит спонтанно, легко и естественно, здесь и сейчас.

Встретились те, которые гримасничали и жестикулировали, выпили, поговорили о том, о сём, чуть подшучивая друг над другом, опять выпили, решили поехать ловить форель, говорят, там, в Сан-Себастьяне, хорошо ловится форель, к тому же начинается фиеста, шумный праздник, будет коррида, поехали, хорошо ловилась форель, потом город взорвался фиестой, семь дней и ночей праздника, семь дней и ночей беспробудного пьянства, коррида удалась, один из тореро был особенно хорош, потом коррида завершилась, фиеста кончилась, все разъехались, остался только слой пыли на машинах. Все они были друзьями, все были рады друг другу, все были рады фиесте, и с ними была Брет, все мужчины были в неё влюблены, это не мешало их дружбе, не мешало даже тому, кто собирался на ней жениться, не потому, что были такие благородные или холодные, бесчувственные, просто приняли новые правила игры. Война осталась позади, спряталась в подкорках сознания, осталась позади героика, осталось позади всё патетическое, нельзя дружить, как раньше, во весь голос, нельзя любить, как раньше, во весь голос, всё должно быть тише, приглушённее, даже в фиесте, даже в корриде.

Все они приняли эти новые правила игры.

Все, кроме Роберта Кона.

Роберт Кон, которого не жалко.

Читатель «Фиесты» с самых первых строк натыкается на Роберта Кона. Он как заноза, злодей, не злодей, он всех утомляет, и без него муторно, а тут ещё он со своими страданиями.

Рассказчик не пытается его разгадать, может быть, потому, что нельзя больше разгадывать человека, может быть, потому, что нет больше «типических героев в типических обстоятельствах». Он только скажет, возможно, он славный малый, но всё-таки он, Роберт Кон, чужероден.

Буквально: *чуже-роден*, из чужого рода, и этим многое, если не всё, сказано:

... Роберт Кон когда-то был чемпионом Принстонского университета в среднем весе ...

...Он не имел склонности к боксу, напротив – бокс претил ему, но он усердно и не щадя себя учился боксировать, чтобы избавиться от робости и чувства собственной неполноценности, которое он испытывал в Принстоне, где к нему как к еврею (избежим как антисемитских, так и сионистских обобщений) *относились свысока. Он*

чувствовал себя увереннее, зная, что может сбить с ног каждого, кто оскорбит его, но нрава он был тихого и кроткого и никогда не дрался …

…смешнее всего, что он славный. Он мне нравится. Но он совершенно невозможен …

…знаешь, я теперь поняла (это говорит Брет), *что с ним творится. Он не может поверить, что это* («это», когда женщина однажды позволила мужчине разделить с ней ложе) *ничего не значило …*

…почему вы, Кон, не чувствуете, когда вы лишний? Уходите. Уходите. Ради всего святого! Уберите свою скорбную еврейскую физиономию…

…А мне ни капли его не жаль. Я сам его ненавижу.

– Я тоже, – она вздрогнула, – ненавижу за то, что он так страдает.

…А где Кон?

– Он раскис! – крикнула Брет. – Его куда-то убрали.

– Где он?

Не знаю.

Откуда мне знать?

По-моему, он умер …

Есть над чем задуматься.

Роберт Кон был нрава тихого и кроткого, но он становится боксёром и чемпионом, чтобы сбить каждого, кто посмеет оскорбить его, чтобы не быть уязвимым. Он настолько боится своей кротости, настолько боится оказаться уязвимым, что, сам того не подозревая, становится почти жалким в своей уязвимости.

Он не может понять, не может примириться, как может женщина оттолкнуть его после того, что с ними случилось, он называет женщину Цирцеей, будучи уверенным, что она способна превратить мужчин в свиней, только не его, он ведь не щадил себя и стал боксёром и чемпионом.

Мир стал другим, а он, Роберт Кон, этого не понимает, мораль, которая идёт впереди человека, стала смешной, а он этого не понимает, обаяние Силы стало улетучиваться, а он этого не понимает, мир стал тихим, даже в фиесте, даже в корриде, а он этого не понимает, женщина больше не нуждается в рыцаре, тем более в назойливом рыцаре, а он этого не понимает.

После тех огромных страданий, которые принесла Война, выпячивать свои страдания стыдно, а Роберт Кон этого не понимает. Поэтому сначала пустит в ход кулаки, как посмел тореро, чтобы им увлеклась Брет, а потом, обнаружив всеобщую неприязнь, расплачется от жалости к самому себе. Но никто его не пожалеет, только попросят: «уходи, уходи». Для них он просто умер.

И невольно задумаешься над тем, что после Большой Войны мир будет становиться, и уже становится, не более простым, а более сложным, его по-прежнему будет искушать Сила, но Сила перестала быть всесильной, есть время применять Силу, а есть время не бояться своей чуткости и деликатности, есть время скрывать свою уязвимость, а есть время не стыдиться своей уязвимости.

«Ахиллесова пята» Джейка: то ли горше, то ли смешнее.

Можем ли мы сказать, что Ахиллесу не повезло с пяткой? Нелепый вопрос, не по адресу. У античных героев не бывает «повезло», «не повезло». Не было бы листочка с дерева, который прилип к пятке, нашлось бы что-то другое, не было бы пятки, нашлась бы печень или просто запястье.

Джейк вернулся с войны живым, многие, десятки тысяч, сотни тысяч, погибли. Можно сказать, повезло, ведь ни от него, ни от тех, которые погибли, ничего не зависело.

Джейк вернулся с войны с ранением, со своей «ахиллесовой пятой». Но его «ахиллесова пята» оказалась необычной, то ли горше, то ли смешнее. Невольно подумаешь, что небеса продолжают смеяться.

Да, глупо было получить такое ранение, да ещё во время бегства на таком липовом фронте, как итальянский.

Это было в Милане, в Главном госпитале, в корпусе Понте. А рядом был корпус Зонде. Перед госпиталем стоял памятник Понте, а может быть, Зонде. Там меня навестил тот полковник. Смешно было. Тогда в первый раз стало смешно. Я был весь забинтован. Но ему сказали про меня. И тут-то он и произнёс свою изумительную речь: «Вы – иностранец, англичанин (все иностранцы назывались англичанами), отдали больше, чем жизнь».

Какая речь! Хорошо бы написать её светящимися буквами и повесить в редакции. Он и не думал шутить….

Не падай духом. Никогда не падай духом. Секрет моего успеха. Никогда не падаю духом. Никогда не падаю духом на людях.

Кто знает, что за человек был *«тот полковник»*, может быть действительно глуп и бесчувственен, не понимает, что завершилась эпоха высокопарных слов и высокопарных поступков.

Кто знает, что за человек был «тот полковник», может быть продолжает верить, что мир держится на достоинстве мужчины, а достоинство мужчины держится на известном органе, вот и тянет его на пафосные слова, когда он узнаёт о ранении в этот известный орган.

…Вспоминаются слова американского писателя Джозефа Хеллера: *«А в общем, слабовато это орудие мужского превосходства, вселенский проводник энергии, действующий только приступами. Не удивительно, что нам приходится пускать в ход ещё и кулаки, и поднимать крик на кухне»*.

Эти слова могли быть сказаны только после войны, после того, как война и всё, связанное с ней, потеряло свою привлекательность, хотя, казалось бы, слова эти к войне непосредственного отношения не имеют ...

Кто знает, может быть, напротив, «этот полковник» не столь глуп и бесчувственен, всё понимает, поэтому и говорит «никогда не падай духом», «никогда не падай духом при людях», понимает, что небеса опустели, понимает, что экзистенциальное одиночество – удел человека, хотя на людях, в присутствии других, ещё можно позволить себе высокопарность.

А у Джейка хватило силы духа, взглянуть на всё это, на липовый итальянский фронт, на памятник то ли Понте, то ли Зонде, на того полковника, для которого все они англичане, на себя самого, перебинтованного, на своё ранение, почти аллегорическое, после тысячелетий мужской кичливости, взглянуть на эту выразительную картину без патриотического ореола, и увидеть её комичность.

Возможно, и Джейк когда-то мечтал о «геракловых» подвигах, а сейчас, в госпитале, весь перебинтованный, если он о чём-то и мечтал, то только о том, чтобы убежать в свою «Фтию», убежать вместе с любимой женщиной, родить детей, отпустить их в мир, влюбляться и страдать.

Всё остальное оказалось комичным и смешным, понимание этого и есть то главное, что изменилось за три тысячи лет, со времён «Илиады» и Ахиллеса.

Любовь после Большой Войны.

Слово-понятие «любовь» давно не вмещает все смыслы, которые мы пытаемся вместить в него. Смыслы развивающиеся, не готовые, сами по себе, слово-понятие застывшее, готовое, само по себе.

Допускаю, что меня заклинило. Не могу вырваться из схемы, мною же сконструированной, но так или иначе, то, что мы называем «любовь» до войны, на мой взгляд, во-многом, скажу острее, кардинально, принципиально, отличается от того, что мы называем «любовь» после войны. Слово-понятие осталось, смыслы поменялись.

Когда я говорю «после войны», я имею в виду не просто «смолкли пушки и наступил мир», не просто «война и мир» (вспомним знаменитый роман Льва Толстого), а мир после войны, которая больше невозможна, даже если войны будут продолжаться вновь и вновь.

Я имею в виду смену парадигм, огромный комплекс социальных, психологических, ментальных изменений, но, прежде всего, изменение ролей мужчины и женщины.

Я имею в виду реабилитацию того, что получило название «господин чувствительный мужчина», который существовал всегда, не мог не существовать, даже будучи замурованным в средневековые латы, но который вырвался из лат, получил право говорить о себе во весь голос, только в ситуации «после войны».

Я имею в виду реабилитацию «независимой» женщины, которой, как Норе из «Кукольного дома» Генрика Ибсена, больше не надо доказывать, что у неё есть «обязанности перед самой собой», но которая получила возможность реализовать широчайший спектр этих «обязанностей», только в ситуации «после войны».

Я имею в виду роман «Фиеста. И восходит солнце», который, на мой взгляд, не столько роман о потерянном поколении, сколько роман о новых проявлениях любви «после войны».

…Бенджи, который так и не стал взрослым.

Позволю себе ещё раз сделать шаг в сторону.

Случайно, не случайно, но в практически в эти же годы (1929) был написан другой, столь же знаковый роман первой половины XX века, «Шум и ярость (в другой редакции «Звук и ярость») Уильяма Фолкнера.

Роман состоит из четырёх частей, в которых практически одну и ту же историю рассказывают разные персонажи (может быть, и это свидетельство «после войны», когда привычные истины вдруг стали расслаиваться). Одну из этих историй рассказывает Бенджамин, Бенджи, которого можно назвать аутистом, а можно и более резко, поскольку после того, как ему исполнилось пять лет, он так и не повзрослел.

Рискну сказать, что «Шум и ярость», в части, рассказанной Бенджи, история любви «после войны», и эта история невероятным способом перекликается (перевёртыш) с историей, рассказанной в «Фиесте» (в неэвклидовом пространстве культуры параллельные пересекаются). И не будем заламывать руки оттого, что любовь Бенджи – это кровосмесительная любовь к родной сестре.

Никто не любил Бенджи так, как его старшая сестра Кэдди, никто не понимал Бенджи так, как его старшая сестра Кэдди, но он не мог примириться с тем, что сестра взрослеет и удаляется от него, и всё чаще плакал. Он сильно заплакал, когда от Кэдди запахло духами, и он не мог понять, куда делся её привычный запах, а однажды он заголосил во весь голос, когда наткнулся на то, что Кэдди обнималась в гамаке с чужим парнем.

Кэдди не взрослел, только со временем стала развиваться его мужская потенция. Он не мог с ней справляться, однажды даже набросился на проходившую мимо школьницу. Пришлось срочно его оскоплять.

В тот год, когда ему исполнилось 33, был традиционный торт со свечами. Все поздравляли Бенджи, а он не понимал, что всё это означает, что-то заставило его пойти вдоль забора, где когда-то он ходил вместе с Кэдди, он пошёл туда, где пахло травой и пахло Кэдди.

Кто знает, сколько лет ему было в эту минуту, 5 или 33, был он взрослым или не был, но он был человеком, которого обуревала нежность.

Брет и Джейк.

Любовный треугольник, трое в любви, – такая же божественная фигура, как двое в любви, и будет повторяться во все времена.

Любовный треугольник в «Фиесте» многогранен: невольный каламбур, треугольник – не треугольник, грани – не грани. Но это именно любовный треугольник, две стороны которого заданы с самого начала, когда Джейк увидел, что *«и Брет была с ними»*, а третья, череда мужчин, которые приходят, уходят, остаются, не оставаясь.

С одним из мужчин, которые приходят и уходят, Робертом Коном, всё более или менее ясно.

Джейк признавался самому себе, лучше кто-нибудь другой, только не он, Роберт Кон:

…Я слепо, непримиримо ревновал к тому, что с ним случилось. Хоть я и считал случившееся в порядке вещей, это ничего не меняло. Я, несомненно, ненавидел его…

Ревность, понятно, тысячелетия не прошли даром, возможно, никогда не пройдут, но и она, ревность, трансформируется, Брет можно всё, она вольна поступать так, как ей вздумается, но оказывается, есть инерция прошлого, есть инерция прошлых метасхем относительно любви, и в этом смысле есть пределы неуязвимости для самого деликатного, самого нежного мужчины.

Ещё один из мужчин, Майкл Кэмпбелл, тот, за которого Брет собирается выйти замуж. Он ироничен и самоироничен, он всегда серьёзен и никогда ничего не принимает всерьёз, он клоун, которому позволено всё, как всякому клоуну.

Он скажет о Роберте Коне: *«Всё равно он дурак»* и добавит: *«Что вы сидите здесь с похоронной физиономией? Предположим, что Брет спуталась с вами. Ну и что же? Она путалась со многими, почище вас».*

И скажет о Брет:

Нельзя сказать, чтобы она много счастья видела в жизни. Свинство, в сущности. Она так всему радуется.

После фиесты, после того, как схлынут «страсти-мордасти», Брет признается Джейку:

Я вернусь к Майклу. Он ужасно милый и совершенно невозможный. Он как раз такой, какой мне нужен.

За словами «ужасно милый» и «такой, какой мне нужен» стоит нечто важное для Брет, хотя, возможно, она об этом и не задумывается, Майкл никогда не скажет ей, ты должна слушаться меня для твоей же пользы, он не захочет, чтобы Брет оказалась зависимой от него.

Ещё один из мужчин, молодой тореро Педро Ромеро.

Парадоксальный, вывороченный наизнанку парафраз знаменитой новеллы Мериме «Кармен», та же коррида, тот же тореро, та же женщина, которую нельзя покорить. Дальше начинаются принципиальные различия. Брет внутренне свободна не менее, чем Кармен, но жесты, тем более вызывающие жесты, ей чужды, можно сказать, что ярко-чёрная гамма становится пастельной, ни одного локального цвета.

Как и во всём другом, Брет будет искать поддержки у Джейка:

– Я погибла. Я с ума схожу по этому мальчишке.

– Я не могу с собой сладить. Я погибла. У меня всё рвётся внутри.

– Милый, пожалуйста, останься со мной. Ты останешься со мной и поможешь мне.

И смеясь, признается Джейку, что её завораживают зелёные штаны тореро, она не может оторвать от них глаз, ей так хочется посмотреть, как он натягивает на себя эти зелёные штаны (!).

А позже Джейк порадуется за Брет, возможно, скрывая свою печаль.

Брет сияла. Она была счастлива. Солнце сверкало, день стоял ясный.

– Я точно переродилась, – сказала Брет. – Ты себе представить не можешь, Джейк.

И скажет Джейк, теперь самому себе:

Теперь, кажется, всё. Так, так. Сначала отпусти женщину с одним мужчиной. Представь ей другого и дай ей сбежать с ним. Теперь поезжай и привези её обратно. А под телеграммой поставь «целую». Так, именно так.

Перефразируя Л. Толстого, который написал в своём дневнике: *«Кто счастлив, тот и прав»*, скажу, что если женщина счастлива, то права не только она, но и те, кто её окружает, мораль в таких случаях должна отступать на второй план.

Осталось рассказать ещё об одном мужчине, о Джейке Барнсе, хотя рассказчик на то и рассказчик, чтобы, рассказывая о других, прежде всего рассказывать о себе.

В начале романа:

– Не трогай меня, – сказал она (Брет). *– Пожалуйста, не трогай меня.*

– Что с тобой?

– Я не могу.

– Брет.

– Не надо. Ты же знаешь. Я не могу – вот и всё. Милый, ну пойми же!

– Ты не любишь меня?

– Не люблю? Да я вся точно кисель, как только ты тронешь меня…

Теперь она сидела выпрямившись. Я обнял её, и она прислонилась ко мне, и мы были совсем спокойны. Она смотрела мне в глаза так, как она умела смотреть – пока не начинало казаться, что это уже не её глаза. Они смотрели, и всё ещё смотрели, когда любые глаза на свете перестали бы смотреть. Она смотрела так, словно в мире не было ничего, на что она не посмела бы так смотреть, а на самом деле она очень многого в жизни боялась.

В конце романа:

Мы сидели близко друг к другу. Я обнял её одной рукой, и она удобно прислонилась ко мне. Было очень жарко и солнечно, и дома были ослепительно белые.

– Ах, Джейк! – сказала Брет. – Как бы нам хорошо было вместе.

Впереди стоял конный полицейский в хаки и регулировал движение. Он поднял палочку. Шофёр резко затормозил, и от толчка Брет прижало ко мне.

– Да, – сказал я. – Этим можно утешаться, правда?

Сколько раз говорилось, сколько раз ещё будет говориться, что факт искусства не сводится к факту жизни. В случае с «Фиестой» следует забыть о физиологии, чтобы избежать мелодраматической интерпретации: «Ах, как жалко, какая счастливая была бы жизнь, *если бы*...». Не будем ополчаться на мелодраму, у неё своя программа культурной терапии, ведь в этом *если бы* порой спасительная для нас жалость к самому себе. «Фиеста» о другом, а «импотенция» – просто метафора, художественная метафора.

Кончился патриархат, кончилась эпоха мужского превосходства, когда женская слабость подпитывала мужскую гордыню?

Скорее всего.

Начинается матриархат?

Вряд ли. Даже если Брет приходится принимать за мужчин то или иное решение, она остаётся женщиной, ранимой и беззащитной.

В новом мире «после войны» «мужское» и «женское» не исчезнут, но как они будут распределяться между конкретным мужчиной и конкретной женщиной?

Этого никто не знает.

Мне остаётся сказать, что «Фиеста» говорит о любви на пересечении двух планов: «мир после войны» и «и Брет была с ними».

Эрнест Хемингуэй: как не перестать быть мачо или как избежать уязвимости.

Октябрь 2012 года, российский телеканал «Культура», интеллектуальное шоу «Игра в бисер». Обсуждают роман Хемингуэя «Фиеста. И восходит солнце». Один из участников говорит: «После «Фиесты» каждый последующий роман писателя был хуже, чем предыдущий. Исключение «Старик и море». И разъясняет свою позицию: в «Фиесте» Э. Хемингуэй не претендует на роль мачо, не боится снять с себя защитный панцирь, не боится самого себя.

Можно предположить, что, возможно, Хемингуэй всю жизнь метался между «мачо» и не «мачо». Это раздвоение началось в детстве, когда отец мечтал о том, что мальчик займётся медициной и естествознанием, мать мечтала, чтобы мальчик играл на виолончели, а дедушка (условно, поколение XIX века) просто подарил мальчику однозарядное ружьё 20-го калибра. Как выяснилось позже, мальчика не привлекли ни естествознание, ни медицина, охоту он полюбил, не более того, победила иная страсть – любовь к книгам.

Возможно, его гений (если под гением понимать не степень художественного таланта, а тот genius, который живёт в человеке и ищет воплощения) требовал разобраться в самом себе. Разобраться в поколении, которое не сразу поняло, что оно «потерянное поколение» для века уходящего и, возможно, поколение обретённое, обретающее, для века наступающего, если под «веком» уходящим и наступающим иметь в виду не только хронологию.

«Genius» Хемингуэя и позволил ему написать сначала «Фиесту», а позже «Старика и море».

Кто знает, может быть, брутального Хэма с ружьём в руках, в свитере из грубой вязки, а то и в боксёрских перчатках придумали не только мы, фотографы, журналисты, может быть, придумал сам Хемингуэй и старался следовать этому образу.

Кто знает, может быть, и его самоубийство было всё той же попыткой избежать старости и немощи, остаться в образе «мачо».

Продемонстрировать свою неуязвимость в мире, в котором он сам был одним из тех, кто заговорил о достоинстве мужчины, который не боится быть ранимым и уязвимым.

F. ИТОГИ БЕЗ ИТОГОВ

Чтобы не удлинять и не отяжелять текст, в заключение несколько разрозненных заметок, в которых фокус основной идеи то наводится на большую резкость, то окончательно размывается.

•

В заглавие эссе вынесены имена двух героев: Ахиллеса и Джейка. По ходу изложения к ним прибавились Зевс, Прометей, Ио и князь Мышкин. Несомненно, у каждого из них есть своя «точка зрения».

Могут ли эти пять «точек зрения» сложиться в полифонию? Не знаю, думаю, что могут, но сам я такой задачи не ставил.

•

Слово «уязвимость», центральное в настоящем эссе, в зависимости от угла обзора может заменяться такими словами, как «открытость», «деликатность», «чуткость», «чувствительность», «ранимость», «хрупкость», что совершенно не означает, что в обратной пропорции, интегрируя эти слова, мы получим слово «уязвимость».

Будем считать, что «уязвимость» – метафора особого отношения к миру самому по себе (если можно что-то сказать о мире «самому по себе»), к себе самому и к миру в самом себе. А слова, которые мы выше перечислили, выражают различные оттенки этого отношения.

•

У Варгаса Льосы есть роман под названием «Праздник козла», посвящённый событиям в Доминиканской Республики в период правления Рафаэля Трухильо, одного из самых одиозных диктаторов в истории.

Достаточно сказать, что в столице страны, переименованной в Сьюдад-Трухильо (город Трухильо), был установлен светившийся ночью электрический знак с надписью «Бог и Трухильо», который со временем был изменён на «Трухильо на земле, Бог на небесах».

К чему стремится классический диктатор типа Трухильо. К тому, чтобы ему лично принадлежали все деньги и все женщины этой страны, к тому, чтобы ни один мужчина в этой стране не мог называть себя «мужчиной», к тому, чтобы все признали: в этой стране он один обладает абсолютной неуязвимостью.

...другой вариант, как из-за своего очередного вожделения Зевс остановил само Время ...

Чем это обычно заканчивается, чем закончилось в случае с Трухильо, известно: покушением, убийством (что случается в случае с Зевсом, мы уже знаем).

Стало ли это уроком для других? Скорее, не стало.

Парадоксально, как бы ни был ты силён, какими бы ресурсами ни обладал, если нет у тебя спасительной «пятки» (спины, голени, запястья), ты уязвим с ног до головы, и никакая защитная броня тебя не спасёт.

•

Не раз приходилось писать о скульптуре Сальвадора Дали «Венера со вставными ящиками».

Откуда берутся эти ящики?

Возможны различные варианты, коснусь только двух.

Традиционное общество, традиционная семья, с детства ребёнку (и мальчику, и девочке, каждому по-своему) вживляют деревянные ящики, чтобы никаких спонтанных поступков, никаких спонтанных чувств, а ребёнок (мальчик по-своему, девочка по-своему), прожив целую жизнь, даже не подозревают, что в них живут (они не умирают) живые чувства, заглушённые этими деревянными ящиками.

Второй вариант. У человека (и у мужчины, и у женщины, у каждого по-своему) не было деревянных ящиков, он (она) был открыт к проявлению искренних чувств, но жизнь, Другой, нанесли обиду, ранили, предали, боль долго не проходит, и человек (и мужчина, и женщина, каждый по-своему) сам, по собственной инициативе, вживляет в себя деревянные ящики. Чтобы больше не повторились обида, предательство, чтобы избежать боли.

В этом смысле скульптуру Сальвадора Дали следовало бы назвать «Венера со вставными ящиками, или как избежать уязвимости».

•

Мир, в котором мы живём, продолжает оставаться мужским, не в том смысле, что он направлен против женщин, а в том смысле, что прямо или косвенно считается, что мужское доминирование – наиболее разумный способ регуляции взаимоотношений между мужчиной и женщиной как в обществе, так и в семье.

Так и хочется воскликнуть: бедные, бедные, мужчины, многие из вас сегодня (вчера была другая «река» времени) стали тяготиться ролью мужчины, сконструированной культурой (в той «реке» времени), многие из вас готовы соскочить (и соскакивают) из предписаний этой роли, но ничего не поделаешь, приходится подчиниться предписаниям исторической традиции.

А что это означает? Необходимость мимикрировать, притворяться не только перед другими, перед самим собой, притворяться, что они, мужчины, неуязвимы, что у них надёжная броня.

А чем это заканчивается? В лучшем случае битьём посуды и криками на кухне, в худшем – психлечебницей и самоубийством.

•

Продолжу с «бедными, бедными, мужчинами». Большинство из них (подавляющее большинство) жаждут неуязвимости. Сознательно или бессознательно, они уверены, что Чарльз Дарвин придумал теорию естественного отбора про них, мужчин. Сильный умирает или, если хотите, отмирает, сильный выживает. Жизнь – борьба, мужчина, способный бороться, – двигатель прогресса. Именно на мужчину постоянно кто-то ополчается, пытается отобрать его статус, его имущество, его женщину, приходится давать отпор, чтобы защитить свой статус, своё имущество, свою женщину.

Слово «мужчина» в этом смысле есть синоним «неуязвимости», и, соответственно, «уязвимость» – признак не настоящего мужчины, «недомужчины».

•

В той «реке» времени практически каждый мужчина хотел быть подобным Ахиллесу, без его пятки, иначе говоря, совершать великие поступки, а заодно завоёвывать, присваивать, но оставаться неуязвимым.

Может быть, в новой «реке» времени мужчины поймут, что в «пятке» Ахиллеса не только его уязвимость, но и его человечность, благодаря той же уязвимости.

Может быть, на место прошлого обаяния неуязвимости, обаяния быть сильнее Другого придёт обаяние уязвимости (открытости) перед Другим, которого не следует остерегаться.

•

Внук в переписке со мной сослался на не известного мне философа Тимоти Мортона и добавил собственный комментарий.

В культуре часто происходят истолкование истолкованного, истолкование истолкованного истолкованного, и т.д. Это естественно, только так возникает связь времён, только так возникает континуальное время культуры.

Итак, когда-то на нашей планете жили мамонты, в какой-то момент они вымерли, предположим, какой-то из мамонтов оставил след, этот след мамонта обнаружил проницательный следопыт, он сохранил этот след и пригласил учёных разобраться, эти учёные подтвердили, что это действительно след мамонта, и ещё они разъяснили, что этот след мамонта позволяет нам скорректировать наши знания об эволюции и тем самым о месте человека в мироздании.

Эта рациональная, а ещё в большей степени эмоциональная, информация попала к моему внуку, через него ко мне, и я заново пережил эту цепочку информации, не столько рациональную, сколько эмоциональную, и подумал (почувствовал, мысль-чувство) о том, что наше присутствие (не забудем, что это обычное слово, одновременно перевод на русский язык важнейшего понятия Мартина Хайдеггера «das man») в этом мире означает прежде всего нашу восприимчивость, нашу чувствительность (одна из модификаций «уязвимости») ко всеобщей связи вещей в этом мира, в данном случае цепочка от мамонта к следопыту, к учёному, к моему внуку и ко мне.

Странная, почти фантастическая цепочка, которая почти убеждает, что континуальное время культуры держится на нашей восприимчивости, на нашей чувствительности, иначе возникают смертельные разрывы, и мы теряем связи сначала с прошлым, потом с нашим окружением, потом с нашими близкими и родными, потом с самими собой.

Есть ещё один, чрезвычайно важный для меня аспект в переписке с внуком на темы «Тимоти Мортона». Дело в том, что в своём комментарии внук напомнил, что пишет эти строки приблизительно в дни годовщины смерти его бабушки, моей жены, о которой он слышал не только от меня (в большей степени от меня), но и от других.

Ещё один момент, хронология, которую я признал в лучшем случае культурной игрой (возможно, и игрой в бисер), не более того.

Так вот, внук родился ровно через 5 месяцев после того, как ушла из жизни его бабушка, моя жена: 17 апреля – 17 сентября.

•

Насколько могу судить, в английском языке есть два слова, так или иначе передающие смысл слова «уязвимый»: «sensitive» и «vulnerable».

В азербайджанском языке такого слова нет, но, как известно, в том или ином языке слова придумываются или используются близкие по смыслу, когда возникает необходимость высказать новый смысл или выразить новое чувство.

Мой молодой коллега, который знает и чувствует азербайджанский язык лучше меня, признавшись, что такого слова нет, предложил такой вариант yaralana bilen, что буквально означает «могущий быть ранимым».

Кто знает, может быть, эти два слова когда-нибудь объединятся и станут прилагательным, которое войдёт в словари азербайджанского языка в значении «уязвимый».

•

В одной статье, посвящённой памяти женщины, которая была активным деятелем «зелёного движения», прочёл: «Она была честной и ранимой».

Кстати, в той же статье сообщалось, что женщина завещала свои органы в качестве донора, и она теперь продолжает жить в других людях.

То ли случайно, то ли благодаря настройке моей локационной системы всё чаще слышу о том или ином человеке: «он (она) ранимый» в значении достоинства, а не слабости.

•

На мой взгляд, любовь – это взаимная уязвимость, и она исчезает, мгновенно улетучивается в тот момент, когда один (одна) из двух начинает пугаться этой уязвимости, а по существу остерегаться то ли другого, то ли самого себя.

•

И последнее, что мне хочется сказать, в «не подводя итогов».

Три тысячи лет отделяют Ахиллеса из «Илиады» и Джейка из «Фиесты».

Многое их сближает (друзья по несчастью?!), многое разделяет. Разделяет, на мой взгляд, историческая, социальная, психологическая, ментальная, прочая, прочая, ситуация «до войны» – «после войны».

Спорить на эту тему бессмысленно. Тот, кто поверил, тот поверил с самых первых моих строк, кто не поверил, не поверил, прочтя весь текст.

Кто поверил, стал самостоятельно находить новые доводы, новые аргументы в «реабилитацию уязвимости».

Кто не поверил, стал самостоятельно находить новые доводы, новые аргументы в то, что обаяние Силы не искоренимо, а обаяние неуязвимости – романтическая иллюзия.

2019, март, апрель.

ЭЛЬДАР ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ

Воспоминания

КАК Я ОБКАТАЛ СВОЙ АВТОМОБИЛЬ

Масса случаев, когда автомобиль подводил человека. Но не меньше – когда наоборот.

«Москвичей-412», ижевских, у меня было два: вначале желтый, официально – «охро-золотистый», но друзья его называли «цветом детской неожиданности», потом – слоновой кости, официально – «белая лилия». Первый, купленный, кстати, в рассрочку на четыре года, я обкатал в пределах Азербайджана: вначале на Абшероне, затем на подъемах и спусках Карабаха. А вот второй…

Второй «412-й» я решил обкатать в Туркмении, благо там живут близкие родственники, которых давно уже следовало проведать. Нетрудно представить поездку, когда в дорогу отправляется четверка закадычных друзей (все четверо – выпускники московского Литературного института имени Горького)… Въехали в трюм парома, доставляющего всех и вся на противоположный берег Каспия, закрепили, как положено на случай шторма, машину и поднялись в бар…

...Контрольно-пропускной пост ГАИ в Красноводске был «преодолен» исключительно благодаря сладкоречивости одного из моих друзей. Затем был ночной Небит-Даг с безмолвно мигающими светофорами на перекрестках, затем Кызыл-Арват, где случайно оказались на туркменской свадьбе, с которой нас хлебосольные хозяева не хотели отпускать; затем Ашхабад, опять же, с постовым ГАИ уточняли дорогу на Мары – конечный пункт нашего следования.

1000-километровая трасса Красноводск-Мары – наслаждение для автомобилиста. Прямая как стрела и гладкая как зеркало. Повороты – редкость. Гони не хочу. Вдоль всей трассы по обочинам – автоплощадки для отдыха водителей, которыми я ни разу не воспользовался. Гнал и гнал – свой «Москвич»…

Где-то между Кызыл-Арватом и Ашхабадом фары высветили «КАМАЗ» с прицепом. Так мы и шли некоторое время – он впереди, я сзади. «КАМАЗ», на языке профессионалов, «топил сотню» (т.е. шел со скоростью 100 км в час). Я пошел на обгон, ведь у меня был «Москвич», машина, которая только и просит, чтобы жали на акселератор. Но тут произошло непонятное: «КАМАЗ» взял влево. Я попытался обогнать справа – «КАМАЗ» круто взял вправо. Эти «маневры» тянулись довольно долго, пока, наконец, он резко не тормознул передо мной, и в ночной тиши раздались слова: «Выруби дальник, сука! Дальний выруби, падла! Все фары переломаю!» Оказалось, что я ослеплял его через зеркала заднего вида, установленные на дверях «тягача». Но я об этом и не подозревал. Надо было просто «держать» соответствующую дистанцию…

Тысячакилометровая трасса, пролегающая вдоль нижней каймы Каракумов, была успешно пройдена. Солнце поднялось над горизонтом, и начало припекать (было 26 мая 1991 года). Следовало только подремать минут десять и все бы было в порядке.

До города, который в древности именовался «Маре» (в настоящее время восстановлено дореволюционное название «Мерв»), оставалось километров двадцать… Трое моих друзей спали как младенцы (сказалась бурная жизнь на пароме и трасса)… Веки сомкнулись сами собой… Спал я две или три секунды на скорости 100 км, и проснулся на хруст гравия на обочине. Машину несло вправо, к небольшому обрыву. Резко взял влево, пытаясь спасти ее и пассажиров…

Сидевший рядом проснулся – и вцепился от страха в руль. Управление было потеряно, машину несколько раз перевернуло и закрутило на крыше, потом выбросило влево в барханы и... поставило на колеса. Все проснулись – и ни у кого не было… ни царапины. Только полетели все стекла в моем «М-412», и крыша его аккуратно «ушла» справа налево…

Так и доехали до Мары – «со сквознячком».

Потом мой двоюродный брат, профессиональный шофер-дальнобойщик, «просвещал»: «Чтобы не заснуть, мы грызем семечки, плещем в лицо водой...»

Трудно забыть жуткое чувство беспомощности перед неуправляемой опрокинувшейся полуторатонной машиной. Но более острое воспоминание – это огромный, черный, с мохнатыми лапами паук.

Может, то была фаланга, может, тарантул, а может, каракумский каракурт…

Я не арахнолог…

май 1991

ВОСПОМИНАНИЯ ЗАБАВНЫЕ И НЕ ТОЛЬКО

«Воспоминания – рай, из которого нет изгнания».
Иоганн Пауль Фридрих Рихтер, немецкий писатель

От автора: в нижеследующих текстах, в отличие от опусов борзописцев-графоманов, нет ни слова выдумки, лжи; по этому поводу во время своей лекции весело и весьма наглядно пошутил один из старейших преподавателей Литературного института: «Берется палец, вставляется в рот и начинается высасывание из него замечательных опусов».

Осень 1971 года. Начало второго курса Московского Литературного института имени М.Горького. Наш курс, как и все другие четыре курса Литинститута, составляли представители всех отделений Института – прозы, поэзии, драматургии, критики и художественного перевода.

Неожиданно из ректората сообщают, что весь наш второй курс отправляется «на картошку».

Через пару-тройку дней нас погрузили в «Икарус» и мы двинулись в пункт назначения, – район Луховицкий, совхоз Приокский, деревня Любичи. Дорога пролегала через такие старинные русские города, как Голутвин и Коломна. Затем небольшая паромная переправа через Оку.

По прибытии в Любичи в совхоз выяснилось, что вместо картошки нам предстоит копать кормовую свеклу, – свеклоуборочный комбайн стоял на ремонте.

Я, дитя асфальта, и представить себе не мог, насколько это тяжелый труд – копание кормовой свеклы вручную, простой лопатой. Не спасали никакие рукавицы, все ладони были в мозолях.

По прошествии нескольких дней на свекольном поле неожиданно появилась женщина, представилась дояркой и сообщила, что на их молочную ферму требуются два работника. Вверх взметнулись сразу две руки – автора этих строк, переводчика художественной литературы, и будущего драматурга Бори Волкова.

Мы были расселены по пустующим совхозным домикам, безо всяких спальных апартаментов. Спали вповалку на матрасах на полу. И лишь один наш однокурсник сразу же по расселении взобрался и оккупировал настоящую русскую печь. Это был Сейран Курбанов, мой земляк, из нашей азербайджанской группы переводчиков, сын известного азербайджанского Народного поэта Османа Сарывелли. Забавно было, просыпаясь по утрам, видеть чистокровного азербайджанца, сидящего свесив ноги в теплых джорабах (шерстяных носках с азербайджанским национальным орнаментом) на настоящей русской печи.

В нашу обязанность на ферме входила разгрузка вилами с телеги огромной горы силоса, комбикорма и раскладка всего этого по коровьим кормушкам.

...Доярка, которая была на ферме старшей, сразу же предупредила нас с Борей Волковым: кормление коров должно происходить не позже шести часов утра, иначе, добавила она с юмором, мычание коровок будет слышно даже на Луне. Пару раз нам, опоздавшим на 5-10 минут, пришлось убедиться в правоте слов доярки, как говорится, в натуре: казалось, что жуткое мычание было слышно далеко за Луной. Вспоминая фильм Георгия Данелии «Осенний марафон», можно сказать, что коровки кричали нечеловеческим голосом.

Мы с Борей добросовестно исполняли свои обязанности все полтора месяца пребывания «на свекле». За нашу работу добродушные доярки периодически потчевали нас великолепным домашним деревенским самогоном, который мы распивали с нехитрой закуской – домашняя колбаска с вкуснейшим черным хлебом; пиршество наше происходило сидя на днище перевернутой вверх дном лодки, с видом на расположенный невдалеке сельский погост. В один из дней мы посетили сей последний приют, ходили между могилами, с благоговением вчитываясь в старинные надгробные эпитафии.

А однажды утром произошло вот что. После обильного вечернего возлияния Борис не смог подняться и выйти на работу вовремя. Я помчался к коровнику один. Возница с телегой, полной корма, и запряженной в неё лошадью уже поджидали нас. Я всё успел и вошел в коровник. Все, – как говаривала моя покойная тёща, – жуйные животные спокойно поедали свой корм. И лишь одна из них – о, ужас! – неподвижно лежала на полу коровника на животе в огромной луже крови. Я как безумный помчался к дому старшей доярки сообщить об умирающей корове. С улыбкой слушая мой сбивчивый рассказ, она спросила:

– Милок, родной, а ты как, женат али холост?

Оторопев от ее вопроса, я ответил, что пока холостой. Она весело рассмеялась, и все прояснилось. Это оказалось обычным у животных явлением, как менструация у женщин.

Боря все-таки, покачиваясь, припёрся, приполз. И так же, как я, остолбенел при виде этой лужи крови. Немного погодя в коровнике появилась старшая доярка с огромной четвертью мутного первача в руках и весёлым огоньком в глазах. Это было в знак благодарности мне, как «спасителю умирающей коровы».

С легким сердцем мы с Борей пошли в столовую на завтрак, где с раннего утра заправляли студентки всего нашего второго курса, пока мы, мужики, совершали трудовые подвиги на свекле и в коровнике.

После недели работы на этой молочной ферме, – где я впервые попробовал парное молоко и сделал так много открытий для себя, – от нас с Борисом за версту несло весьма специфическим запахом коровьего корма. Нас перестали пускать в сельский клуб, где по вечерам крутили кинофильмы.

Как-то раз, проходя мимо клуба, – а дело было днём, – я через окно разглядел огромный стенд во всю стену, заполненный рисунками. Меня это сильно заинтересовало. И благо мой специфический запах в этот момент никому не мог помешать, я вошёл в клуб. Стенд целиком был посвящен Героям Советского Союза.

Рассматривая рисунки, я вдруг остановился как вкопанный. На одном из них я увидел имя и фамилию: Зия Буниядов. Герой Советского Союза, азербайджанец, командир Зия Буниядов был изображён во весь рост с выброшенной вверх рукой с пистолетом, поднявшим своих бойцов в атаку при форсировании реки.

Уже по окончании учёбы в Литинституте мне посчастливилось вживе увидеть, познакомиться с Зиёй Мусаевичем Буниядовым в его кабинете вице-президента Академии наук Азербайджана. Понадобилась консультация этого выдающегося ученого-востоковеда по поводу нашей семейной реликвии – рукописей и рисунков знаменитой азербайджанской поэтессы XIX века Хуршудбану Натаван. Я выполнял завет отца: бережно сохранить для нашего азербайджанского народа данное культурное наследие.

Обратиться к Зие Буниядову мне посоветовал известный азербайджанский журналист Александр Пархоменко, который незадолго перед этим брал у вице-президента интервью.

Беседу с Зиёй Мусаевичем я сразу же начал с рассказа о незабываемой встрече с ним, имевшей место в простом совхозном клубе в деревне Любичи. Он принялся во всех подробностях расспрашивать об этом эпизоде из моей жизни.

...Зия Мусаевич долго не мог оторвать взгляда от легших к нему на стол листков со стихами и уникальными рисунками великой Хуршудбану Натаван. Вердикт его был таков:

– Эльдар, всему этому нет цены. А если и есть – то весьма немалая. К великому сожалению, наша Академия наук в данный момент никакими средствами не располагает. – И тут же расплылся в улыбке: – Ты видел охранника внизу? Так вот моя зарплата гораздо меньше, чем у него. Давай сделаем так. Ты все-таки покажи все это чудо в наш Институт рукописей, посмотри, что скажут они.

С легкой руки Зии Мусаевича я познакомился со специалистами Института рукописей. Среди них оказалась и прямая родственница Натаван, которая заведовала одним из отделов Института. Все они вместе с ученым секретарем Института восхищенно, с благоговением рассматривали небольшие листки, которые я разложил перед ними. И – с сожалением подтвердили слова вице-президента, настоятельно посоветовав идти прямо к министру культуры Поладу Бюльбюльоглу.

Я дружил с директором Выставочного салона им.Саттара Бахлулзаде Эльдаром Халыговым. Салон напрямую подчинялся Министерству культуры, директор салона регулярно встречался с министром и взял на себя миссию доложить ему обо всем этом.

Благодаря лично Поладу Бюльбюльоглу дело сдвинулось с мертвой точки, всё закрутилось-завертелось. Минкультуры запросило акты экспертиз у Института рукописей и Музея искусств. Подлинность рукописей и рисунков Хуршидбану Натаван была полностью подтверждена. В результате Министерство культуры Азербайджана стало собственником этого культурного наследия, и в настоящее время бесценные творения великой азербайджанской поэтессы хранятся в Театральном музее Министерства культуры нашей республики.

Перед тем как попрощаться, я сказал:

– Зия Мусаевич, я как-то увидел вас стоящим на краю тротуара здесь, у здания Президиума Академии. Было видно, что вы ждёте машину. День был солнечный, и на груди у вас ярко сверкала золотая звезда Героя Советского Союза. И тут я подумал: а что если какому-то сумасшедшему вдруг взбредёт в голову сорвать её и дать дёру?

Зия Мусаевич улыбнулся и ответил:

– Эльдарчик, родной, не волнуйся. Всё предусмотрено. После вручения этой награды спускаешься в канцелярию Кремля, где ты получаешь её медную копию. Её ты и видел сверкающей на моём пиджаке! А оригинал, конечно, надёжно храним.

***

Лето 1974 года. Дом творчества писателей в городе Гагра. Там была отличная бильярдная, где собирались любители этой игры – и после завтрака, и в послеобеденное время. Любил захаживать туда и поэт Михаил Дудин. Он запомнился мне не только стихами, но и своей высокой худощавой фигурой и красной рубашкой. Его всегда кто-нибудь просил почитать стихи. Они всегда были серьёзные, хорошие, добрые. А вот однажды он выдал супер-юморное.

Время было утреннее. Столовая Дома творчества была заполнена отдыхающими. Все были поглощены завтраком. Контингент был самый разнообразный. Здесь были прозаики, поэты, драматурги, критики, литературоведы, сценаристы, переводчики, – представители почти всех национальностей Советского Союза. А были также, по шутливому определению одной известной писательницы, жёписы (жёны писателей), мудописы (мужья дочерей писателей); я бы от себя добавил ещё и жёперов (жён переводчиков).

В самый разгар утреннего приёма пищи в дверях столовой появляется в своей красной рубашке припозднившийся Михаил Дудин, присаживается за соседний с нами столик и во всеуслышание, громогласно, весело вещает:

Михаил Александрович Шолохов
Для читателей сложен и труден,
Поэтому пишет для олухов
Михаил Александрович Дудин.

Все, кто слышали, бурно зааплодировали.
Дудин встал из-за стола и сделал несколько поклонов.

***

Лето 1967 года. Снова еду в мою любимую Гагру. Летал я туда самолётом и ездил поездом через Тбилиси. На сей раз был поезд. Один или два вагона с табличками «Баку-Сочи» цепляли к поезду «Баку-Тбилиси». В Тбилиси их отстёгивали и пристёгивали к поезду «Тбилиси-Сочи». Поезд из Баку приходил в Тбилиси утром, а вагоны отстёгивали и пристёгивали поздно вечером, если мне не изменяет память, в 23.00. Это позволяло бакинским пассажирам погулять по улицам прекрасной столицы Грузии, подняться на фуникулёр, чтобы, обозревая оттуда окрестности, поесть отменного шашлыка и попить отменного грузинского вина. Всё это занимало целый день.

Пообедав, я спустился в центр города и, не успев войти в метро, увидел постового милиционера, который указательным пальцем подзывал именно меня. Я подошёл к нему, и он, широко улыбаясь, предложил спуститься вместе с ним вниз по специальной лестнице. Там внизу, в небольшом кабинетике, сидел его милицейский начальник. При виде нас он тоже улыбнулся и попросил у меня документы. Я выложил их ему на стол вместе с путёвкой в Дом творчества писателей и спросил, чем конкретно заинтересовала их моя персона, что такого я натворил. И тут он опять же с улыбкой спросил:

– Почему такой лысый, бритоголовый?

– Я каждое лето брею свою дурацкую башку налысо, – не мудрствуя лукаво ответил я.

Он аккуратно сложил мои бумаги, вручил их мне и объяснил причину моего задержания.

Оказалось, что из тбилисского кичмана бежало два уркана, – совсем как в известной песенке. Естественно, оба они были бриты наголо и, видимо, очень походили на меня.

Я всё это живо представил и весело рассмеялся. Поручив постовому проводить меня наверх к эскалатору, начальник вдруг неожиданно сказал:

– Ты же азербайджанец?

– Конечно, – ответил я. – Вы же видели все мои документы.

Он опять усмехнулся своей широкой улыбкой и тут буквально выкрикнул:

– Только не сом**é**х!

Зная немало фраз и выражений на грузинском языке благодаря моим грузинским друзьям, я узнал от милицейского начальника новое слово «с**о́**мехи», которое означало не что иное, как «армянин».

Вот такая интересная была дружба народов...

***

Приключение моё в тбилисском метро я вспоминал многажды. Но особенно остро и отчётливо оно всплыло в памяти, когда я читал толстенный роман армянина Александра Вермишева «Амирспасалар»; в нём всё историческое преднамеренно и целенаправлено извращено, напутано-перепутано до невозможности. Более гадкого «произведения» я, потомственный литератор, выпускник Литературного института имени Горького, не встречал.

Так называемый роман вышел в издательстве Министерства обороны СССР огромным тиражом – если я правильно помню, 60 тысяч экземпляров.

Предисловие к «роману» написано советским писателем Степаном Злобиным. Любопытно, что автор предисловия вне всякой логики подчёркивает: всему изложенному в романе можно верить безоговорочно уже хотя бы потому, что «несколько поколений рода Вермишевых захоронено в Армении».

Автор «романа» утверждает: никакого Грузинского государства в истории никогда не существовало, а государство было только армяно-грузинским. Царицу Тамару автор «романа» выдаёт замуж за какого-то русского князя-сифилитика; познав о болезни суженого, она, вся в слезах, с жалобой прибегает к отцу... А руководит, командует «армяно-грузинским государством» некий Закарэ.

Одна из самых примечательных глав данного «произведения» называется «армянская конница». В битве с полчищем кочевников волею автора «трусливые» грузинские воины позорно дают дёру с поля сражения, а отбивает атаку не кто иной как «армянская конница».

Название «Амирспасалар» в переводе с фарси означает «полководец». А здесь, конечно же, подразумевается главнокомандующий.

Самое замечательное – концовка «романа».

Этот «величайший полководец всех времён и народов» Закарэ вместе с сыновьями едет вдоль пограничной с Ираном реки Араз, и один из сыновей вдруг вопрошает, показывая рукой через реку:

– Отец, а когда же на ту сторону?!

И слышит в ответ:

– Всему своё время, сынок...

Пишу эти строки, и в памяти всплывают слова моего друга, сотрудника Главной редакции Грузинской Советской Энциклопедии: «Армяне постоянно искажали и продолжают искажать нашу грузинскую историю».

***

В ответ на этот оскорбительный для Грузии и грузин опус в органе Союза писателей Грузии журнале «Литературная Грузия» вышла статья под названием «Что разрушает дружбу». А в центре Тбилиси было устроено публичное сожжение попавшей в Грузию части огромного тиража этой оскорбительной для всей грузинской нации пачкотни.

Вот такая была дружба народов...

***

Глубокая осень 1968 года. Бакинский электроламповый завод «Азерэлектросвет», – где я, студент-заочник второго курса энергетического факультета Азербайджанского Института нефти и химии работал техником по вентиляции, – посылает меня в рабочую командировку в Москву.

Все десять командировочных дней я жил в гостинице «Россия» и наскоро питался в её буфетах. Завершив командировочные дела с обратным билетом в кармане я решил вкусно поужинать в ресторане гостиницы «Националь», который был мне знаком до этого.

В головном ресторане гостиницы свободных мест не оказалось, он был забит посетителями до отказа. Администратор-распорядитель предложил мне место в небольшом банкетном зале, в котором по поводу окончания Всесоюзного съезда художников собралась делегация Белорусской ССР. Когда меня усадили на свободное место за столом, банкет был в самом разгаре.

Моим соседом оказался немолодой художник, который по-простому, безо всякого отчества, представился Абрамом и стал расспрашивать, кто я и откуда, и что делаю в Москве.

Звучали многочисленные тосты, здравицы.

И тут, уже под занавес банкета, поднимается из-за стола рослый, краснощекий, с седой копной волос, весьма приятной наружности мужик и, слегка покачиваясь, торжественно, с чувством произносит странную для меня фразу, от которой я чуть было не свалился со стула:

– И всё-таки мы, белорусы, по-другому пахнем!..

Все дружно зааплодировали. Примечательно, что мой сосед по столу Абрам, с которым я за короткое время успел подружиться, присоединившись к аплодисментам, активно закивал головой.

***

Милицейский чин, который заправлял пропиской в нашей общаге, располагался в своей конторе на соседней улице. Сразу после зачисления всем нам, первокурсникам, следовало прописаться. В самом начале процедуры мордатый милицейский чин с заспанным недовольным лицом ошеломил меня прямо-таки идиотским вопросом:

– А что, у вас в Баку нету такого института?! Чего вы все сюда лезете?

Пришлось ему популярно объяснять:

– Вы, видимо, не в курсах, что такой замечательный Литературный институт – единственный на весь Советский Союз. И вместе со мной, кстати, будут учиться также и иракский араб, прозаик Бурхан Хасан, монгольский критик Цедев Барын, болгарин Божидар Пачинов и представители советских республик.

Вот такая была дружба народов...

***

Очередное моё лето пребывания в любимой Гагре благодаря Литературному фонду Союза писателей Азербайджана. Пляж Дома творчества. Лежим на горячем галечнике в компании очаровательных женщин. Наблюдаем картину страшенной черноморской штормяги: волны – в два человеческих роста. И тут один из пляжников по имени Гурген, отдыхающий здесь по курсовке, решил щегольнуть перед загорающими на пляже красавицами и полез в штормящее море. Полезть-то он полез, а вот вылезти – хрен, и только махал руками. И мне не впервой пришлось спасать утопающего. Я – любитель экстрима, любитель подобных штормов, бросился его спасать. Вытащил я его на берег. И что я услышал?

– Эльдар! Я не просил меня спасать, просто ногу свело судорогой, и я кричал, чтобы бросили мне булавку!

Раздался дружный смех: видимо, девушки ярко себе представили азербайджанца Эльдара, бросающего армянину Гургену булавку в такую штормягу.

Вот такая была дружба народов...

***

Играем в шахматы с поэтом Евгением Журавлевым у него дома в его хрущёвке. Раздаётся звонок в дверь – и на пороге появляется главный редактор моего «Литературного Азербайжана». Партию в шахматы в Женей выиграл я, и Мансур сел играть со мной. И вдруг в середине партии он поднимает голову и говорит:

– Смотрите, какие строки выдал наш Сиявуш Мамедзаде:

Скала не знала, что она скала,
Об имени своём не ведал ветер,
И на ещё не названной планете
Природа безымянная спала.

Пока мы играли, он, время от времени отрываясь от шахматной партии, восхищённо вопрошал: «Как это он написал?!..»

***

С нами в азербайджанской группе переводчиков училась весёлая девушка Улдуз Садыхова. И вот на одном из занятий по текущей советской литературе Юрий Сергеевич Пухов, который вёл этот курс, после переклички спрашивает:

– Улдуз, как правильно, вы – Садыхова или Садыкова?

И вот наша Улдуз машет рукой и весело отвечает:

– А какая разница?

И Юрий Сергеевич говорит:

– Улдуз, ну я же, например, не Пуков, а Пухов!

***

Весна 1977 года.

Свадьба моей двоюродной сестры Валентины в туркменском городе Мары (ныне Мерв).

Отец Вали, дядя Идрис, дальнобойщик, родной брат моей матери Ширин, с фронта Второй мировой весь израненный, в осколках, был доставлен в эвакогоспиталь в Мары, где жили его родители, мой дед Мустафа Алиев, эксперт по коврам, и бабушка Фатьма. В госпитале его выхаживала милая русская девушка, медсестра Зоя. С которой они и поженились, у них родились первенец Фазиль и дочь Валентина.

Валя выходила замуж за сына военного лётчика, майора Пантыкина, служившего на аэродроме в Мары. В будущем этот аэродром станет основным перевалочным пунктом в грядущей войне в Афганистане.

Мой дядя Идрис устроил свадебное пиршество по первому разряду. Во дворе дедовского дома накрыл длиннющий стол, который был уставлен одними пятизвёздочными коньяками. Приглашенными со стороны жениха были человек двадцать лётчиков офицерского звания с военного аэродрома Мары. Я смотрел на них и недоумевал: никто из них даже не думал прикасаться к этому морю дорогого коньяка... Заметив моё удивление, мой дядька Идрис шепнул мне на ухо: «Сейчас всё увидишь». Буквально через минуту-другую к дому подкатил аэродромовский грузовичок, и два солдатика стали выгружать с него канистры. Офицеры за столом оживились. И тут дядя снова шепнул мне: «Имей в виду, это их фирменный самогон, собственного изготовления, 70-градусный, – даже не вздумай к нему прикасаться!» Надо было видеть, с каким воодушевлением они стали разливать этот напиток.

И свадьба запела и заплясала.

***

1987 год. Жестянщик Шурик, армянин по национальности, который реанимировал мой «Москвич-412», по окончании ремонта вдруг неожиданно пригласил меня вместе с моим другом на сороковины своего родственника в село Мартунинского района Карабаха.

Выехали из Баку мы на трёх машинах – на двух ГАЗ-21 и моем 412. В место назначения прибыли в 3 часа ночи. Нас уже ждали. Один из родни Шурика стал разносить чай. Ночной этот чай он разнёс всем, кроме нас, двоих азербайджанцев. Чай нам принесли, только когда Шурик прикрикнул на них на армянском и на русском, что мы – его друзья.

Вот такая была дружба народов. Которая закончилась вводом советских войск в Баку в январе 1990 года и многочисленными жертвами.

...С раннего утра началась подготовка к сороковинам, хозяева открыли подвал дома и не преминули похвастаться перед нами его богатым содержимым – огромными стеклянными ёмкостями с вином и самогоном. Любопытно, что двор дома был засеян маком. Я спросил хозяина дома, зачем столько мака. И услышал в ответ:

– Как зачем? Семена мака набиваем в «Казбек» – и курим.

***

Лето 1976 года. Рижское взморье, Дубулты, Дом творчества писателей. По соседству располагался санаторий, в котором отдыхали руководители компартии и советского правительсива. И вот в один из дней как обычно лежу на пляже и вижу: вдоль берега идёт председатель Совета министров СССР Алексей Николаевич Косыгин в сопровождении двух охранников – один спереди, второй сзади, которые беспрерывно переговариваются по рации. И тут вижу, как в чёрном купальнике бежит по пляжу народная артистка Элина Абрамовна Быстрицкая, которая, как говорили, отдыхала в этом же правительственном санатории. Забавно было наблюдать эти пробежки советской красавицы туда-сюда перед медленно гуляющим Косыгиным и его охранниками, не выпускающими из рук свои рации.

Эту картину я лицезрел несколько раз. Видно было, что Косыгин и его охранники прекрасно знают бегунью в чёрном купальнике, а она в свою очередь прекрасно знает, перед кем бегает.

***

В это же лето 1976 года в нашем Доме творчества отдыхали такие личности как драматург Алексей Арбузов, театральный режиссёр Юрий Любимов с женой актрисой Людмилой Целиковской, писательница Мариэтта Шагинян, грузинский поэт Михаил Квливидзе.

Мне забавно было наблюдать как далеко не бедный человек, Алексей Арбузов, стоя в буфете, сосредоточенно отсчитывал на ладони мелочь, чтобы заплатить за рюмку коньяка, которую любил принимать перед обедом.

Однажды во дворе Дома творчества появилась чёрная «Чайка». Из неё вышел главный редактор «Литературной газеты» Александр Чаковский и вместе с вышедшим к нему навстречу директором проследовал в холл. Он пробыл здесь несколько дней. В один из этих дней я невольно становлюсь свидетелем короткого забавного диалога. Любимой обувью Любимова были деревянные сабо. Чаковский сидел в холле и курил сигару. Тут появляется Юрий Любимов, как всегда, стуча своими сабо. Выпустив струю дыма, Чаковский громким недовольным голосом произносит, обращаясь к проходящему мимо театральному режиссёру:

– Вы, наконец, перестанете стучать своими деревяшками?!

– Перестану, – парировал Любимов, – когда вы перестанете дымить в лифте своими вонючими сигарами.

...Когда Чаковский, попрощавшись со всеми, кто в этот момент находился в холле, пошёл к ожидавшей его машине, я подошёл к стеклянной двери и смотрел, как он отъезжает. Подошёл и Любимов и, хотя прекрасно знал марку машины, небрежно бросил:

– Это что там, «Чайка», что ли?..

...В буфете Дома творчества всегда было прекрасное рижское пиво. Захожу как-то в этот буфет – и вижу там у буфетной стойки Людмилу Целиковскую, она покупала что-то сладкое на десерт к чаю. Сразу же подхожу к знаменитой актрисе и рассыпаюсь в комплиментах, и заканчиваю наше короткое общение весьма и весьма сомнительным комплиментом:

– Вы любимая актриса моего далёкого детства! Я видел все фильмы с вашим участием.

Она тепло поблагодарила и пошла на обед в столовую. Я же, допивая свою бутылку чудесного пива, вдруг ощутил, какую допустил оплошность касательно возраста этой всё ещё прекрасной актрисы, привлекательной женщины. Но было уже поздно...

***

Лето 1960 года. Мне 17 лет. Я нахожусь уже в нашем родном азербайджанском Доме творчества писателей, расположенном в пригороде Баку, приморском, курортном посёлке Шувялан.

В открывшийся этим же летом наш Дом творчества начался заезд литераторов со всей огромной страны. Среди новоприбывших оказались и два студента Литературного института из первой азербайджанской группы переводчиков – поэтесса Алла Ахундова и писатель Сиявуш Мамедзаде. Сиявушу в ту пору было невступно 25 лет. Самое забавное здесь – это когда только-только познакомившийся со мной Сиявуш неожиданно спросил, имеется ли тут танцевальная площадка. А её ещё не было.

...Единственным транспортным средством Дома творчества являлся пока грузовик ГАЗ-51, штатным водителем которого был шувяланец Идрис. Среди прочих основными обязанностями Ибриса были две: обеспечение свежайшими продуктами питания нашей столовой и доставка в кузове ГАЗ-51-го литераторов на пляж. Желающих окунуться в Каспий, поплавать вместе с осетровыми, лососевыми и сельдёвыми – было предостаточно. Женского пола было всего две особы, они усаживались в кабину к водителю, а представители мужского пола набивались в кузов грузовика. Местное ГАИ внимания на это милое нарушение не обращало. Подружившись с водителем, я, недолго думая, стал проситься за руль, благо немалый опыт вождения на персональных должностных советских легковушках моих дядьев уже имел, начиная со знаменитой М-1 («эмка») и кончая «Победой» и «Волгой» ГАЗ-21.

Дружелюбно относившийся ко мне шофер Идрис предоставил мне такую возможность. Пишущую братию он возил на берег моря ежедневно. А теперь этим с удовольствием занимался я, а Идрис же всегда сидел рядом. Что немало умиляло обитателей Дома творчества, особенно Аллу Ахундову и Сиявуша Мамедзаде. И только один раз довелось поводить наш грузовик без надзора Идриса. Водитель чем-то сильно травануся и не смог выйти на работу. Несмотря на то, что отдыхающие литераторы, естественно, сразу прознали про это обстоятельство, это никого не напугало. Две наши дамы весело залезли ко мне в кабину и уселись рядом. А мужичьё как всегда полезло в кузов. Пишу эти строки и с удовольствием вспоминаю, как все они бесстрашно доверили мне, 17-летнему пацану, свои жизни.

Я благополучно пересёк рельсы электрички и доставил своих пассажиров на пляж и после их купанья-загоранья так же благополучно, не встретив ни одного гаишника, доставил их к обеду. Прозаики, поэты, литературоведы от души благодарили меня за состоявшуюся поездку, за то, что у них из их драгоценного морского отдыха не было потеряло ни одного дня.

Тут хочется упомянуть другое забавное умиление Сиявуша Мамедзаде. Я любил тренироваться, расхаживать во дворе Дома творчества на руках и ежедневно поднимался на руках по ступенькам, ведущим к нашему плавательному бассейну посреди двора, и точно таким же образом – на второй этаж старого корпуса. Об этом с большой теплотой Сиявуш вспоминал в газете «Вышка» в своем «Запоздалом поздравлении» по поводу моего 60-летия.

Так и хочется воскликнуть строчкой великолепного азербайджанского поэта-лирика Микаил Мушвига: «О, если бы то лето повторилось!..»

***

Мариэтта Шагинян (1888-1982) взялась за перевод на русский язык «Сокровищницы тайн» великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви. Помочь ей в этом деле, то есть подготовить подстрочники с фарси, попросили моего отца Гусейна Шарифа, который в ту пору работал заведующим редакцией переводной художественной литературы Азербайджанского государственного издательства «Азернешр». Отец свободно владел фарси, который начал изучать ещё в школьные годы. Завязалась настоящая творческая дружба моего отца с Мариэттой Сергеевной, активная переписка. В нашей солидной домашней библиотеке сразу же появилось красочное московское издание на русском языке книги «Армянские сказки» в переводе супруга М.Шагинян и с иллюстрациями Мартироса Сарьяна. В процессе работы над переводом Шагинян несколько раз приезжала в Баку, а отец бывал в служебных командировках в Москве и всякий раз встречался с ней в её квартире на Арбате. В одну из последних встреч, как рассказывал отец, Шагинян неожиданно встаёт из-за стола и скрывается в соседней комнате.

Спустя минуту-другую возвращается, держа в руках канцелярскую папку с завязками и говорит: «Гусейн, это тебе мой подарок, моя готовая диссертация. Иди, защищайся». Ошарашенный таким предложением, отец, поблагодарив, ответил, что никогда в жизни не присваивал результатов чужого труда.

Была вот в СССР и такая дружба народов...

***

1981 год, ранняя осень. Главный редактор Госкомиздата Азербайджанской ССР Альфи Гасымов и я, ведущий редактор, отправляемся в бархатный сезон в отпуск в Крым, в ялтинский Дом творчества писателей. Сразу же по приезде, в столовой, мы с Альфи оказались за одним столом с тогда уже широко известной поэтессой Светланой Мекшен из города Липецка. Это был добрейшей души человек, красавица-славянка. С первого же дня знакомства мы прониклись друг к другу симпатией и подружились, ездили вместе на экскурсии, ходили в ресторан. Однажды произошёл забавный случай. Мы втроем решили посетить ресторан «Учан су» у знаменитого водопада. Ожидали увидеть мощнейшее падение потока воды с высоты, описанное во всей классической, и не только русской, литературе, а узрели, к величайшему сожалению, тоненькую струйку. Мы стояли под высоченными соснами и наблюдали белоклетяг, которые прыгали, перелетали с сосны на сосну. Света Мекшен такое видела и прежде. Мы же с Альфи Гасымовым, хотя и бывали в Ялте до этого, подобное лицезрели впервые в жизни, сильно разинув рты от восхищения.

Уже в ресторане официант пояснил, что водопад стал усыхать. В кабинете, где мы сидели, стоял старинный, дореволюционный граммофон со старой пластинкой на диске с мощной звуковой трубой. Света недолго думая весело попросила завести сей агрегат. Официант ответил, что, к сожалению, куда-то подевалась игла, но он попытается разыскать её для нас, и вышел из кабинета. Света высказала мысль, что официанта необходимо «подмазать». Мы с Альфи дружно поддержали эту идею, и Света радостно зазвонила в стоявший на столе медный колокольчик вызова. Официант появился так быстро, будто стоял за дверью, – и торжественно держал в руках заветную иглу. Граммофон зазвучал во всю свою мощь старинным русским романсом «Гори, гори, моя звезда». Трапеза запомнилась предложенным официантом нежнейшим, изысканным блюдом из горных куропаток.

...Апартамент Светланы располагался на втором этаже нашего жилого корпуса, прямо под моим, находившимся на третьем этаже. По утром я будил ее на завтрак мелкими монетками, которые я бросал на выступающий металлический карниз её окна, и которые потом, по моей наводке, радостно собирала местная ребятня.

В один из дней перед отъездом Светлана вдруг ляпнула, что её волнуют мои роскошные каштановые усы, которые в то время имелись на моей мордуленции, и заявила, что хочет посвятить мне стихотворение.

Продлившая пребывание в Доме творчества ещё на один срок Светлана Мекшен провожала нас с Альфи Гасымовым до самого симферопольского аэропорта, где я снял с руки свои часы «Ракета» и подарил их ей на память.

По возвращении из Ялты всю эту петрушенцию я рассказал одному из своих одногруппников по Литинституту. Прошла неделя-другая, и в газете «Молодёжь Азербайджана» вышел его небольшой рассказик «Звон монет». Газету я немедленно отправил Светлане в Липецк. В ответ я получил письмо, где она сообщала, что посвящённое мне стихотворение «Портрет» напечатано в газете «Крымская правда».

Спустя несколько месяцев, в 1982 году, в московском издательстве «Молодая гвардия», тиражом 25.000 экземпляров, выходит стихотворение, название которого «Портрет» она выносит в название книги.

Покойный главный редактор «Литературного Азербайджана» Мансур Векилов впоследствии шутливо много раз повторял: «Считай, Эльдар, что ты опубликовался в Москве тиражом двадцать пять тысяч экземпляров».

Вот это стихотворение:

П О Р Т Р Е Т

Эльдару Шарифову

Люблю сосредоточенные лица,
Когда не нараспашку и не вдруг,
Не для благих услуг фотопровидца
Обострены и зрение и слух.

Среди словесной слякоти и наледи,
Когда речистость хлещет, смысл топя,
Всегда найдётся тот, кто выйдет на люди
Не показаться – вслушаться в себя.

Восторженность его почти бесшумная,
Возвышенность – без спешной городьбы.
Ведь он не просто существо разумное,
А редкий слиток собственной судьбы.

В эпоху, где сверхскорость и сверхточность
Способны расшатать земную ось,
Быть может, лишь одна сосредоточенность
Не даст сложиться жизни на авось.

Невысказанность в нас не онемеет,
Пусть даже голос сдержан, отзвук тих,
Ведь тот, кто вслушаться в себя умеет,
Всегда умеет вслушаться в других.

Ялта, осень 1981.

Была вот в СССР и такая дружба народов – между талантливейшей обаятельнейшей славянкой из Липецка и двумя турками-азербайджанцами из Баку.

Уважаемый Эльдар-муаллим!

Поздравляем вас – талантливого писателя-публициста и переводчика – с 80-летним юбилеем!

Во время учебы в Московском Литературном институте имени М.Горького (отделение художественного перевода) вы были удостоены Ленинской стипендии и окончили Институт с красным дипломом (с отличием). По завершении образования вы были направлены на работу в Азербайджанский педагогический институт им.В.И.Ленина, на кафедру русской и зарубежной литературы, которую возглавлял народный писатель Азербайджана Исмаил Шыхлы.

С открытием издательства художественной литературы «Язычы» вы были переведены в данное издательство на должность редактора-переводчика и через некоторое время стали старшим редактором.

Впоследствии. через несколько лет издательской работы, вы были переведены на должность ведущего редактора в Государственный комитет Азербайджанской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли (Госкомиздат). Ваша профессиональная деятельность продолжилась в журнале «Русский язык и литература» в азербайджанской школе» (заместитель главного редактора); в газете «Эконом-экспресс» (зам.главного редактора); в роман-газете «Араз», органе Союза писателей Азербайджана (зам.главного редактора); в президентском журнале «Юрд» (ответственный секретарь).

С 1998 года и по настоящее время вы являетесь ответственным секретарем журнала «Литературный Азербайджан».

Примечательно, что начало вашей журналистской деятельности относится к 1962 году, когда вы, 19-летний юноша, будучи электрослесарем Бакинского электромашиностроительного завода (БЭМЗ) опубликовались в многотиражной газете «За нефтяные кадры».

Вы серьезно занимаетесь художественным переводом. Сказки на основе сюжетов «Хамсэ» («Пятерица») гениального азербайджанского поэта Низами Гянджеви вы донесли до русскоязычных читателей.

Вы переложили на русский язык образцы творчества таких видных азербайджанских мастеров художественного слова как Мирза Ибрагимов, Сулейман Рустам, Исмаил Шыхлы, Фарман Керимзаде, Юсиф Гасанбек.

Вы – также редактор и переводчик книги воспоминаний о видном советском государственном деятеле Азизе Алиеве, долгие годы возглавлявшем Дагестанский обком КПСС, в светлую память которого названа одна из центральных улиц столицы Дагестана города Махачкалы. В этой замечательной книге об Азизе Алиеве тепло вспоминает знаменитый народный поэт Дагестана Расул Гамзатов.

Вашему перу принадлежат с любовью выписанные воспоминания о таком прекрасном поэте как Евгений Евтушенко, дружба с которым завязалась на пляже Дома творчества писателей в курортном городе Гагра в ноябре 1969 года и продолжилась в Москве, когда вы уже стали студентом Литинститута («Между городом «Да» и городом «Нет», журнал «Литературный Азербайджан», №5, 2017г.)

Ещё одной из ваших интересных работ является перевод уникального прижизненного издания (1903 г.), широко отражающего жизнь и деятельность великого азербайджанского мецената Гаджи Зейналабдина Тагиева.

Ваши художественные переводы отличаются профессиональным уровнем, максимальной близостью к духу оригинала.

Уважаемый Эльдар-муаллим!

Ещё раз поздравляем вас в связи с 80-летним юбилеем, желаем вам здоровья, долгих лет жизни, новых и новых творческих успехов.

Объединение писателей Азербайджана
(«Адабийят газети», 03 июня 2023 г.)

Сотрудники редакции от всей души поздравляют нашего любимого и капризного, педантичного, скрупулезного и неповторимого, вечно юного Эльдар-муаллима со столь славной датой, которая с ним совсем не вяжется.

Всегда рады слышать его бодрый и жизнерадостный голос.

С пожеланиями крепкого здоровья и удачи во всем.

Коллектив журнала «Литературный Азербайджан»

ЛАЧИН

Посмертный танец Яаны Тамаренко

Рассказ

соч. 100

Памяти Элисио Диего

Отец семнадцатилетней Яаны Тамаренко (окрещённой в честь испанского дедушки Яана), намаявшись в Константинополе, решился ехать в Аргентину, ибо пришёл к выводу, что совдепия падёт не скоро.

Он сказал об этом за завтраком, вяло шевеля усами.

Она же объявила невпопад, что видела у Никанора Платоновича молодого офицера, он элегантен, но холоден, коренаст, но несколько женственен манерами, постоянно зевал, но его манеры выдавали истинного петербуржца. Он пропал неожиданно; никто не знает, кто он и кем приглашён, даже хозяева. И она бросила взгляд в окно, если не страстный, то, по меньшей мере, с оттенком страсти в посиневших глазах, изобличавшим в ней испанское начало.

Отец многозначительно оглянул её, крякнул, надел потрёпанную в рядах Врангеля фуражку и вышел.

Незнакомец вновь встретился через день, невдали от храма Святой Софии, арестованного четырьмя минаретами. Брюнет стоял на углу, в гражданском платье, ковыряя под рыжими усами зубочисткой.

Миновав его, она оступилась и могла бы упасть, но незнакомец поддержал её под локоть, нежданно вырастя рядом. Поблагодарив по-русски и французски, она удалилась несколько поспешно, смущённая спокойным и тяжёлым взглядом чёрных глаз. Обернулась через квартал и, сладко испуганная сопровождением чёрножалого взора, поспешила дальше.

Непонятная сладость этого испуга (да и сам испуг был ей мало понятен) вспоминалась на протяжении всей предотъездной кутерьмы – глотания драгоценностей, продажи и обмена вещей, суматошных денежных расчётов; соответствовавшей духу времени, когда все бежали, уезжали, приезжали, глотали камешки и яды, стрелялись, что-то распродавали и высчитывали разницу валют.

Две встречи подзабылись лишь при отплытии, как начали истаивать в воздушной синеве константинопольский порт и пышноусые басурмане кофеен, а в синемилой дали уже рисовались гаучо, сомбреро и прерии.

Когда рыжеватые кудри Яаны овеяли ветры Атлантики, а меж её очаровательных полушарий с победным залпом явились камни, залог безбедности на первых порах, Незнакомец (мысленно она писала это слово с заглавной буквы) явился вновь.

Она сидела на палубе, где трио исполняло Доменико Скарлатти, аккомпанируя томными движениями веера в ещё более томной кисти. Повернув голову вправо, навстречу бризу, увидела его облокотившимся о борт – уставившись вдаль, он попыхивал маленькой пеньковой трубочкой.

Слонявшиеся рядом пассажиры будто не примечали его, а он – их. Его солдатская шинель напомнила ей страшилки о красных, ходивших в подобных шинелях, и она отвернулась, боязливо поёжившись, а через несколько секунд, вернувшись взглядом, не нашла его, не нашла вообще нигде, только раздымочки из его трубки почему-то стойко держались в воздухе, она их видела ясно.

Нет такого пассажира, втолковал ей отец получасом спустя, оглядел её фигурку от рыжих венчиков макушки до кончиков туфелек и, всмотревшись в блажные глаза, медленно перекрестился.

Больше он про Незнакомца не слышал, а расспросив через день служанку, вновь не услышал подозрительного. Тамаренко настораживали только её капризы, небывалые до отъезда, нервные покачивания ногой под столом, птичье трепыхание пальцев над книгой, когда он спрашивал, каково доченьке в море.

На четвёртый день плавания он обедал в салоне-ресторане. Каждый третий присутствующий тоже был эмигрантом-славянином, а полковничье звание, дородность и окладистая борода Тамаренко внушали почтение и остальным двум третям. Он внёс достойную лепту в поедание, распитие, фехтование зубочистками и обсуждение межконтинентальных новостей, со вкусом излагая перипетии крымской кампании, вначале восхваляя Врангеля, потом журя, наконец, порицая, встав во главе белого дела и изгоняя из России «большевистскую чуму», и уже почти изгнал, когда собеседники сомлели, он также почувствовал усталость и удалился, столь умиротворённый, что не заметил опасного блеска вновь посиневших глаз Яны, не понял, что пуще прежней нервозности должны настораживать эти внезапное спокойствие и одновременно налёт праздничности во всей её осанке, будто перед балом, будто ею найдено, замечено нечто искомое.

Ему приснился тяжёлый длинный сон – верно, по причине переедания, – плавно перешедший в кошмар.

Он был уже в Буэнос-Айресе, на балу-маскараде, где за карточным столом, недалеко от танцующих, излагал сеньорам в сомбреро и с сигарами причины отступления белой армии, потом обернулся и увидел отворяющиеся двери, обе створки, как для короля, явно без участия рук, и узрел Незнакомца, при шпаге и в мундире, сошедшим со старинных фамильных портретов Тамаренко, и десятки гостей расступились, освобождая проход к его дочери.

Далее присутствующие в средневеково-барочно-рокайльных платьях застыли в статуарных позах в два ряда, только замедленно поводя и покачивая головами и руками, верно, в знак удивления от зримого меж рядами. Порозовевшую Яну в красном ренессансном платье вёл в танце Незнакомец, широкоплечий юноша малого роста в шитом золотом мундире, эполетах и туго обтягивающих ноги белых лосинах, выдававших выпуклостью соблазнённый Евою орган.

Тамаренко хотел привстать, но не мог.

Танцующие прошлись по залу, кружась, и скрылись в соседней комнате. Парой секунд позже Яана появилась на пороге и, окинув взглядом финальную сцену гоголевской пьесы, спокойно и медленно затворила двери.

Музыканты прервали игру.

Тамаренко дёргался в креслах, пытаясь встать, гости также подёргивались, видно, пытаясь двинуться с места. Ему казалось, что так прошло минут пять.

Наконец двери распахнулись, и вышел Незнакомец в красном платье Яаны. В полной тишине, облитый празднично-безучастным светом, невидяще глядя перед собой, медленным размеренным шагом он прошествовал обратно мимо полуокаменевших гостей. Теперь они поводили головами несколько иначе, оборачиваясь друг к другу с удвоенным удивлением на лицах, а Тамаренко отчего-то задержал внимание на том, что это брюнет, но рыжеусый.

Когда новый владелец яаниного платья удалился из залы, а гости бросились в комнату, откуда начал шествие Незнакомец, Тамаренко стряхнул временный паралич, ринулся вперёд, расталкивая тоги и мантии, и увидел дочь в мундире лейб-гвардии времён Николая I, лежащую на оттоманке с руками по швам, с закрытыми глазами, со шпагою на теле и смертной бледностью на лице. Он задёргался, хватаясь за туники и плащи, и проснулся.

«Смерть жидам, большевикам и антилихентам», – прошептал он любимую свою поговорку, сел, стал спешно креститься и вдруг застыл, полуоткрыв рот, ибо заслышал музыку.

Лунный свет окрашивал каюту тихим ужасом.

Тамаренко прильнул картофелиной носа к иллюминатору и увидел на палубе Яану, вальсирующую с Незнакомцем в мундире русского гвардейца времён деда Тамаренко, а за ними, у борта, сидели и играли на скрипках три музыканта, виденные вечером в салоне. Танцующие кружились очень медленно, будто в такт не музыке, а волнам, выбивающим о борт свою вечную мелодию, а складки ночной рубашки Яаны почему-то не сгибались, как накрахмаленные.

Отец выбежал в коридор и сел, как рухнул, в том самом параличе, выпавшем из сна в реальность вместе с танцем. Танцевавшие вошли в коридор, прошли мимо него, глядя перед собой, и он приметил, что глаза дочери более синие, чем когда-либо прежде, как небо за иллюминаторами.

Послышался звук затворяемой двери, он продолжал сидеть, припав к стене, и ему казалось, что так прошло минут пять.

Потом почувствовал, что может шевелить шеей, обернулся и увидел, что дверь распахнулась, и показалась Яана в форме Незнакомца и при шпаге. Мундир был широк ей в плечах и свисал, зато штаны сидели как влитые. Она проплыла по коридору, кружась в танце с невидимым партнёром, и выплыла в ночь.

Тамаренко стряхнул оцепенение и выбежал за ней. На фоне фиолетового пятна ночи Яана медленно кружилась над волнами в танце с невидимкой, удаляясь, размываясь в синеве.

«Дьявол!» – шёпотом воскликнул отец и почему-то, потерявшись, прошлёпал босиком обратно в каюту и увидел лежащего на диване юношу, с руками по швам девичьей ночной рубашки, смертно бледного, с немигающим взглядом в потолок и какою-то презрительной улыбкой на застывших губах.

Отец побежал обратно, воззрился на звёзды, сел у ног скрипачей, что, опустив глаза, всё играли, уставился перед собой и стал ждать, когда закончится и этот сон, бывший для него страшнее, хотя в нём не Яана лежала на смертном одре, а её Демон, она же удалилась в полёте, в танце, пусть даже посмертном, но отцу так казалось страшней, и он всё сидел и ждал чего-то под луною и скрипками.

Опубликовано в журнале «Новая Литература» 28.04.2023